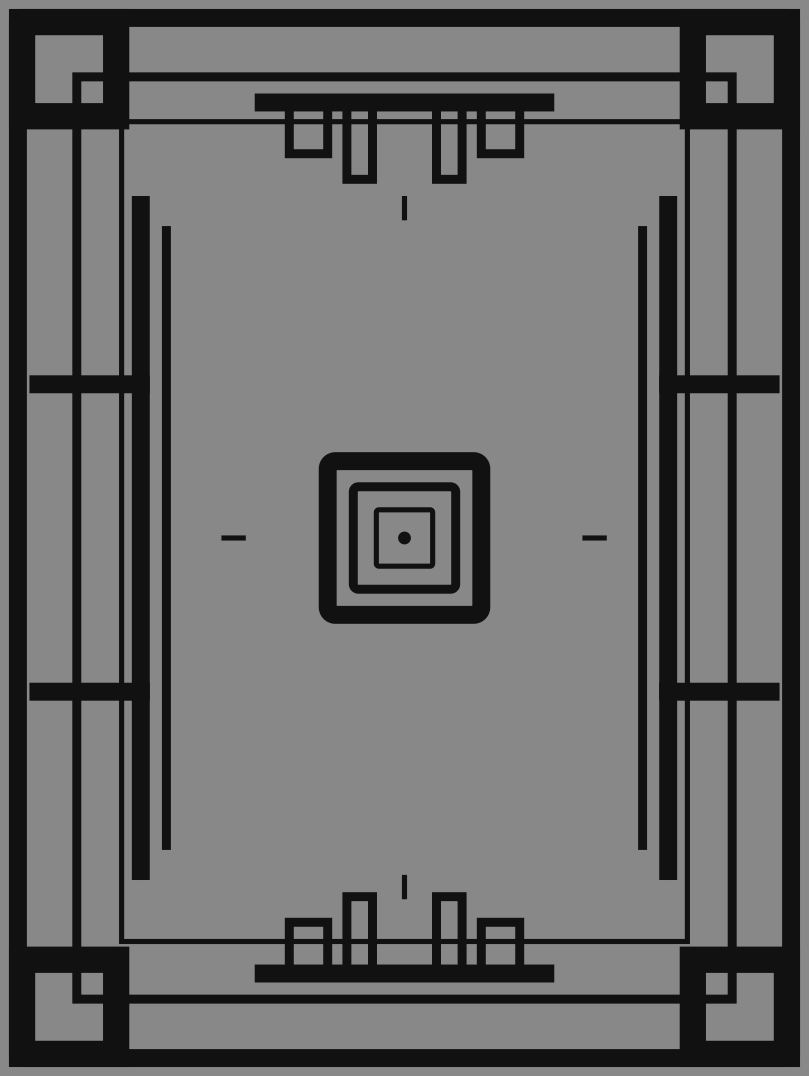

Жизнь дается лишь дважды

Ян Флеминг

Жизнь дается лишь дважды
1. Ножницы режут бумагу
2. Прикрытие для Бонда?
3. Невыполнимое задание
4. Дикко на Гинзе
5. Магия—44
6. Тигр, тигр!
7. Коллекционер смертей
8. Срази цветком
9. Свежевыкрашенный японец
10. Курсы усовершенствования
11. Лекция по анатомии
12. Свидание в Самарре
13. Кисси Сузуки
14. Солнечный день
15. Шестеро хранителей
16. Прелестное местечко
17. Здесь обитает зло
18. Подземная тюрьма
19. Допрос
20. Кровавая мелодрама
21. Некролог

22. Воробьиные слезы

Жизнь дается лишь дважды

1. Ножницы режут бумагу

Гейша по имени «Трепещущий Лепесток», стоя на коленях перед Джеймсом Бондом, склонилась к нему и быстро поцеловала в щеку.

— Что за дела? — сурово спросил Бонд. — Мой выигрыш — поцелуй в губы. По меньшей мере, — добавил он. Переводила «Серая Жемчужина», хозяйка заведения: черные лакированные зубы, сногсшибательные манеры, густой грим, словом, самый настоящий персонаж театра «Но». Девушки вокруг хихикали и шептались. «Трепещущий Лепесток», изобразив оскорбленную невинность, закрыла лицо руками. Но вот пальцы раздвинулись, и дерзкий карий глаз подмигнул Бонду. Тело ее стремительно изогнулось. На этот раз настоящий поцелуй в губы, мучительно долгий. Приглашение? Соблазн? Бонд помнил, рядом с ним сидит «постельная» гейша, гейша низшего разряда. Она не слишком сведуща в традиционных искусствах — не сможет рассказать забавную историю, петь, рисовать или сочинять стихи в честь гостя. Но, в отличие от своих утонченных подруг, готова на менее романтические услуги.

Главное условие — не распускать язык. И стоить это будет дорого. Но, в любом случае, грубому иностранцу постель понравится больше, чем «танка», в которой он сравнивается с хризантемой на склонах Фудзиямы, и которую он все равно не поймет.

Аплодисменты, встретившие эту вспышку неприкрытого желания, быстро и почтительно смолкли. Коренастый мужчина в черном кимоно, сидевший за низким красным лакированным столиком напротив Бонда, вынул зажатый в золотых зубах мундштук «Данхил» и положил рядом с пепельницей.

— Бондо-сан, — сказал Тигр Танака, шеф японской Секретной Службы, — предлагаю вам сыграть и заранее уверен в своей победе.

Миндалины глаз превратились в узенькие щелки. Большое загорелое лицо сморщилось в знакомой улыбке. И не улыбка это была, а блестящий золотом оскал тигриной маски.

Бонд рассмеялся:

— Ладно, Тигр. Но для начала еще саке! И не из этих дурацких наперстков. Пять порций, а толку, как от одного двойного мартини. Раз уж я решил продемонстрировать превосходство западной мудрости над коварством Востока, надо

повторить. Найдется среди всей этой китайской дребедени обыкновенный высокий стакан?

— Бондо-сан, это не китайский фарфор. Боюсь, в выпивке вы разбираетесь получше. Кроме того, не стоит недооценивать саке. У нас есть поговорка: «Человек пьет первый кувшин саке, затем второй кувшин пьет первый, а потом саке пьет человека».

Тигр Танака повернулся к «Серой Жемчужине» и, смеясь, заговорил. «Шуточки по поводу неотесанного европейца и его бездонного желудка», — решил Бонд. Мадам что-то сказала, и «Трепещущий Лепесток», низко поклонившись, выскользнула из комнаты. Тигр повернулся к Бонду.

— Вы произвели впечатление, Бондо-сан. Только борцы «сумо» могут выпить столько саке и устоять на ногах. Вы, несомненно, способны на восемь кувшинов. — Тигр хитро улыбнулся. — Но она считает, что для девушки к концу вечера толку от вас не будет.

— Скажите, что ни одна из девочек ей в подметки не годится. Я уверен, в ее арсенале есть средства, способные воскресить и мертвого.

Лесть достигла цели. «Серая Жемчужина» быстро заговорила. Тигр переводил:

— Бондо-сан, эта женщина не глупа. Она говорит, что уже состоит в законном браке с одним «Бон-сан», и на ее «футоне» нет места для другого. «Бон-сан» — в переводе священник, А «футон», как вы знаете, постель. Она скаламбурила на вашем имени.

Вечеринка с гейшами тянулась уже два часа, и челюсти Бонда ныли от бесконечных улыбок и вежливых ответов. Дурацкие звуки трехструнного самисена отнюдь не услаждали его слух, девушки надоели, и Бонду утаено хотелось отвесить прощальный поклон. Тигр Танака с садистским удовольствием наблюдал за его мучениями. Дикко Хендерсон предупреждал Бонда, что иностранцу эти вечеринки напоминают попытку развлечь толпу незнакомых друг с другом ребятишек в детском саду со строгой воспитательницей — мадам. Но еще Дикко сказал, что Тигр Танака оказывает ему высокую честь, а вечеринка обойдется Тигру в маленькое состояние, из секретных ли фондов или его собственного кармана, и Бонду лучше не выпендриваться, приглашение к гейшам — настоящий прорыв в операции, но может обернуться и катастрофой, здесь уж все зависит от Бонда.

Бонд улыбнулся и хлопнул в ладони, изображая

восторг. Он сказал Тигру:

— Скажите старой суке, что она умная старая сука, — принял чертов наперсток подогретого саке из рук «Трепещущего Лепестка» и осушил его двумя глотками. Потребовал, чтобы принесли еще, положил кулак на красный лакированный стол и с насмешливой воинственностью сказал: — Отлично, Тигр! Начнем!

Это была старая, как мир, игра — Ножницы режут Бумагу, Бумага скрывает Камень, Камень тупит Ножницы; детишки в нее играют повсюду. Кулак — это Камень, два; вытянутых пальца — Ножницы, а раскрытая ладонь — Бумага. Два игрока одновременно сжимают кулаки, и на счет «три» выбрасывается избранный предмет. Угадай предмет противника и выбрось свой — твоя победа. И блефуй изо всех сил.

Тигр Танака поднял кулак. Два человека внимательно смотрели в глаза друг друга. Мертвая тишина повисла в маленькой комнате с бумажными стенами. Впервые за весь-вечер было отчетливо слышно мягкое журчание крошечного ручейка в саду. И, может быть, из-за этой тишины, или же из-за серьезного и решительного выражения, внезапно появившегося на жестоком самурайском лице Тигра Танаки, по коже Бонда

побежали мурашки.

Это была уже не детская игра. Тигр обещал победишь Бонда. Поражение обойдется дорого. На сколько? Оборвет дружбу, связавшую их за последние недели? Тигр — один из самых влиятельных людей в Японии. Проиграть паршивому иностранцу, да еще в компании двух женщин! Девки могут проболтаться. На Западе это ерунда, так, карточный проигрыш в клубе. Но на Востоке! Вообще-то, Дикко Хендерсон внушил Бонду, что условности Востока, как бы старомодно или по-дурацки банально они не выглядели, надо уважать, но в деталях Бонд путался.

Что же делать, выиграть или постараться проиграть? Но и проигрыш следовало продумать. Проиграть специально было так же трудно, как и выиграть. Даже этот идиотский маленький гамбит значил многое для успеха полученного Бондом необычного задания.

Шестым чувством Тигр Танака угадал решение проблемы. Он хрипло рассмеялся, и в смехе его не было ни юмора, ни радости.

— Бондо-сан, сейчас, когда я хозяин, а вы почетный гость, с моей стороны было бы естественно дать вам выиграть. Было бы… И поэтому я заранее приношу извинения за свой выигрыш.

Бонд весело улыбнулся:

— Дорогой мой Тигр, стоит ли играть, не собираясь выигрывать. Не оскорбляйте меня намеренным проигрышем. Но вы меня провоцируете. Тактика борцов «сумо» перед боем. Пожалуйста, объявите нашей уважаемой аудитории, что я полон решимости утереть вам нос и тем продемонстрировать не только превосходство Великобритании, и, особенно, Шотландии над Японией, но и превосходство нашей королевы над вашим императором.

Подогретый саке, Бонд разошелся. Такие разные обычаи их стран были темой бесконечных шуток, и Тигр, получивший перед войной в «Тринити» бакалавра с отличием, страшно гордился «демокорацу» своих взглядов и либеральной широтой восприятия Запада. Но Бонд, заметивший внезапный блеск в темных глазах, вспомнил предупреждение Дикко: "Слушай, ты, безмозглый островитянин. Ты все делаешь правильно. Но не испытывай судьбу. Т.Т. — малый цивилизованный — по-японски, конечно. Смотри, не залети. Черный пояс в дзюдо у него был задолго до учебы в вашем паршивом Оксфорде. И шпионажем он занимался еще перед войной, помощником военно-морского атташе в Лондоне. А вы, из-за

оксфордской степени, идиоты, считали его примерным мальчуганом. И не забывай послужной список Тигра. Не забывай, что войну он закончил адъютантом адмирала Ониси и проходил подготовку камикадзе, когда янки нашумели над Хиросимой и Нагасаки, и «Восходящее Солнце» сделало сальто назад в океан. А если ты все это вдруг забудешь, спроси себя, почему из девяноста миллионов японцев именно Т.Т. стал шефом «Коан-Чоса-Куоку» — Секретной Службы. О'кей, Джеймс? Усек?

Здесь, в Японии, Бонд усердно отрабатывал позу лотоса. Тоже по совету Дикко. «Проникнешься ты духом этой нации или нет, — сказал тот, — тебе придется провести массу времени, уминая землю собственной задницей. Эта индийская поза со скрещенными ногами — единственный способ не растянуть связки. Потребуется тренировка, но жить будешь и сохранишь лицо».

Кое-каких успехов Бонд уже достиг, и все же сейчас, отсидев два часа, чувствовал, что, не изменив позы, останется кривоногим на всю жизнь. Сказал Тигру:

— Играя с таким мастером, как вы, нужно сменить позицию и сконцентрироваться.

С трудом поднялся, потянулся и вновь уселся

— на этот раз вытянув одну ногу под низким столиком и уперев левый локоть в согнутое колено другой.

Какое блаженство. Он поднял свою чашу, и «Трепещущий Лепесток» послушно наполнила ее из большой плоской бутылки. Бонд проглотил саке, протянул чашу девушке, и внезапно треснул правым кулаком по лакированному столику так, что задребезжали маленькие вазочки с засахаренными фруктами и зазвенел фарфор. Он воинственно взглянул на Тигра Танаку.

— Начнем!

Тигр поклонился. Бонд ответил поклоном. Девушка замерла в ожидании. Глаза Тигра впились в Бонда, пытаясь угадать ход. Бонд решил не загадывать заранее, играть по наитию, пусть кулак сам выбрасывает нужную фигуру.

Тигр сказал:

— Три игры по три кона?

— Согласен.

Два кулака медленно легли на стол, побарабанили в унисон и стремительно взлетели. Тигр выбрал Камень.

Открытая ладонь Бонда была Бумагой, оборачивающей Камень. Один — ноль, в пользу Бонда. Тот же ритуал и — момент истины. Тигр вновь

выбросил Камень. Вытянутые пальцы Бонда означали Ножницы, затупленные о Камень. Один — один. Тигр помедлил и прижал кулак ко лбу. Задумался, закрыв глаза, и сказал:

— Так. Я поймал вас, Бондо-сан. Теперь вам не уйти.

— Валяйте, — сказал Бонд, пытаясь избавиться от мысли, что Тигр вновь выбросит Камень, или же наоборот, Тигр решит, что Бонд будет играть Бумагу и выберет Ножницы.

Варианты мелькали, как фрукты на табло однорукого бандита.

Два кулака подняты — раз, два, вперед!

Тигр держался за свой Камень. Бонд завернул его в Бумагу.

Первая игра за Бондом.

Вторая партия была длиннее. Они часто выбрасывали одинаковые фигуры, приходилось переигрывать. Казалось, они пытались понять психологию друг друга. Но только казалось. Бонда психология не интересовала. Он полагался на интуицию. Нужна всего лишь удача.

Тигр выиграл. Один — один.

Последняя игра! Они посмотрели друг на друга. Бонд мягко, чуть насмешливо улыбнулся. Ярость блеснула в глубине темных глаз Тигра. И Бонд

заметил это: «Умнее будет проиграть. Или?»

Он выиграл двумя стремительными ходами, затупив Ножницы Тигра своим Камнем, завернув Камень Тигра в свою Бумагу.

Тигр низко поклонился. Бонд поклонился еще ниже. Он искал нужные слова.

— Эта игра должна быть включена в вашу Олимпиаду. Меня, несомненно, пошлют защищать цвет нации.

Тигр Танака вежливо улыбнутся:

— У вас прекрасная интуиция. В чем же секрет вашего метода?

Метода у Бонда не было. Но он тут же изобрел нечто, подходящее для Танаки.

— Вы человек из гранита и стали, Тигр. Я решил, что уж Бумагу-то вы не выберете. И играл соответственно.

Фокус прошел. Тигр поклонился. Бонд поклонился и, подняв тост за Тигра, хватил еще саке. Гейша зааплодировала, а мадам поручила «Трепещущему лепестку» подарить Бонду еще один поцелуй, что та незамедлительно и сделала.

Что за кожа у японок! Как легки их прикосновения! Джеймс размечтался о предстоящей ночи, но тут Тигр сказал:

— Бондо-сан, мне нужно кое-что обсудить с

вами. Окажите мне честь и будьте гостем у меня дома.

Игривые мысли тут же исчезли из готовы Бонда. Как говорил Дикко, побывать у японца дома — невиданная честь. Похоже, он правильно поступив, победив в этой детской игре. Открывались перспективы. Бонд поклонился.

— С величайшим удовольствием, Тигр.

Часом позже они сидели в нормальных креслах, поднос с выпивкой стоял рядом. Огни Иокогамы светились на горизонте, и слабый запах гавани и моря чувствовался через широко открытую перегородку, смотрящую в сад. Как и все японские дома, дом Тигра был построен так, чтобы обитатель его был как можно ближе к природе. Три другие перегородки квадратной комнаты тоже были приподняты, открывая спальню, маленький кабинет и коридор.

Тигр поднял перегородки, как только они вошли в комнату.

— На Западе, обсуждая секреты, закрывают все окна и двери. В Японии мы все открываем, чтобы никто не подслушал за тонкой стеной. А я хочу поговорить с вами о вещах совершенно секретных. Саке не остыло? Курите, это ведь ваши любимые? Теперь слушайте, и все услышанное

должно остаться между нами.

Тигр Танака улыбнулся своей золотой улыбкой и невесело рассмеялся:

— Если проболтаетесь, мне придется вас ликвидировать.

2. Прикрытие для Бонда?

А ровно месяц назад, как и всегда в это время, закрывался «Блейдз». И со следующего дня, первого сентября, членам его, непростительно застрявшим в Лондоне, придется весь месяц таскаться в «Вайтс» или «Будлз». «Вайтс» был чересчур «прикинутым» и шумным, «Будлз» забит престарелыми сельскими сквайрами, болтающими только об открытии сезона охоты на куропаток.

Это был жуткий месяц. И он наступил. Считалось, что обслуге в «Блейдз» требуется отдых. Кроме того, нужно было что-то покрасить, и крыша прогнила.

М., сидевшему у эркера, выходящего на площадь Сент-Джеймс, на все это было наплевать. Ему предстояла двухнедельная ловля форели на реке Тест, а две оставшиеся недели он обойдется кофе и бутербродами на работе. В «Блейдз» он ходил редко, в основном с важными гостями. Он не был «клубменом», а будь на то его воля, выбрал бы «Сениор», лучший армейский клуб в мире. Но там было слишком много знакомых и слишком много «деловых» разговоров. И слишком много

бывших сослуживцев, которые обязательно подойдут и спросят, чем же это он занимается после отставки. А врать, что есть такая фирма «Юниверсэл Экспорт», надоело, да и не стоило рисковать.

Портфилд занимался сигарами: придвинул ящичек и предложил его гостю. Сэр Джеймс Молони насмешливо поднял брови:

— Смотрю, «гаваны» у вас не переводятся.

Его рука замерла над ящиком. Он выбрал «Ромео и Джульетту», осторожно вытащил ее и понюхал. Повернулся к М.:

— А что «Юниверсэл Экспорт» посылает Кастро взамен? Ракеты «Блу Стрик»?

М. шуточка вовсе не позабавила, заметил Портфилд. Он служил под командой М. еще главстаршиной на флоте. Он ответил быстро, но с достоинством:

— Вы знаете, сэр Джеймс, лучшие сорта с Ямайки сейчас почти не уступают «гаванам». По крайней мере, верхний лист делается именно так, как надо.

Портфилд закрыл стеклянную крышку ящика и отошел.

Сэр Джеймс Молони взял со стола специальный пробойничек, тщательно проколол кончик своей сигары, прогрел его зажигалкой «Свон Веста» и

потихоньку запыхтел, раскуривая. Отпил глоток коньяка, потом кофе и поудобнее устроился в кресле. С добродушной иронией взглянул на хозяйки кабинета:

— Отлично, друг мой. Рассказывайте. В чем дело?

Мысли М. витали где-то далеко. Казалось, он целиком был занят своей трубкой.

— Какое дело? — спросил он рассеянно.

Сэр Джеймс Молони был крупнейшим неврологом Англии. Годом раньше он получил Нобелевскую премию за свои знаменитые «Некоторые побочные психосоматические явления органической неполноценности». Заодно он консультировал Секретную Службу. И хотя приглашали его нечасто и только в особых случаях, проблемы эти весьма его занимали, были интересны как специалисту и важны для безопасности страны. Теперь, после войны, бывал он здесь совсем редко.

М. отвернулся от гостя и принялся разглядывать автомобили на площади.

— Друг мой, — сказал сэр Джеймс, — как и у всех, у вас есть стереотипы поведения. Один из них: приглашаете меня на ланч в «Блейдз», закармливаете, как страсбургского гуся, посвяща-

ете в очередную гнусную тайну и просите помочь разобраться в ней. В последний раз, припоминаю, хотели, чтобы я извлек информацию из некоего дипломата, загнав его в глубокий гипноз. Вы сказали, что это последний шанс. Помочь я вам не смог, а через пару недель узнал из газет, что этот человек погиб после неудачного опыта с силами земного тяготения на уровне одиннадцатого этажа. Коронер вынес вердикт, где можно было выбрать между «упал или был выброшен». Чем я буду расплачиваться за ужин на сей раз? — Уже добродушнее сэр Джеймс добавил: — Давайте, М.! Облегчите душу!

М. холодно посмотрел ему в глаза.

— Это 007. Он меня все больше и больше беспокоит.

— Я его дважды обследовал. Что-нибудь новое?

— Нет. Все по-прежнему — медленно разваливается на части. Опаздывает на службу. Плохо работает. Делает ошибки. Слишком много пьет и просаживает кучу денег в игорном клубе. Скоро на него просто невозможно будет положиться. Черт знает что, с его-то послужным списком.

Сэр Джеймс покачал головой:

— Ничего странного. Вы или не читали мои отчеты, или читали невнимательно. У парня

нервный шок.

Сэр Джеймс наклонился и нацелился сигарой в грудь М.

— Вы жесткий человек, М. Должно быть, из-за такой работы. Но есть проблемы — человеческие, например, которые невозможно решить линьком. Как раз такой случай. Ваш агент, упрямый и мужественный, каким и вы были в его годы. Холостяк и бабник. Внезапно влюбляется, отчасти потому, что его дама в беде и нуждается в помощи. Удивительно, как мягки иногда эти жесткие парни. Он женится, и через несколько часов ее убивают. Как звали убийцу?

— Блофелд. Эрнст Ставро Блофелд.

— Ну вот, парень отделался трещиной в черепе. Но потом ему стало совсем плохо, и ваши медики решили, что у него мозги не в порядке, и отправили его ко мне. А у него ничего нет. Физически здоров — но в шоке: пропал вкус к жизни. Я слышу это от пациентов каждый день. Психоневроз. На вашего парня это свалилось внезапно. Ситуация трагическая: гибель любимой, к тому же он считает себя виновником ее смерти. А раньше всегда был хозяином положения. Попробуйте-ка поставить себя на его место. Вот этот страшный груз и разрушает его личность. Я писал вам, что

только работа, сложная и опасная, может вывести его из шока. Он должен понять — у катастрофы предела нет. Пока ты дышишь, принимай жизнь со всеми ее несчастьями. Они — одно из условий человеческого существования. Вы давали ему задания в последние месяцы?

— Дважды. И оба раза — полный провал. Чуть было не погиб сам, наделал ошибок и подставил под удар других. Вот это-то меня и волнует. Раньше у него ошибок не было. А сейчас, похоже, неудачи сами ищут его.

— Еще один невротический симптом. Что вы намерены делать?

— Вышвырнуть его. Как смертельно больного. Я не собираюсь держать в отделе недоумка, каких бы оправданий вы, психологи, для него не выдумали. И плевал я на все его прошлые заслуги. На пенсию. Почетная отставка, и все такое. Найду ему какое-нибудь занятие. Пусть банки охраняет.

М. неуверенно смотрел в голубые детские глаза знаменитого ученого:

— Вы-то меня понимаете, сэр Джеймс? И в штаб-квартире, и у оперативников все забито, и нет такого места, куда я бы мог засунуть 007 и позволить ему ошибаться.

— Вы теряете одного из лучших своих людей.

— Что поделаешь… Я не могу рисковать.

Сэр Джеймс повернулся к окну, задумчиво попыхивая сигарой. Бонд ему нравился. Ему и раньше приходилось консультировать этого парня. Он чувствовал в нем настоящее мужество, душевные силы, позволяющие выстоять там, где обычный человек ломается. Экстремальная ситуация высвободит эти резервы, разбудит жажду жизни. Он помнил, как бесчисленные невропаты навсегда исчезли из его кабинета сразу после начала войны. Нарастающий страх и возрастающие неприятности вытеснили меньшие. Он принял решение. Он повернулся к М.:

— Дайте ему еще один шанс. Уверен, что поможет. Ответственность беру на себя.

— Что вы имеете в виду?

— Я мало что знаю о вашей работе, М. Своих секретов хватает. А вот этому парню нужно поручить что-то совершенно невыполнимое. Не обязательно опасное, убийство там, или похищение русских шифров. Но что-то очень важное и столь же безнадежное. Дело, которое заставит забыть о личных неприятностях, заставит его мобилизоваться. Не жалейте его. Он любит свою страну — используйте его патриотические чув-

ства. Грудь в крестах, или голова в кустах. Для человека его склада это важно. Придумайте дело, требующее немедленного решения. Дайте ему задание! И он придет в себя. По крайней мере, дайте ему шанс. Договорились?

Пронзительный звонок красного телефона, молчавшего так много недель, вышвырнул Мери Гуднайт из ее кресла перед пишущей машинкой, как эжектор отстрелянную гильзу. Ока метнулась в соседнюю комнату, подождала секунду, переводя дыхание, и, с опаской, как гремучую змею, взяла трубку.

— Да, сэр… Нет, сэр. Это его секретарь.

Она посмотрела на часы, ожидая худшего.

— Это так неожиданно, сэр. Он будет через несколько минут. Попросить его позвонить вам, сэр? Да, сэр.

Она положила трубку. Пальцы дрожали.

— Черт побери! Где его носит? Джеймс, ну поторопись, пожалуйста, — сказала она. Печально вернулась в приемную и села за машинку. Невидящими глазами посмотрела на нее и сосредоточила все свои телепатические способности: «Джеймс, Джеймс! М. ищет тебя! Ты ему нужен!».

«Синхрофон!» — внезапно мелькнуло в голове. Только бы он не забыл. Она быстро зашла в его ка-

бинет, рывком открыла правый ящик стола. Нет! Маленький пластиковый приемник, по которому его могли бы вызвать с центрального пульта, был тут. Все старшие офицеры штаб-квартиры должны были брать эту штуковину с собой, покидая здание. Но уже столько времени ему было на все наплевать. Она выхватила приборчик из ящика и швырнула на стол. «Черт бы тебя побрал!» — выкрикнула она и понуро пошла к себе.

Состояние здоровья, погода, чудеса природы — все это лет до сорока не слишком занимает нормального человека. Лишь ближе к среднему возрасту они перестают быть фоном для вещей более интересных. До недавнего времени именно так относился к ним и Джеймс Бонд. Хорошее здоровье, не считая кое-каких случайностей, после которых приходилось заштопывать дыры, и которые он воспринимал, как падение в детстве с дерева, было его естественным состоянием.

Погода? Единственная проблема — взять плащ или опустить верх на «бентли».

В птичках, пчелках и цветочках его интересовало лишь, кусаются ли они, или жалят, и хорошо или плохо пахнут. Но сегодня в последний день августа, ровно восемь месяцев спустя после гибели Трейси, он сидел в Риджентс-парке, и мысли

его были заняты именно этими тремя вещами. Первым делом — здоровье. Чувствовал он себя паршиво, и знал, что так же и выглядит. Уже несколько месяцев, тайком, он обходил лучших частных врачей Лондона, обращался к узким специалистам и терапевтам-всезнайкам, каким-то шарлатанам, даже к гипнотизеру. Он объяснял: «Состояние жуткое. Сплю плохо. Практически ничего не ем. Слишком много пью. Работа не ладится. Разваливаюсь на куски. Помогите». И каждый измерял ему кровяное давление, делал анализ мочи, прослушивал сердце и легкие, задавал вопросы, на которые он честно отвечал. После всего ему сообщали, что у него в общем-то все в порядке. Он платил свои пять гиней и со свежей пачкой рецептов отправлялся в ближайшую аптеку — за транквилизаторами, снотворным, тонизирующим.

И вот только что он послал к черту последнюю свою надежду — гипнотизера, посоветовавшего ему для восстановления мужества трахнуть какую-нибудь бабу.

Можно подумать, что он не пытался! И предлагавших ему это на чердаке. И просивших свозить их в Париж. И спрашивавших безразлично: «Теперь получше, милок?»

Гипнотизер был неплохой парень. Наводил тоску рассказами о том, как лихо сводит бородавки, и как за ним охотилась Британская медицинская ассоциация, но, в конце концов. Бонду надоело сидеть в кресле, слушая тихий монотонный голос, и, по приказу, расслабляться, уставившись на голую лампочку под потолком.

Он плюнул на курс стоимостью в пятьдесят гиней и сидел сейчас в тихом садике. Пора было возвращаться в контору — всего десять минут ходу через парк.

Бонд посмотрел на часы. Начало четвертого, опоздал уже на полчаса. Провались все пропадом! Господи, ну и жара. Он вытер лоб ладонью, а ладонь о брюки. Он никогда так не потел. Климат меняется. Атомные бомбы… что бы там умники ни говорили.

Хорошо бы сейчас очутиться где-нибудь на юге Франции. Где можно купаться, когда захочешь. Но в отпуске он уже был. Что за дерьмовый месяц он провел после гибели Трейси. Затем — Ямайка. Тоже не сахар. К черту! Какое там еще море. И здесь хорошо. Прекрасные розы. Запах приятный, и вообще, хорошо сидеть здесь, прислушиваясь к шуму улицы. Шмели гудят. Так и вьются над цветами. Книжка о них есть какого-то бельгийца,

Меттерниха, или как его там. У него что-то и о муравьях есть. Вот это жизнь. Никаких проблем. Просто живут и умирают. Делают то, для чего они предназначены, и с копыт. Вот только куда трупы исчезают? А муравьи? Тысячи, миллионы их должны умирать каждый день. Может, их другие лопают? Господи! Надо идти на работу, а то Мери привяжется. Все-таки она молодец. И правильно она его пилит. Но его проблемы ей не понять. Хотя, какие проблемы? Ладно. Ни к чему все это. Бонд поднялся, подошел поближе и взглянул на табличку перед розами, которыми он только что любовался: ярко-красные назывались «Супер Стар», белые «Айсберг». И со всей этой мешаниной из мыслей о собственном здоровье, жаре, и пчелиных трупах Бонд зашагал потихоньку к высокому серому зданию, верхние этажи которого высились над деревьями. Три тридцать. Всего два часа до следующей выпивки!

Лифтер, положив обрубок правой руки на рычаг управления, сказал:

— Ваша секретарша что-то паникует, сэр. Всюду вас ищет.

— Спасибо, сержант.

То же самое ему сообщили, когда он вышел на шестом этаже и показал свой пропуск дежурно-

му. Не торопясь, он пошел по тихому коридору, в конце которого на двери висела табличка с двумя нолями. За ней была другая дверь, с табличкой 007.

Он вошел и закрыл за собой дверь. Мери Гуднайт взглянула на него и спокойно сказала:

— Вас ищет М. Он звонил полчаса назад.

— Какой еще М.?

Мери вскочила, глаза ее сверкнули:

— Ради Бога, Джеймс, хватит дурака валять! Поправьте галстук.

Она подошла к нему, поправила ему галстук:

— И причешитесь. Вот моя расческа.

Бонд рассеянно причесался.

— Хорошая ты девочка, Гуднайт.

Он приподнял ее подбородок:

— А как насчет бритвы? На эшафоте нужно держать марку.

— Пожалуйста, Джеймс.

Ее глаза посветлели.

— Отправляйтесь к нему. Он так давно не вызывал вас. Должно быть, что-нибудь важное.

Она отчаянно пыталась скрыть дрожь в голосе.

— Начинать новую жизнь всегда интересно. Кто это здесь боится Большого Страшного М.? Будешь помогать мне в курятнике на ферме?

Она отвернулась и закрыла лицо руками. Он легонько похлопал ее по плечу и, зайдя в свой кабинет, поднял трубку красного телефона:

— Это 007, сэр. Извините, сэр. Пришлось зайти к дантисту. Я знаю, сэр. Извините. Я забыл его в столе. Так точно, сэр.

Он медленно положил трубку, бросил прощальный взгляд на кабинет и со смирением человека, получившего приговор, отправился в лифте наверх.

Мисс Манипенни посмотрела на него с плохо скрываемой неприязнью: — Можете войти.

Бонд расправил плечи и взглянул на дверь, за которой так часто решалась его судьба. Нерешительно, словно боясь, что его ударит током, взялся за ручку, вошел и закрыл дверь за собой.

3. Невыполнимое задание

М., в своем синем, с квадратными плечами, костюме, стоял, сгорбившись, у большого, выходящего в парк, окна. Не оглядываясь, он бросил:

— Садитесь! — Ни имени, ни номера!

Бонд уселся на свое обычное место у стола напротив кресла М. Он заметил, что на покрытом красной кожей столе не было досье. И корзинки для «входящих» и «исходящих» были пусты.

Внезапно он почувствовал себя действительно паршиво — и из-за того, что позволил М. разочароваться в себе, из-за того, что разочаровался в «Службе», и из-за того, что позволил себе опуститься. Этот пустой стол, пустое кресло — были окончательным приговором. Для тебя ничего нет, казалось, говорили они. Ты нам больше не нужен. Извини. Ты хороший парень, но так уж получилось.

М. подошел, тяжело опустился в кресло и посмотрел на Бонда. Изрезанное морщинами лицо моряка было бесстрастно, неподвижностью своей напоминая блестящую синюю кожу кресла.

— Вы знаете, зачем я вас вызвал?

— Догадываюсь, сэр. Я готов подать в отставку.

М. разозлился:

— Это вы о чем? Думаете, виноваты, что отдел 00 простаивает? Просто нет работы. И раньше такое случалось, целыми месяцами.

— Я же завалил два последних задания. Медики тоже недовольны.

— Ерунда. С вами все в порядке. Просто не везло. И на то были причины. Всякий может наделать ошибок. Но бездельников я содержать не могу. Перевожу вас из отдела 00.

Повеселевший было Бонд опять нахмурился. Старик пытается подстелить соломки.

— В этом случае, сэр, позвольте мне подать рапорт об отставке. Я слишком долго работал в 00. Боюсь, штабная работа не для меня. Не интересуюсь и не разбираюсь.

И тут М. выкинул фокус, никогда прежде Бондом невиданный. Он поднял правый кулак и изо всей силы треснул им по столу.

— С кем это ты разговариваешь? Что ты здесь выпендриваешься? Бог мой! Я предлагаю тебе повышение и ответственнейшее задание, а ты болтаешь об отставке! Сопляк безмозглый!

Бонд был ошеломлен. И взволнован. Какого черта? Он пробормотал: — Извините, сэр. Боюсь,

я несколько распустился в последнее время.

— Вот именно!

М. стукнул по столу еще раз, но уже потише.

— Теперь слушай, я перевожу тебя в Дипломатический отдел. Четырехзначный номер и тысяча в год прибавки. Ты этот отдел не знаешь. Могу сказать, что там занято еще два человека. Если хочешь, оставь себе прежний кабинет и секретаря. Думаю, так даже лучше будет. Не хочу, чтобы о твоем новом назначении стало известно. Ясно?

— Так точно, сэр.

— В любом случае, уже на этой неделе отправишься Японию. Начальник штаба лично готовит операцию. Даже мой секретарь не знает об этом. Даже досье (М. махнул рукой), как видишь, нет. Дело чрезвычайно важное.

— Но почему я, сэр?

Сердце Бонда стучало. Вот уж чего он не ожидал! Еще десять минут назад он был у разбитого корыта, его карьера, его жизнь ничего не стоили, и вдруг такой взлет! В чем же дело?

— По той простой причине, что это задание невыполнимо. Ну, может быть, я слегка преувеличиваю. Скажем, шансы на успех весьма невелики. В прошлом ты доказал, что способен

действовать в сложных обстоятельствах. В этом случае мускулы не потребуются.

М. холодно улыбнулся.

— Никакой пальбы. Придется пошевелить мозгами. Но если тебе повезет, в чем я очень сомневаюсь, наша информация о Советском Союзе основательно пополнится.

— Можно поподробнее, сэр?

— Придется. Учтите, письменных материалов нет. Менее конфиденциальные данные, например, о японской Секретной Службе можете получить в отделе "Я". Начальник штаба прикажет полковнику Гамильтону ответить на все вопросы, но ни слова ему о целях вашей поездки. Понятно?

— Так точно, сэр!

— Дальше. В криптографии разбираетесь?

— Не слишком, сэр, просто предпочитал не связываться. Если влипнешь, об этом лучше ничего не знать.

— Тоже верно. Ну а японцы в этом здорово разбираются. Подходящий образ мышления для всяких трюков с буквами и цифрами. После войны, под руководством ЦРУ, они сделали потрясающие шифровальные машины — куда там ИБМ. И в прошлом году расшифровали все совет-

ские пере говоры из Владивостока и Азиатской России — дипломатические, флотские, ВВС.

— ЗдОрово, сэр.

— ЗдОрово для ЦРУ.

— А разве они не делятся с нами, сэр? Я думал, мы друзья до гроба…

— Только не на Тихом океане. Они считают его собственной лужей. Когда в ЦРУ заправлял Аллен Даллес, мыло крайней мере, получали информацию, касавшуюся непосредственно нас, но этот новый парень Маккоун прикрыл лавочку. Он хороший мужик, мы даже подружились. И он честно сказал, что лишь выполняет приказ Совета Национальной Безопасности и все такое. Они боятся утечки. Не могу винить их. Я тоже боюсь утечки — у них. Несколько лет назад к русским перешли двое старших криптографов — они знали многое из переданного нами американцам. А в нашем так называемом демократическом государстве пресса чересчур много и подробно пишет о таких делах. «Правда» не разражается рыданиями, когда один из их людей перебегает к нам. «Известия» не требует публичного расследования. Думаю, кто-то в КГБ получает по заслугам. Но, по крайней мере, они продолжают заниматься своим делом, и отставные члены Верховного

Совета не копаются в их архивах и не учат, как руководить разведкой.

Бонд знал, что М. собирался подать в отставку после дела Прендегаста. Оно касалось резидента с гомосексуальными наклонностями, недавно, при невероятной шумихе, получившего тридцать лет за измену. Бонд сам выступал свидетелем, и знал, что запросы в парламенте, процесс в Олд Бейли и слушания в трибунале о деятельности Секретной Службы примерно на месяц нарушили нормальную работу в штаб-квартире и спровоцировали самоубийство не повинного ни в чем резидента, принявшего всю эту заваруху на свой счет. Стараясь отвлечь М., Бонд спросил:

— Так вот, эта японская информация. Чем я могу быть полезен, сэр?

М. положил ладони на стол. Его обычный жест, когда он приступал к сути дела, и сердце Бонда опять дрогнуло.

— В Токио есть такой Тигр Танака. Шеф их спецслужбы. Не помню, как они ее называют, какая-то непроизносимая японская абракадабра. Тот еще тип, с отличием окончил Оксфорд. Перед войной вернулся в Англию, занимался разведкой. Работал в «кемпейтай», их вариант гестапо, проходил подготовку «камикадзе» и, если бы не

капитуляция, давно бы уже сгнил. Именно у него информация, которая нужна нам, нужна мне, нужна Генштабу. Тебе придется отправиться туда и все из него вытряхнуть. Каким образом — дело твое. И вот почему я не верю в твой успех.

М. ухмыльнулся.

— Он «ленник» ЦРУ, а о нас не слишком высокого мнения.

Губы М. искривились:

— Многие сейчас так думают. Иногда они правы, иногда нет. Я не политик. Все его сведения о нас — от ЦРУ. Уже поэтому они не в нашу пользу. С 1950 года резидентуры Японии у нас нет. Отсутствует связь. Все перешло к американцам. Тебя прикроют австралийцы. Они уверяют, что их резидент вполне компетентен. Отдел "Я" это подтверждает. Такие вот дела. Не вижу иного кандидата, кроме тебя. Рискнешь, Джеймс?

Внезапно М. дружелюбно улыбнулся. Это случалось нечасто. Бонд почувствовал, что его тянет к этому человеку, которого он знал так мало, и который так часто решал его судьбу. Он понимал, что есть и скрытые причины этого задания, мотивы, о которых он не догадывается. Его пытаются спасти? М. дает ему последний шанс? Внешне незаметно. В чем дело? Безнадежно? Невозмож-

но? Может быть. Почему же М. не взял человека, знающего японский? Бонд никогда не бывал восточнее Гонконга. Но у ориенталистов есть свои недостатки — слишком увлекаются чайными церемониями, икебаной, Дзеном и прочей мишурой. Нет. Все нормально.

— Да, сэр. Я попробую.

— Отлично!

М. коротко кивнул, наклонился и нажал кнопку интеркома:

— Начштаба? Какой номер вы присваиваете 007? Хорошо. Сейчас он будет у вас.

М. выпрямился. И опять улыбнулся:

— Получите ваш старый номер. Четыре семерки. Отправляйтесь на инструктаж.

— Есть, сэр, и спасибо.

Он встал, вышел из кабинета, подошел к мисс Манипенни, наклонился и поцеловал ее в щеку. Она порозовела и прикрыла щеку рукой.

— Пенни, будь ангелочком, звякни Мери и скажи, чтобы она придержала сегодняшний вечер для меня. Я приглашаю ее на обед. В «Скоттс». Жареная куропатка и розовое шампанское — первый раз в этом году. Празднуем.

— Что именно?

Глаза мисс Манипенни внезапно блеснули.

— Понятия не имею. День рождения королевы, или еще что-нибудь. Договорились?

Бонд закрыл дверь и отправился в кабинет начальника штаба.

Мисс Манипенни подняла трубку внутреннего телефона и возбужденно затараторила:

— Мери, я думаю, он опять в форме. Выделывает прежние штучки. Интересно, что это М. ему сказал. У старика был сегодня ланч с сэром Джеймсом Молони. Смотри, не говори Бонду об этом, но тут есть какая-то связь. Он сейчас у начштаба. А Билл сказал, что тот приказал их не беспокоить. Похоже, новое задание. Билл такого тумана напустил.

Билл Таннер, бывший полковник-сапер и лучший друг Бонда, взглянул на него из-за своего заваленного делами стола и заулыбался, довольный увиденным.

— Садись. Словил дельце? Не сомневался. Но штука каверзная. Думаешь, справишься?

— Все возможно, — весело ответил Бонд. — Этот Танака, похоже, твердый орешек, а какой из меня дипломат. Почему М. подсунул это мне, Билл? Я-то думал, что у него в отстойнике из-за двух последних завалов. Собрался было разводить цыплят. Будь паинькой, проясни ситуацию.

Ответ у Таннера был готов. И он беззаботно сказал.

— Чепуха, Джеймс. Просто у тебя шла черная полоса. С любым может случиться. М. считает тебя лучшей кандидатурой. Сам знаешь, у него свое мнение о твоих способностях. По крайней мере, отдохнешь от пальбы. Самое время выбраться из 00. Никогда не задумывался о повышении?

— Никогда! — выпалил Бонд. — Как только вернусь, потребую назад свой старый номер. А теперь скажи, с чего мне начать? Что предлагают австралийцы! И что я смогу предложить в обмен коварному азиату? Если я раздобуду информацию, каким образом я переправлю ее сюда? Объем большой — будут сложности.

— Он может получить все данные отдела "Г". Если захочет, может послать к нам в Гонконг своего человека. Он неплохо осведомлен о Китае, но ничего на уровне наших данных из Макао, источника «Голубая тропа», у него нет. Гамильтон тебя проинформирует. В Токио будешь работать с австралийцем по имени Гендерсон — Ричард Лавелас Гендерсон. Забавное имя, но отдел "Я" и все старые спецы по Японии говорят, что он хороший парень. Получишь австралийский паспорт, будешь значиться его помощником. Это обеспечит

дипломатическое прикрытие и определенный престиж, весьма, как говорит Гамильтон, там ценимый. Добудешь сведения, Гендерсон через Мельбурн переправит их к нам. Связью мы его снабдим. Еще вопросы?

— А что скажет ЦРУ? Мы же откровенно браконьерствуем.

— Японию они не покупали. И знать ничего не будут. Это задача Танаки. Ему придется разработать механизм передачи материалов в австралийское посольство. Но все дело висит на тоненькой ниточке. Главное, чтобы он не отправился прямиком к янки и не сдал тебя. Если засветишься, свалим все на австралийцев. Они и раньше помогали, после того, как нас вышибли из района Тихого океана. С ними отношения отличные. Нормальные ребята. Кстати, лапы у янки тоже не стерильные. Масса случаев, когда они перебегали нам дорожку. Часто опасно. Если завалимся, напомним об этом Маккоуну. Но твоя задача — выиграть.

— Ну и влип же я. Высокая политика — явно не мой стиль. Может быть, М. поднимает слишком много шума из ничего?

— Ошибаешься. Сработаешь хорошо — благодарное отечество непременно купит тебе твой

любимый курятник.

— Да будет так. Звякни Гамильтону, я срочно отправляюсь изучать таинственный Восток.

"Кангай! Приветствуем вас на борту нашего самолета, — сказала симпатичная, в кимоно и оби, стюардесса «Джапан Эр Лайнс», когда, неделей позже, Бонд удобно устроившись у иллюминатора четырехмоторного Дугласа ДС—8 в лондонском аэропорту, рассеянно прислушивался к голосу с мягким японским акцентом, рассказывающему о спасательных жилетах и полетном времени до Орли. Гигиенические пакеты украшали изящные рисунки бамбука, а беспорядочные каракули на багажной полке над готовой были, как уверял яркий буклет, «традиционным изображением черепахового панциря, приносящим удачу».

Стюардесса поклонилась и протянула ему элегантный веер, маленькое согретое полотенце в плетеной корзиночке и роскошное меню, предлагавшее, ко всему прочему, наборы сигарет, косметику и жемчуг.

И вот они уже в воздухе, на первом из четырех отрезков пути через Северный Полюс в Токио.

Бонд взглянул на рисунок трех апельсинов в синей вазе (нет! Через час он понял, что это хурма), маячивший перед ним, и, когда на высоте

30.000 футов самолет выровнялся, заказал первую из многочисленных порций бренди и имбирного, призванных поддерживать его дух в небесах над Каналом, куском Северного моря, Каттергатом, Ледовитым Океаном, Морем Бофорта, Беринговым и севером Тихого Океана. Он решил не сопротивляться, если на другой стороне света с него захотят спустить шкуру. А в Анкоридже (Аляска), любуясь огромным чучелом белого медведя, уже ничего не имел против, если новая его шкура будет желтой.

4. Дикко на Гинзе

Здоровенный кулак звучно врезался в ладонь левой руки, — будто саданули из пистолета 45 калибра. Квадратная физиономия австралийца побагровела, на седеющих висках выступили вены. Со сдержанной яростью он чуть слышно прогудел что-то себе под нос, пошарил под низким столиком, потом, похоже, передумал и взялся за чашечку саке, одним духом проглотив содержимое.

Бонд тихо спросил:

— Не пыхти, Дикко. В чем дело? И что означает сей свирепый колониальный напев?

Представитель Королевского Дипломатического Корпуса Австралии Ричард Лавелас Гендерсон воинственно оглядел маленький, битком набитый бар в одном из переулков Гинзы и процедил углом большого, обычно жизнерадостного, а сейчас кривящегося негодованием рта:

— Ты, паршивый безмозглый томми, нас накололи! Этот хрен Танака пишет нас! Посмотри под стол. Видишь проводок под ножкой? А вон того козла у стойки? Безумно респектабельная скоти-

на в синем костюмчике и черном галстуке. Один из парней Тигра. Я их уже по запаху чую. Висят у меня на хвосте почти десять лет. Тигр одевает их, как уменьшенные копии джентльменов из ЦРУ. Любой жрущий виски япошка в такой робе, считай, из Тигриной стаи.

— Так и хочется подвалить и пообщаться, — ворчливо добавил Дикко.

— В этом случае Танака завтра утром узнает о себе много интересного, — сказал Бонд.

— Черт с ним, — ответил Дикко, остывая. — Сукин сын знает, что я о нем думаю. Теперь получит заверенную копию. Может, отвяжется от меня. И от моих друзей, — добавил он, быстро взглянув на Бонда. — Ведь это он за тобой охотится. Так что, пусть слушает. Падла! Это наше жуткое австралийское ругательство. Слышишь, Танака? Возьми на вооружение.

Он заговорил громче:

— А значит оно, что ты дерьмовый педик, кот, подлюга, брехун, стукач и вор — и ничто тебя не спасет. И когда ты это завтра за жратвой узнаешь, твои тушеные водоросли станут тебе поперек глотки.

Бонд рассмеялся. Этот бесконечный поток ругани начался еще вчера в аэропорту Ханеда

— «Крылатое Поле». Почти час Бонда потрошили таможенники. В центральном зале, куда он выбрался, кипя от злости, он едва не погиб под ногами толпы возбужденных молодых людей, потрясавших плакатиками, на которых было начертано «Международный конгресс владельцев прачечных».

Бонд устал от полета. И выдал выразительное трехбуквенное слово. Низкий голос за его спиной повторил сказанное и кое-что добавил:

— Наш парень! Нормальная реакция на сраный Восток! Эта лексика тебе еще не раз пригодится.

Бонд повернулся. Огромный мужик в мятом сером костюме протягивал лапу, смахивающую на небольшой окорок.

— Рад познакомиться. Гендерсон. В списке пассажиров ты единственный томми, и, стало быть. Бонд. Сюда. Давай сумку. У меня машина, и чем быстрее мы уберемся из этого дурдома, тем лучше.

Гендерсон смахивал на боксера-чемпиона средних лет, ушедшего на покой и пристрастившегося к бутылке. Тонкий костюм бугрился на мускулистых плечах и руках, но имелся и приличный животик. Твердое, привлекательное лицо, холодные голубые глаза и изуродованный

нос. Он сильно потел и, продираясь сквозь толпу, используя как таран сумку Бонда, то и дело вытаскивал из кармана брюк скомканный обрывок махрового полотенца, вытирал лицо и шею.

Толпа поспешно расступилась. Бонд, следуя в кильватере, подошел к щеголеватой «Тойоте», поставленной в запрещенном для парковки месте. Шофер вышел из машины и поклонился. Выпалив что-то на беглом японском, Гендерсон вслед за Бондом устроился на заднем сидении.

— Сначала — в твой отель «Окура», новейший в западном стиле. Недавно в «Ройал Ориентал» шлепнули американского туриста, а что нам за радость лишиться тебя так быстро. Потом выпьем как следует. Обедал?

— Раз шесть, если не ошибаюсь. «Джал» стараются.

— Ну, и как полет? Понравилась эта хромая утка?

— Они уверены, что их пташка — настоящий журавль. Все очень изысканно и работает, как часы. Только как все это совместить? — Бонд кивнул на беспорядочно разбросанные развалюхи токийской окраины, мимо которых они неслись, как ему показалось, с самоубийственной скоростью:

— Не слишком красиво. А почему правостороннее движение?

— Бог их разберет, — задумчиво сказал Гендерсон. — Проклятые япошки делают все наоборот. Плохо переводят старые инструкции. Электровыключатели переключаются вверх, а не вниз. Краны закручиваются влево, дверные замки тоже. Слушай, у них даже лошади на скачках бегут по часовой стрелке, а не против, как во всех цивилизованных странах. А Токио — просто жуткое место: или слишком жарко, или слишком холодно, или льет, как из ведра. И землетрясения почти каждый день. Ну, здесь бояться нечего, ощущение такое, будто слегка поддал. Тайфуны куда хуже. Как только начнется, лучше всего завалить в ближайший бар и как следует надраться. Но самое тяжелое — первые десять лет. А когда приспособишься, можно вертеться. Чертовски дорого, если жить по-европейски, но я особо не выпендриваюсь и доволен. Здесь весело. Язык подучил, и когда кланяться, и когда ботинки снимать и тому подобное. Если хочешь чего-то добиться от местных Деятелей, все это нужно побыстрее усвоить. Твердыми воротничками и полосатыми брюками в министерствах прикрыты вполне традиционные самураи. Я над ними

посмеиваюсь, и они, в свою очередь, посмеиваются, пытаясь понять меня. Но это вовсе не значит, что я откажусь отвесить поясной поклон, когда знаю, что его от меня ждут и сам надеюсь чего-то добиться. Ладно, освоишься.

Гендерсон быстро сказал несколько слов водителю, часто посматривавшему в зеркало заднего обзора. Тот что-то весело ответил.

— Так и знал, — сказал Гендерсон. — За нами хвост. Типично для старика Тигра. Я ему сказал, что ты остановишься в «Окура», но он хочет сам убедиться. Не беспокойся. Такая у него привычка. Если сегодня ночью обнаружишь кого-нибудь из его парней, или, если повезет, девку у себя в постели, скажи пару ласковых слов, и они раскланяются и испарятся.

Но спать, после основательной выпивки в «Бамбуковом баре» отеля, Бонду пришлось в одиночестве. А на следующий день они носились по городу и заказывали визитные карточки, в которых Бонд значился заместителем атташе по вопросам культуры посольства Австралии.

— Они знают, что это наш разведотдел, — сказал Гендерсон, — что я его шеф, а ты ко мне временно прикомандирован. Дадим им возможность еще и прочитать об этом.

Вечером отправились вмазать еще разок в «Мелоди», любимый бар Гендерсона недалеко от Гинзы, где все звали его «Дикко» или «Дикко-сан», и где их почтительно усадили за столик в укромном уголке, постоянный столик австралийца. Гендерсон пошарил под столом и мощным рывком выдрал провода, оставив болтаться концы.

— Ну, я им сыграю мелодию, — сказал он зловеще. — Отплатили за все хорошее. В этой пивнушке паслась вся английская колония и пресс-клуб. Здесь и ресторан хороший был. Теперь закрыт. Повар наступил на кота, опрокинул котел с супом, схватил зверюгу и запихал его в топку плиты. Само собой, все выплыло, и эти дерьмовые защитники животных и сентиментальные ублюдки завопили и потребовали отобрать у «Мелоди» лицензию. Я дело замял, но в ресторан никто уже не ходил. Пришлось его закрыть. Из постоянных посетителей остался я один. И устроить мне такое! Ладно, я парень злопамятный. И Танаку не забуду. Пора б уж ему понять, что я и мои друзья не собираемся кончать Императора или развлекаться взрывами.

Дикко посмотрел вокруг с видом, обещающим и то, и другое.

— А сейчас к делу, Джеймс. Встречаешься с Тиг-

ром завтра утром в одиннадцать. Я за тобой заеду и отвезу к нему. Контора называется «Институт Паназиатского Фольклора». Сам увидишь, не хочу портить тебе удовольствия.

В посольстве тебя ждет кипа «совершенно секретных, личных» шифрограмм из Мельбурна. Наш посол Джим Сондерсон знать ничего не желает и считает, что ему даже встречаться с тобой не стоит. Ты как? Он парень умный, оскорбить никого не хочет, но и лапы пачкать не собирается. И я предпочитаю держаться от твоих дел подальше. Расхлебывай сам. Могу предположить, что хочешь вытянуть кое-что из Танаки, так, чтобы ЦРУ не пронюхало. Точно? Это как кости кидать — что выпадет. Танака — профессионал, и играет соответственно. Внешне он на сто процентов «демокорацу», а копни поглубже… За союзом янки и самураев — годы американской оккупации, многолетнее сотрудничество, но японец — всегда японец. То же самое и с другими великими народами — китайцами, русскими, немцами, англичанами. И важны не лживые улыбки, а то, что от рождения в костях засело. А жалкие десять лет — мгновение для великих. Усе? Так вот, Тигр и его боссы, то есть, парламент и, на самом верху, Император, будут рассматривать

твои предложения с двух точек зрения: выгодны ли они сейчас, немедленно? Или это долгосрочный банковский вклад? То, что нужно стране и через десять, двадцать лет? На твоем месте я бы выбрал второй вариант, с перспективой. Люди вроде Тигра, действующие в высших эшелонах власти, не оперируют понятиями дней, месяцев или лет. Их интересуют века, и кстати, они совершенно правы.

Дикко резко взмахнул рукой. Бонд решил, что тот основательно набрался. Они пропустили уже по восемь чашек саке, но Дикко еще в «Окура», пока Бонд составлял безобидную телеграмму в Мельбурн (шифровка под грифом «для информации» предназначалась для Мери Гуднайт), сообщая о своем прибытии, успел приложиться к местному виски «Сантори». Пьяный Дикко вполне устраивал Бонда. Австралиец вовсю молол языком и выдавал занятные идеи. Это могло пригодиться.

Бонд спросил: — Ну, так кто же этот Танака, друг или враг?

— И то, и другое. Скорее, друг. По крайней мере, я на это надеюсь. Я его забавляю, в отличие от его дружков из ЦРУ. Со мной он расслабляется. У нас есть общие делишки. Мы оба любим

«самсара» — вино и женщин. Он порядочный бабник. Я тоже не промах. Я уже два раза спасал его от женитьбы. Он почему-то всякий раз хочет жениться. Платит алименты трем девкам. Так что он у меня в должниках. А это накладывает «обязательства» — штука столь же важная в японском образе жизни, что и «престиж». Долг висит на тебе, и надо достойно ответить. Если тебе дарят лосося, не отдаривай креветками. Отвечай таким лососем — или найди побольше. Если сможешь — ты наверху, и уже тебе обязаны. Сейчас на Танаке порядочный должок, потихоньку он расплачивается, в основном информацией. А вот его немедленное согласие на твой приезд и на встречу — уже порядочный кусок лосося. В обычных условиях тебе понадобились бы недели. «Шикириноши» — заставлять ждать, делая непроницаемую физиономию. Борцы сумо используют этот прием, чтобы смутить противника, Усек? Ты начинаешь, имея фору. Он поможет тебе, надеясь перевесить должок на меня. Но не так-то все просто. У каждого японца есть постоянный долг перед высшими силами: императором, предками, богами. И исполнить его можно, лишь поступая «праведно», а это нелегко. Как узнать, что наверху тобой довольны? Угоди своему непосредствен-

ному начальству. Этим угодишь императору, а уж тот договорится с предками и богами, ведь он — их земное воплощение. И у всех совесть чиста, а император может спокойно потрошить рыбок. Такое у него хобби. Ничего сверхъестественного. Смахивает на деятельность больших корпораций, ИБМ или Шелл, или разведки, но там высшая ступень — совет директоров, или начштаба. Это попроще. Не надо привлекать Господа Бога или собственного прапрадедушку, чтобы решить снизить цену упаковки аспирина на пенни.

— Не слишком-то «демокорацу».

— Ясное дело. Вбей себе в башку, болван, японцы — народ особый. По нашим дурацким западным меркам, они живут как цивилизованные люди лет пятьдесят, ну, сто. Поскреби русского, и найдешь монгола. Поскреби японца и обнаружишь самурая — или то, что он считает самураем. В основном, вся эта самурайщина — миф, вроде парня с Дикого Запада в Штатах или ваших рыцарей «круглого стола» короля Артура. «Цивилизация», по-твоему, это когда играют в бейсбол и носят котелки и все? Кстати, об Объединенных Нациях — зверскую заваруху они, собираются учинить, освобождая колониальные народы. Дайте им тысячу лет, и я скажу «да». Но не десять. Сменят свои

духовые трубки на пулеметы, и все дела. Потом потребуют атомную бомбу. Чтобы обрести «паритет» с дерьмовыми колониальными державами. Через десять лет, дружок. А когда это случится, я вырою глу-у-бокую нору, там и засяду.

Бонд рассмеялся:

— Ты что-то тоже не очень «демокорацу».

— Трахал я эту «демокорацу», как сказал бы братец Хемингуэй. Я за элитарное правительство, — Дикко сглотнул девятую чашечку саке. — А избирателей допускать к голосованию по личному интеллектуальному цензу. Я что, не прав?

— Ради Бога, Дикко! Откуда выплыла политика-то? Давай пожуем. У аборигенов свои мозги есть…

— Оставь аборигенов в покое! Хрена ли ты о них что знаешь! У нас вот собираются дать этому дерьму право голоса! Ты, педик несчастный! Будешь еще о свободах гундеть, я тебе яйца на шее бантиком завяжу.

Бонд кротко спросил:

— А почему педик?

— По кочану. Нет, — Гендерсон встал и выпалил что-то по-японски парню за стойкой, — … перед вынесением приговора мы отправимся

есть угрей, и туда, где есть пристойная выпивка. А потом в «Дом Абсолютного Наслаждения». А потом окончательный приговор. Тебе.

— Ты паршивый кенгуру, Дикко, — сказал Бонд. — Но я люблю угрей. Только не в желе. Платить буду я. За угрей и за все остальное. Ты платишь за рисовую и прочую бурду. Держись. Козел за стойкой как-то скептически на тебя смотрит.

— Я знаю цену мистеру Ричарду Лавеласу Гендерсону, и его никому не зарыть.

Дикко вытащил пачку тысячеиеновых бумажек и расплатился с официантом.

— Погоди, еще не все.

Он торжественно, с королевским величием подошел к бару и объявил огромному негру в темно-фиолетовом смокинге:

— Мелоди, что за стыд! — И столь же торжественно вышел из бара.

5. Магия—44

Дикко Гендерсон заехал за Бондом в десять утра. С похмелья голубые глаза налились кровью. Он прямехонько направился в «Бамбуковый бар» и заказал двойной коньяк и имбирное.

Бонд мирно заметил:

— Не стоило тебе мешать саке с «Сантори». Японское виски — вообще что-то маловразумительное.

— Важен результат. У меня настоящая «фатзукайои», выдающаяся похмелюга. Во рту, как кошки насрали. Вернемся домой из этого вонючего тигрятника, поправимся по-настоящему. А насчет «Сантори» ты не прав. Приличная марка. Вроде наших дешевых, скажем, «Белой Этикетки», по пятнадцать шиллингов. Есть здесь еще два сорта, но самый дешевый оказался самым лучшим. Случилось как-то со спецом встретиться, много интересного рассказал. Говорит, хорошее виски гонят там, где делают хорошие фотографии. Представляешь? Зависит от воздействия света на алкоголь. Слушай, что я вчера нес? Или это ты? Помню, кто-то из нас начудил.

— Ты затрахал меня рассуждениями о международном положении и окрестил педиком. Но дружески. Без рукоприкладства.

— Иисусе! — Дикко с мрачным видом запустил лапу в густые седеющие волосы. — Я никого не пришиб?

— Не считая своей девки, ты ее так погладил по заду, что она легла.

— Ха! — сказал Гендерсон с облегчением. — Любовные ласки. Зачем бабам задница в конце концов? И, насколько я помню, они всегда при этом ржут. И вчерашняя тоже. Точно? А твоя как? Этакая энтузиастка.

— Вот именно.

— Нормально. — Он проглотил остатки выпивки и встал. — Двинули, дружище. Не стоит заставлять Тигра ждать. Я однажды себе позволил, и он игнорировал меня целую неделю.

Это был типичный для конца лета токийский денек. Жарко, душно, серо — воздух полон пыли от нескончаемых строительных работ. Через полчаса они остановились у скучного тусклого здания. Большие буквы извещали: «Институт Паназиатского Фольклора». Толпы японцев сновали у помпезного подъезда, но никто и не взглянул на Дикко и Бонда, никто не заинтересовался ими.

В холле, как в каком-нибудь музее, торговали книгами и открытками.

Дикко свернул в длинный коридор с табличкой «Отдел координации». Двери в кабинеты по обеим сторонам были открыты. За столами сидели смахивающие на студентов молодые люди. На стенах висели большие карты, утыканные разноцветными булавками, повсюду бесконечные полки с книгами. Дверь с табличкой «Международные отношения» вела в другой коридор. Здесь двери были закрыты, и на каждой значилась фамилия обитателя по-японски и по-английски. Повернув направо, они оказались в «Отделе наглядных пособий», тоже с закрытыми дверями, дальше был «архив», большой библиотечный зал со множеством склонившихся над столами людей. Здесь, в первый раз, их внимательно оглядел человек, сидевший за столом у входа. Он встал и беззвучно поклонился. Когда они прошли, Дикко тихо сказал:

— Здесь прикрытие кончается. Публика за спиной действительно изучает азиатский фольклор. Но тут уже люди Тигра. Более или менее секретная работа, архивы. Без приглашения нас бы отсюда вежливо завернули.

За длинным рядом стеллажей открылась ма-

ленькая дверь. На ней висела табличка «Ремонт. Опасно! Ведутся строительные работы». Слышны были звуки дрели и врезающейся в дерево циркулярной пилы, еще что-то.

Они вошли в совершенно пустую, с блестящим, натертым полом, комнату. Ремонтом в ней и не пахло. Дикко рассмеялся и показал на большой металлический ящик на двери, через которую они вошли.

— Магнитофон. Ничего прикольчик, и запись чистая. А это, — он кивнул на голый пол впереди, — у них называется «поющий пол». Устраивали в старину, чтобы предупредить о незваных гостях. Попробуй-ка, пройти беззвучно.

Они сделали шаг, и немедленно предательские доски заскрипели и застонали. В маленькой дверце открылся глазок. Их рассматривали. Дверь распахнулась. За нею за маленьким столиком с книгой в руках сидел крепкий парень в штатском. Это была крошечная каморка, похоже, без второго выхода. Парень поклонился. Дикко произнес несколько фраз, в которых повторялись слова «Танака-сан». Парень поклонился еще раз. Дикко повернулся к Бонду:

— Теперь давай сам. Держи хвост пистолетом. Тигр подбросит тебя до отеля. Пока.

Бонд кивнул:

— Передай, что я сгинул веселым, — и зашел в комнатушку.

Дверь за ним закрылась. На столе была панель с кнопками, охранник нажал одну из них. Раздался чуть слышный звук. Бонд почувствовал, что они опускаются. Комнатенка оказалась лифтом. Ничего себе тигриные шуточки! Этакий набор вставляемых друг в друга ящичков. Что в следующем?

Лифт остановился, охранник открыл дверь. Бонд вышел и замер. Он стоял на платформе станции метро! Здесь было все: красные и зеленые огни семафора над двумя туннелями, белый кафель на стенах, сводчатый потолок — даже пустой табачный киоск в стороне! Из него вышел человек и на хорошем английском сказал:

— Прошу за мной, коммандер, — и пошел под арку с надписью «выход».

Весь холл, ведущий когда-то к эскалаторам, был заставлен аккуратными офисами-модулями с широким коридором между ними. Первая же комната оказалась приемной. Секретарь-мужчина поднялся из-за пишущей машинки, поклонился и вышел в соседнюю дверь. Он немедленно вернулся, вновь поклонился и открыл дверь:

— Прошу сюда, коммандер.

Бонд вошел, и дверь за ним тихо закрылась. Большой квадратный человек, точно описанный Дикко, шагнул по красивому красному ковру навстречу ему и протянул твердую, сухую руку.

— Дорогой коммандер. Доброе утро. Счастлив с вами познакомиться.

Широкая золотозубая улыбка лучилась доброжелательством. Блестели глаза, обрамленные длинными, темными, почти женскими ресницами.

— Проходите, присаживайтесь. Как вам понравилось мое заведение? Без сомнения, не похоже на обиталище вашего шефа. Но эту линию метро завершат лет через десять, а в Токио так сложно с конторами. Вот мне и пришла в голову идея. Здесь тихо. Никто не мешает. Прохладно. Мне будет жаль, когда пустят поезда, и придется уходить отсюда.

Бонд сел на предложенный стул напротив стола Танаки.

— Здорово придумано. А эти фольклористы там, над нами, балдеют, наверное.

Тигр Танака пожал плечами:

— Ничего особенного. Литература выдается свободно. Никогда не пытался узнать, кто ею

пользуется. Американцы, думаю, и немцы. Может быть, швейцарцы. Всякие умники. Стоит, конечно, дорого. Но в бюджете Министерства внутренних дел, по которому мы проходим, это не значится. Обеспечиваем себя сами. Как и у вас, а?

Бонд решил, что Тигр знаком с парламентскими слушаниями по делам разведки:

— Десять миллионов фунтов не такая уж большая сумма. На глобальном уровне, конечно.

Блеснули зубы:

— Вы здорово экономите последние десять лет. В наших краях о вас и не слышно.

— Верно. На вас работает ЦРУ. Весьма эффективно.

— Неужели Маккоун похож на Даллеса?

— Старая лиса! Почти. Правда, в последнее время они считают регион Тихого океана своей помойкой.

— На которой вы надеетесь поживиться. Втихаря. — Тигр ухмыльнулся самой своей тигриной ухмылкой.

Бонд не мог не улыбнуться. Чертов япошка сек ситуацию. Осторожно улыбнулся и Тигр. Бонд сказал:

— Был у нас спец по этим местам, такой капи-

тан Кук. И Австралия с Новой Зеландией на карте значатся. Так что, кое-какие наши притязания в этой части света вполне обоснованы.

— Дорогой коммандер. Вам здорово повезло, что мы вмазали по Пирл-Харбору, а не по Сиднею. Думаете, мы не смогли бы оккупировать коала и киви? Эти огромные, нетронутые пространства? Силенок для защиты у вас не было. И у американцев тоже. И вели бы мы сейчас за собой половину Британского Содружества наций. Лично я нашу стратегию после Пирл Харбора понять не в состоянии. Мы что, собирались покорить Штаты? Слишком растянуты коммуникации. Но вот с кенгуру шкуру содрать было вполне возможно. — Он подтолкнул к Бонду большую коробку сигарет:

— Курите? Это «Шинсей». Вполне пристойная марка.

Свои сигареты у Бонда уже кончались. Пора было переходить на местные. И собраться с мыслями тоже. Что это, встреча в верхах Соединенного Королевства с япошками? Странно как-то.

Он взял сигарету. Она загорелась, шипя, как бикфордов шнур. Слабый привкус виргинского табака, а дерет, чем чистый спирт. Он выпустил колечко дыма и улыбнулся:

— Мистер Танака, оставим все это для исто-

риков. У меня свои проблемы, попроще. Они касаются скорее будущего, чем прошлого.

— Разумеется, коммандер. — Танаке, похоже, такой резкий переход не понравился. — Но у нас есть пословица: «Наперед не загадывай, черта насмешишь». Будущее непредсказуемо. Скажите лучше, как вам Япония? Не скучаете?

— Мне кажется, с Дикко Гендерсоном нигде не пропадешь.

— Да, он живет на полную катушку, как будто завтра конец света. Правильно. Он мой приятель. Хороший. У нас вкусы совпадают.

— Фольклор любите? — насмешливо спросил Бонд.

— Вот именно.

— Вы ему тоже нравитесь. Я его мало знаю, но, похоже, он очень одинок. Плохо, когда одинокий человек, да еще и умен. Ему бы жениться на японочке и успокоиться. У вас подходящей кандидатуры нет?

Бонд почувствовал, что он на правильном пути: надо переходить на личности. По крайней мере, это не дурацкая политика. Но рано или поздно придется заняться делом, а так не хочется. Казалось, Танака это понял:

— Много я ему находил разных. Все без толку.

Однако, коммандер, мы здесь не для того, чтобы обсуждать личную жизнь мистера Гендерсона. Чем я могу быть вам полезен? Что-нибудь связанное с газонокосилками?

Бонд улыбнулся:

— Именно. Марки «Магия-44».

— Ну разумеется. Исключительно удачная модель. Можно понять ваших работодателей. А вот тому и подтверждение. Попало мне в руки сегодня утром.

Тигр Танака открыл ящик стола и достал бледно-зеленую папку с надписью черными латинскими буквами «Гокухи».

Бонд решил, что это соответствует грифу «совершенно секретно». Танака утвердительно кивнул, раскрыл папку и вытащил два листа желтой бумаги. Один лист исписан иероглифами, на другом было около пятидесяти машинописных строк. Танака протянул машинопись через стол".

— Могу я попросить вас не разглашать прочитанное?

— Если вы настаиваете, мистер Танака.

— Боюсь, я должен, коммандер.

— Да будет так.

Бонд взял листок. Текст был на английском: «Всем резидентурам. Расшифровка лично ад-

ресатами, после ознакомления уничтожить. Уничтожение подтвердить кодом „сатурн“. Текст: подтверждаем сообщение Первого в обращении к Верховному Совету от первого сентября о создании у нас ядерной боеголовки мощностью в двести мегатонн и испытании ее двенадцатого сентября в районе Новой Земли. Ожидаются обширные радиоактивные осадки. Возможны протесты общественности в регионах Арктики, севера Тихого океана, Аляски. Москва сошлется на участившиеся испытания в США и резкий отказ Запада прекратить все испытания ядерного оружия. Для информации: удар одной МБР с подобной боеголовкой по Лондону уничтожит все к югу от линии Ньюкасл-Карлайл. Вторая ракета в районе Абердина вызовет полное уничтожение Британии и Ирландии. В связи с этим, Первым вскоре будет предпринят дипломатический демарш с требованием вывода всех американских баз и наступательных вооружений из Британии, и ядерного разоружения собственно Британии. Это позволит проверить прочность и, возможно, подорвать англо-американский союз, так как очевидно, что США не допустят риска ядерной войны на своей территории ради спасения союзника, являющегося скорее обузой.

В Вашингтоне англичанам в настоящее время придают значения не более, чем Бельгии или Голландии. В случае успеха подобные шаги будут последовательно предприняты в Европе и, позднее, в регионе Тихого океана. В результате возможно достижение гарантии стратегической безопасности СССР в обозримом будущем и, одновременно, мирного сосуществования с США. Миролюбивые намерения СССР будут подчеркнуты Первым и правительством. Ваша задача — оказать поддержку данной кампании. К сведению: все советские граждане, находящиеся в Великобритании, без объяснения причин будут отозваны из этой страны за неделю до Заявления, что обеспечит необходимый рост напряженности. Подобные же действия, направленные на ослабление противника, намечено осуществлять и в дальнейшем. В настоящее время никаких мер не предпринимать, приготовиться к исполнению вышеуказанного и возможной эвакуации персонала и уничтожения архивов при получении кодового слова „молния“, адресованного вам лично по линии связи 40—4. Конец текста. Центр».

Бонд отшвырнул листок. Казалось, тот излучает радиацию. Тихо присвистнул сквозь зубы, дотянулся до пачки «Шинсай» и закурил, глубоко

вдыхая горький дым; поднял глаза на Танаку, смотревшего на него с вежливым интересом:

— Думаю, Первый — это Хрущев?

— Совершенно верно. А адресаты — посольства и генеральные консульства. Занятный материал, не так ли?

— Жаль, что вы не делитесь с нами подобной информацией. Мы ведь подписали договоры о дружбе и даже о торговле. Мне кажется, это просто нечестно.

— Честь — весьма ценимое понятие в Японии, коммандер. А не будет ли еще большим бесчестием нарушить слово, данное нашим американским друзьям? Они неоднократно заверяли меня и мое правительство, что любая жизненно важная для наших друзей и союзников информация будет им немедленно передана, не раскрывая источника. По моим данным, они выполняют свои обязательства.

— Вы отлично знаете, мистер Танака, что маскировка источника снижает значимость сведений до уровня бесчисленных «хорошо информированных кругов» в прессе. Само происхождение этого материала, возможность непосредственно читать тексты противника, вдвое повышают их важность. Без сомнения, Вашингтон передаст в

Лондон искаженную версию этого текста. Думаю, уже передал. Но ведь ясно, что замалчивание страшной опасности, нависшей над Англией, может отвечать их интересам. В то же время, в интересах Англии использовать каждый час для принятия контрмер. Например, при первых признаках эвакуации интернировать всех советских в Британии.

— Я согласен с вами, коммандер. В данном случае мы можем найти и другой способ передачи информации вашему правительству. — Танака широко улыбнулся.

Бонд наклонился к нему:

— Даю слово чести!

Черты лица Танаки странно менялись. Щеки ввалились, глаза потеряли блеск, смотрели задумчиво и грустно. Он сказал:

— Я был счастлив в Англии, коммандер. У вас ко мне хорошо относились. Я отплатил неблагодарностью.

— А! — подумал Бонд. — Должок!

— Я надеялся, что война принесет победу моей стране. Я ошибался. Мы проиграли. Искупление этого бесчестия ляжет на плечи нынешней молодежи. Я не политик и не знаю, какие формы это примет. Сейчас у нас переходный период,

обычный для побежденных. Но у меня есть свои, личные обязательства. Я в большом долгу перед вашей страной. Сегодня утром я выдал вам государственную тайну. Здесь сыграла свою роль и дружба с Дикко. И ваше поведение мне тоже понравилось. Я прекрасно понимаю всю важность этой бумажки для Великобритании. Вы запомнили его содержание?

— Да.

— Даете слово не передавать его третьей стороне?

— Да.

Тигр Танака встал и протянул руку:

— До свидания, коммандер. Надеюсь, мы еще увидимся. — Искренняя улыбка появилась на твердом лице. — Честь — это образ жизни, коммандер. Бамбук может согнуться под ветерком, но и кедр склонится под ураганом. То есть, и долг бывает превыше обстоятельств. Вас ждет машина. Передайте Дикко мое глубочайшее почтение и скажите, что он должен тысячу иен за ремонт электронного оборудования, являющегося собственностью государства…

Бонд пожал крепкую сухую ладонь. Сказал от души:

— Спасибо, мистер Танака.

Интересовало его сейчас лишь одно: как у Дикко со связью с Мельбурном? И как у Мельбурна с Лондоном?

6. Тигр, тигр!

Прошел месяц, мистер Танака стал «Тигром», а коммандер Бонд — «Бондо-сан».

— Джеймс, — объяснял ему Тигр. — Это трудно произнести японцу. И звучит слишком почтительно. Бонд-сан созвучно нашему «бон-сан», что значит «старикашка». Твердая согласная в конце тоже трудна для японца. В иностранных словах в таком случае мы добавляем букву "о". Получается Бондо-сан. Пойдет?

— "Бондо", конечно, по-японски, «свинья», или что-то в этом роде?

— Нет. Просто звукосочетание.

— Не обижайтесь. Я заметил, японцы не прочь подшутить над «гайджином». Помните, я рассказывал о своем приятеле по прозвищу «Манки» Мак Колл. Мы обычно зовем его «Монко». Вы сказали, у вас это нечто нецензурное, вот я и решил, что «Бондо» из того же ряда.

— Не стоит волноваться. Вполне респектабельное слово.

Шли недели, дела у Бонда не двигались, зато он все ближе сходился с Тигром и Дикко. После рабо-

ты троица была почти всегда неразлучна, но Бонд чувствовал, что и во время вылазок на природу, и во время вечерних выпивок его постоянно и тщательно изучают. Дикко это подтвердил:

— Думаю, ты на верном пути, приятель. Тигр сочтет бесчестным вышибить у тебя почву из-под ног после первого успеха. Что-то там в глубине происходит, но вот что, понять не могу. Думаю, предстоит игра с шефами Тигра, но с Тигром на твоей стороне. Как аборигены говорят, у Тигра «широкая морда», то есть, он большой спец по всяческим махинациям. И его «долг» перед Англией тоже в твою пользу. Результат вашей первой встречи — неслыханный, как мы это здесь называем, «презенте». Но смотри! Ты накапливаешь целую кучу обязательств перец Тигром. И когда придет время заключать сделку, у тебя должен быть наготове соответствующий «презенто». Никаких лососей и креветок. Усек? Сможешь?

— Не знаю, — сказал Бонд нерешительно.

Материалы «Голубой тропы» из Макао казались ему мелкой рыбешкой по сравнению с лососем Тигра, единственный ломоть которого, предложенный Бонду, весил так много.

Испытания 200-мегатонной бомбы были произведены и вызвали взрыв общественного

возмущения, проигнорированного Москвой. Но реакция западных правительств была мгновенной. Под предлогом защиты советских граждан от возможных провокаций, им запретили покидать двадцатимильную зону вокруг мест обитания и выставили плотные полицейские кордоны у посольств, консульств и всевозможных торговых представительств. Последовали ответные меры против британских дипломатов и журналистов в России, но это уже не было неожиданностью. Затем президент Кеннеди выступил с самой лихой за время своей карьеры речью, пообещав Советам все Божьи кары в случае взрыва ими ядерного устройства за пределами советской территории. Эти громовые проклятия, вызвавшие вопли ужаса у американского обывателя, в Москве невероятно находчиво парировали подобными же обещаниями, на случай, если Запад вздумает развлекаться атомными взрывами в пределах СССР и его союзников.

Несколько дней спустя Бонда вновь пригласили в подземное убежище Тигра.

— Надеюсь, впредь вы ничего подобного себе не позволите, — Тигр хитро ухмыльнулся, — но Центр отменил проведение операции, о которой вы были поставлены в известность, обязавшись

не разглашать полученные сведения.

— Спасибо за информацию, — сказал Бонд. — Ваше расположение действительно позволило смягчить напряженность вокруг Англии. Там будут весьма рады узнать о вашем личном вкладе в это дело. Могу ли я и в дальнейшем рассчитывать на ваше снисхождение?

Бонд уже привык к многословной восточной велеречивости, хотя и не достиг еще непревзойденной изысканности Дикко, украшавшего, к вящему удовольствию Тигра, каждое цветистое предложение хотя бы одним трехбуквенным словом.

— Бондо-сан, предмет ваших вожделений, хотя и я не рассчитываю получить согласие на его передачу, обойдется вам недешево. Что же может предложить ваша страна, в качестве честного торговца, в обмен на всестороннее использование «Магии-44»?

— У нас есть очень эффективная разведывательная сеть в Китае: Макао, «Голубая тропа». Данные, получаемые ею, мы полностью предоставим в ваше распоряжение.

Тяжелое лицо Тигра погрустнело, но в узких щелочках глаз появился блеск:

— Боюсь, мне придется огорчить вас, Бондо-сан.

Мои люди внедрились в эту сеть почти с момента ее организации. Мы активно ею пользуемся. Если хотите, могу показать вам документы. Заодно, мы переименовали всю систему в «Оранжевую тропу». Это интересно, но для нас не ново. Чем еще можете порадовать?

Бонд не мог не рассмеяться. Вот так гордость отдела "Я", да и самого М.! Труды, расходы, опасности «Голубой тропы». И по крайней мере пятьдесят процентов усилий — безвозмездная помощь японцам.

Да, от многих иллюзий его здесь избавляют. Эти новости поднимут настоящую бурю в штаб-квартире. Ответил он неопределенно:

— О, у нас масса возможностей. Может быть, вы сами назовете цену?

— Надеетесь на козырной туз в рукаве? Неужели у вас есть данные, столь же важные для обороны Японии?

— Несомненно, — твердо ответил Бонд. — Но, дорогой Танака, раз уж вы приняли решение, не лучше ли будет вам самому отправиться в Лондон и порыться на полках? Уверен, мой шеф за честь сочтет принять вас.

— Вы не обладаете необходимыми полномочиями для переговоров?

— Это просто невозможно, дорогой Тигр. Меры безопасности таковы, что я не имею в полном объеме интересующей вас информации. Что касается меня лично, я уполномочен лишь передать руководству ваше мнение, или же оказать вам личную помощь.

Тигр на секунду задумался. Похоже, последние слова Бонда его заинтересовали. Затем он встал, пригласив коммандера на чайную церемонию с гейшами.

В сомнениях Бонд отправился сочинять шифрограмму в Лондон.

В комнате, где они сидели, вернувшись из ресторанчика, и где Тигр только что весело пообещал отправить его на тот свет, со стен рычали тигриные головы, а одна шкура, распластавшись, скалилась с пола. Искусно выделанная тигриная лапа служила пепельницей. Даже кресло, в котором устроился Бонд, было обито тигриной шкурой.

Мистер Танака родился в год Тигра, а Бонду, о чем с удовольствием сообщил ему Танака, определен был год Крысы.

Бонд сделал хороший глоток саке и сказал:

— Дорогой Тигр, мне не хотелось бы затруднять вас возней с моей ликвидацией. Вы намекаете,

что на сей раз кедр может и не согнуться под ураганом. Да будет так. Даю слово чести.

Тигр пододвинул кресло и посмотрел Бонду в глаза. Плеснул себе «Сантори», добавил содовой. Из-за окрестных домов, где почти везде погасли уже желтые огоньки, слышался шум ночного шоссе. Был конец сентября, тепло. До полуночи оставалось десять минут. Тигр тихо заговорил:

— В таком случае, дорогой Бондо-сан, зная вас человеком чести, за исключением, конечно, случаев, касающихся безопасности вашей страны, что обсуждению не подлежит, я расскажу вам весьма занятную историю. Слушайте же.

Он поднялся из кресла и устроился на татами в позе лотоса. Так ему явно было удобнее. Он заговорил:

— Еще с самого начала эры Мэйдзи, это, как вы знаете, император, начавший модернизацию Японии по западному образцу почти сто лет назад, время от времени в этой стране появлялись иностранцы, затем здесь оседавшие. В основном это были чудаки и ученые, некоторые становились даже гражданами Японии. Относились к ним, в основном, терпимо, иногда слегка насмешливо. Ну, представьте себе японца, купившего замок в горах Шотландии, выучившего язык и об-

щающегося с соседями по-гэльски, демонстрируя при этом необычайный интерес к шотландскому фольклору. Если он будет заниматься этим тихо-мирно, его сочтут милым оригиналом. Так же относились к европейцам в Японии, хотя случалось, особенно в военное время (что, несомненно, произошло бы и с нашим гипотетическим японцем в Шотландии), их объявляли шпионами, с соответствующими последствиями. Сейчас, после оккупации, здесь появилось множество таких людей, большинство из которых, как вы понимаете, американцы. Ориентализм особенно притягателен именно для них, бегущих от образа жизни, ставшего (уверен, вы со мной согласитесь), мягко говоря, совершенно неприемлемым для интеллектуала. Я не имею в виду особей низших классов, для которых обилие паршивой жратвы, блестящие игрушки, вроде автомобилей и телевизоров, шальные деньги, часто нечестно заработанные, или полученные за минимум трудов и знаний, являются суммум бонум (высшим благом), если позволено мне будет припомнить мои оксфордские штудии.

— Соглашусь, — сказал Бонд. — Но, по-моему, этот же образ пропагандируется и в вашей стране.

Лицо Тигра потемнело:

— Сейчас над нами довлеет то, что я называю «цивилизацией Кока-Колы». Бейсбол, кабаки, сосиски, груди восьмого размера, неоновая реклама — все это расплата за проигранную войну. Образ жизни — спитый чай, называемый у нас «демокорацу». Антиподы понятий, ставшие якобы причиной нашего поражения: духа самурая и порожденного им камикадзе; забвение культа предков, забвение наших богов. Презренная жизнь. — Тигр почти выплюнул эти слова. — Но, к счастью, долго она не продлится. В истории Японии это миг, равный жизни мотылька. — Он помолчал. — Вернемся к нашей истории. Американцы, живущие здесь, люди симпатичные, по-своему, конечно. Им нравится покорность наших женщин, хочу заметить, лишь поверхностная. Им нравятся четкие установки нашей жизни, ее симметрия, по сравнению с хаосом, царящим в Америке. Им нравится наша простота с ее глубоким подтекстом, так ярко выраженная, например, в чайной церемонии или в искусстве икебаны. Никакого театра — он им, конечно, недоступен. Они восхищены (потому что не знают своих предков и лишены достойной семейной жизни) нашим почитанием старших и прекло-

нением перед прошлым. В их зыбком мире это кажется им вечными ценностями, точно так же, как в невежестве своем, по-ребячески они восхищаются сказочками Дикого Запада и прочими американскими мифами, почерпнутыми не от учителей (образованием они не блещут), а с экранов телевизоров.

— Сложный вопрос, Тигр. Я много знаю совсем других американцев. Мне кажется, вы имеете в виду в основном простых «джи-ай» — американцев второго поколения, выходцев из Ирландии, Германии, Чехословакии или Польши. Им действительно было бы лучше спокойно работать у себя в Америке, а не болтаться с важным видом и набитыми деньгами карманами по оккупированной стране под благословенным прикрытием звездно-полосатого стяга. Полагаю, иногда они женятся на японках и остаются здесь. То же самое было и с нашими «томми» в Германии. Но какое отношение они имеют к ученым и исследователям?

Тигр Танака низко поклонился:

— Извините меня, Бондо-сан. Конечно, вы правы, я все время ухожу от темы нашего разговора. Я пригласил вас совсем не для того, чтобы вы узнали мое мнение об оккупации Японии. Изви-

ните. Разумеется, у нас обосновалось множество образованных американцев, весьма ценимых нами. У меня есть друзья среди них. Я просто выпускал пар, понимаете?

— Конечно, Тигр. Мы веками не знаем оккупации. Нам не приходилось бороться с нашествием нового образа жизни. Я просто не могу представить своей реакции на это. Думаю, ничем бы не отличалась от вашей. Пожалуйста, продолжайте.

Бонд потянулся к кувшинчику с саке. Тот стоял в чаше с теплой водой над чуть теплящимся древесным углем в жаровне. Бонд наполнил чашку и выпил.

Тигр Танака качнулся несколько раз, не меняя позы. Он продолжал:

— Как я сказал, в Японии живет немало иностранцев, и большинство из них — безобидные чудаки. Но в январе этого года появился человек, оказавшийся настоящим дьяволом, чудовищем в человеческом образе.

— Мне попадалось немало негодяев, Тигр, и в основном это были психопаты. А что, ваш — дьявол?

— Совсем наоборот. Расчетливая изобретательность этого человека, его понимание нашей психологии говорят о выдающемся интеллекте.

По мнению крупнейших японских ученых, он исследователь и коллекционер уникального в мировой истории.

— Что же он собирает?

— Он собирает смерти.

7. Коллекционер смертей

В ответ на это драматическое заявление Джеймс Бонд улыбнулся:

— Коллекционер смертей? Вы имеете в виду, что он убивает людей?

— Нет, Бондо-сан. Все не так просто. Он убеждает, вернее соблазняет людей совершать самоубийства. — Тигр замолчал, нахмурив брови. — Нет, опять неточно. Скажем, он дает людям возможность легко и безболезненно уйти из жизни. На его счету, менее чем за полгода, свыше пятисот японцев.

— Почему же вы не арестовали его?

— Бондо-сан, повторяю, все не просто. Начну с самого начала. В январе этого года в страну въехал совершенно легально некий джентльмен, доктор Гантрам Шаттерхэнд. Его сопровождала фрау Эмма Шаттерхэнд, урожденная де Бедо. Приехали они со швейцарскими паспортами. Доктор заявил, что является ботаником, специалистом по субтропическим культурам. У него были прекрасные рекомендации из Кью-Гарднз, из парижского Ботанического сада, но как-то

расплывчато сформулированные. Он быстро познакомился со здешними коллегами и экспертами в Министерстве сельского хозяйства. Эти джентльмены были поражены и обрадованы, узнав, что доктор Шаттерхэнд готов истратить не менее миллиона фунтов на создание экзотического парка с обширными коллекциями редких деревьев и кустарников со всего света. Растения он собирался ввозить в уже достаточно зрелом возрасте за свой счет, чтобы максимально ускорить открытие парка — предприятие невероятно дорогое по оценке специалистов.

— Я в этом не разбираюсь. Что-то вроде техасских миллионеров, вывозящих взрослые пальмы и тропические кустарники из Флориды?

— Совершенно верно. Парк не собирались открывать для публики, но обещали предоставить в полное распоряжение японских экспертов для исследовательских работ. Отлично. Великолепный проект, с удовольствием принятый правительством, в свою очередь предоставившим доктору десятилетний вид на жительство — весьма редкая привилегия. Тем временем иммиграционные власти в обычном порядке стали через мою службу наводить справки о докторе. Своего представителя в Швейцарии у меня нет,

и я обратился за помощью к друзьям из ЦРУ. Оказалось, что доктор по происхождению швед и в Швейцарии не слишком хорошо известен. Имеет двухкомнатную квартиру в Лозанне — минимум, необходимый для получения статуса проживания. Но его финансовое положение в Союзе Швейцарских банков подтвердили как первоклассное, для чего требуется быть по крайней мере миллионером. Деньги в Швейцарии как символ процветания — это все, так что доктор выглядел безупречно, однако ничего не удалось выяснить о его занятиях ботаникой. Из ботанических садов Лондона и Парижа сообщили, что знают его как энтузиаста-любителя, подарившего им значительные коллекции тропических и субтропических растений, собранных в экспедициях, им финансируемых. Отлично! Богатый чудак, чьи безобидные увлечения могут послужить и для блага Японии, так?

— Похоже на то.

— Объехав всю страну, доктор выбрал полуразрушенный замок на Кюсю, нашем южном острове. Замок находится на пустынном участке побережья, недалеко от Фукуока, центра префектуры острова. В старину он входил в систему крепостей, стоявших вдоль Цусимского пролива,

где был разгромлен русский флот, и служивших для отражения нападений корейцев с материка. Большинство из них превратились в развалины, но в огромном здании, выбранном доктором, еще до начала последней войны жила семья богатых и эксцентричных текстильных миллионеров. Особенно понравилась ему монументальная стена, окружавшая замок. Появилась целая армия строителей. Тем временем со всего света стали поступать и высаживаться растения, заказанные доктором и освобожденные Министерством сельского хозяйства от таможенных пошлин. Доктор выбрал этот участок еще и потому, что пятьсот его акров находились в районе с высокой вулканической активностью, со множеством гейзеров и фумаролов: пейзаж обычный для Японии. Круглый год обеспечивается температура, необходимая для выживания экваториальных растений. Доктор и его жена, страшно уродливая особа, между прочим, быстренько перебрались в замок и принялись набирать служащих. И вот тут-то у меня появились любопытные рапорты начальника полиции Фукуока. Доктор набирал себе людей исключительно из числа бывших членов «Общества Черного Дракона».

— А что это означает?

— Означало, — поправил его Тигр. — Общество было официально распущено перед войной. Но в лучшие времена это было самое опасное и могущественное тайное общество Японии. Лет сто тому назад оно состояло из отбросов «соши» — самураев, оставшихся не у дел после Реставрации Мэйдзи. Но позднее они принялись рекрутировать террористов, гангстеров, фашиствующих политиканов, офицеров, изгнанных со службы за недостойное поведение, тайных агентов, наемников и прочий сброд. Но попадались и крупные фигуры из промышленности и банков, а иногда даже министры, которым поддержка «Черного Дракона» была необходима для обделывания грязных делишек. Казалось странным (хотя теперь я не вижу здесь ничего удивительного), что доктор выбрал себе именно тот уголок страны, где всегда располагалась штаб-квартира «Черного Дракона», колыбель японского экстремизма. Тойама Мицуру, бывший глава «Черного Дракона» родом из Фукуока; оттуда же анархист Хирота и Накано, лидер бывшей «Тогокай», из фашистской фракции парламента. Здесь всегда было гнездо всякой сволочи. Эти группки никогда не исчезают бесследно, дорогой Бондо-сан, вроде оживившихся чернорубашечников у вас

в Англии. И доктору Шаттерхэнду не составило труда собрать под видом слуг и садовников пару десятков головорезов, усердно, без сомнения, выполняющих и новые свои обязанности. Префект полиции почел своим долгом предупредить уважаемого ученого, но в ответ ему сообщили, что доктор нуждается в надежной охране для защиты ценных коллекций. Выглядело это убедительно, к тому же у доктора были влиятельные друзья в Токио. И префект тихо отступил на исходные позиции.

Тигр Танака замолчал и налил саке Бонду и «Сантори» себе. Бонд воспользовался паузой и спросил, насколько опасно «Общество Черного Дракона», хотя бы по сравнению с китайскими гангстерскими союзами?

— Вы имеете в виду банды Чин-Панг и Хун-Панг, наводившие ужас в Китае во времена Гоминдана? Они детишки рядом с «Драконом». Если тот за кого-то брался — это была верная смерть. Безжалостны и совершенно беспринципны. Работают лишь за деньги.

— Ну, и как они ведут себя под началом нашего доктора?

— Пока тихо. Как он и сказал — прислуга, самое большее, телохранители. Опасность тут в другом;

понимаете, Шаттерхэнд создал самый настоящий сад смерти.

Бонд поднял брови. В устах Тигра, главы государственной секретной службы, подобные метафоры звучали уж слишком мелодраматично.

Тигр расплылся в улыбке.

— Бондо-сан, на вашем лице отчетливо написано, что я либо пьян, либо свихнулся. Так вот, слушайте. Доктор засадил свой парк поистине смертоносной растительностью, озера и ручьи полны опасной рыбой, повсюду ползают змеи, скорпионы и ядовитые пауки. Ему и его бабе ничего не грозит; из замка он выходит в полном комплекте доспехов семнадцатого века, псих чертов. Она тоже как-то защищена. На рабочих резиновые сапоги и антисептические марлевые маски, их многие здесь носят, чтобы избежать инфекции.

— Что за идиотская затея.

Тигр полез в складки кимоно, которое он надел, войдя в дом, и вытащил несколько сколотых вместе листов бумаги. Он протянул их Бонду и сказал:

— Не торопитесь. Не судите легко о вещах, в которых не разбираетесь. Я ничего не знаю об

этой отраве. Вы, думаю, тоже. Вот список уже высаженных доктором растений, с комментариями нашего Министерства сельского хозяйства. Читайте. Вам будет любопытно узнать, что за очаровательная флора произрастает на нашем шарике.

Бонд взял бумаги. На первом листе были общие сведения о ядовитых растениях. Затем следовали примечания. На всех листках стояли печати Министерства. Вот что он прочитал:

"Перечисленные яды делятся на шесть основных групп:

1. Нервно-паралитические. Симптомы: галлюцинации, бред, расширенные зрачки, сухость во рту, потеря координации, затем спазмы и паралич.

2. Опьяняющие. Симптомы: расстройство функций центральной нервной системы, потеря координации, мышечные боли, расстройство зрения, сонливость и глубокая кома.

3. Конвульсанты. Симптомы: клинические судороги, распространяющиеся вниз по телу. Летальный исход в течение трех часов или быстрое выздоровление.

4. Депрессанты. Симптомы: головокружение, рвота, абдоминальные боли, расстройство зре-

ния, конвульсии, паралич, потеря сознания, иногда асфиксия.

5. Астенические. Симптомы: онемение, абдоминальные боли, головокружение, рвота, понос, бред, паралич, потеря сознания.

6. Раздражающие. Симптомы: резкая боль в горле и желудке, жажда, тошнота, рвота. Летальный исход, вызванный шоком, конвульсиями или голоданием из-за поражения пищевода и желудка.

Таможенное Управление. Список растений, ввезенных доктором Шаттерхэндом.

Пискидиа эритрина. Вест Индия. Дерево, до 30 футов. Белые и алые цветы. Опьяняющее. Применяется для рыбной ловли путем отравления водоемов. Стрихнос нукс-вомика. Южная Индия, Ява. Дерево, до 40 футов. Горьковатые плоды. Белые цветы. Наиболее ядовиты семена. Конвульсант. Содержит стрихнин.

Стрихнос токсифера. Гвиана. Из коры добывается яд кураре. Ползучее растение. Смерть в течение часа от паралича дыхательных путей. Содержит кураре, стрихнин.

Стрихнос Игнаци. Филиппины. Небольшое дерево, семена содержат бруцин. Конвульсант.

Стрихнос тиуте. Ява. Высокий горный кустарник. Стрихнин или бруцин в листьях, семенах,

корнях.

Стрихнос колубрина. Ява, Тимор. Горное дерево. Содержит стрихнин, бруцин. Конвульсант.

Стропантус гиспидус. Западная Африка. Вьющееся растение, до 6 футов. Содержит строфанцин. Астеническое.

Цербера танжин. Мадагаскар. Вечнозеленое дерево, до 20 футов. Красновато-зеленые плоды. Содержит: танжинин, церберин. Астеническое.

Антиарис токсикариа. Ява, Борнео, Суматра, Филиппины. Растет в джунглях, ветви начинают расти с высоты 100 футов. Легкая, белая твердая древесина, выделяет млечный сок, содержащий антиарин. Астеническое.

Рус токсикодендрон. США. Горный кустарник. Желтоватые цветы. Ствол содержит млечный сок — токсикодендрол. Раздражающее.

Теветия перувиана. Гавайи. Небольшое дерево. Смертельно ядовито все, особенно же плоды. Потеря пульса, рвота, шок.

Рицинус коммунис. Гавайи, Южная Америка. Из семян выжимают касторовое масло, содержат также токсичный ингредиент — рицин. Плоды при еде безопасны. При попадании в кровь через раны и царапины — летальный исход через 7—10 дней. Одна сотая миллиграмма способна убить

200-фунтового мужчину. Потеря аппетита, рвота, бред, коллапс, смерть.

Нериум Индикум. Индия, Гавайи. Вечнозеленый кустарник. Корни, кора, сок, цветы смертельно ядовиты. Воздействует на сердце. В Индии используется для лечения проказы; при абортах; как средство самоубийства. Известна смерть после употребления жертвой мяса, приготовленного на открытом огне, куда попал ствол данного кустарника.

Абрус прецаториус. Индия, Гавайи. Горный кустарник. Маленькие ярко-красные семена используются индийскими ювелирами, как гирьки. Семена, перемолотые с добавлением небольшого количества холодной воды, формуются в крошечные остроконечные цилиндры. При попадании под кожу человека или животного смерть наступает через четыре часа.

Датура страмониум. Вид дурмана, растущего в Северной Африке, Индии. Другие виды встречаются в Мексике, Центральной и Южной Америке. Галлюциногены. Высушенные плоды курят арабы и негры-суахили, в Восточной Африке жуют листья, семена и листья добавляют в гашиш бенгальцы. Использовался индийцами в судах, как препарат правды. Привычка к «толоачи»,

настойке американского дурмана, приводит к хроническому слабоумию.

Глориоза суперба. Гавайи. Необычайно красивая вьющаяся лилия. Корни, стебли, листья содержат сильный наркотик, три грана которого смертельны.

Гура крепитанс. Центральная и Южная Америка. В дереве содержатся сильные рвотные вещества, применяющиеся для ловли рыбы (путем отравления) в Бразилии. При попадании в пищу безопасен, смертелен при попадании в кровеносную систему. Смерть через 7—10 дней.

Мелия азедарах. Гавайи, Центральная и Южная Америка. Небольшое дерево. Красивые темно-зеленые листья, сиреневые соцветья. Плоды очень ядовиты, действуют на центральную нервную систему.

Йатрофа курите. Карибский регион. Древовидный кустарник. Ядовитые семена. Возможен летальный исход.

Мексиканский камотилло. Центральная и Южная Америка. Дикий картофель, широко распространен. По индейской традиции его собирают, когда луна идет на убыль. Считается, что яд начинает действовать через то же количество дней после употребления клубня в пищу, сколько

картофель хранился после уборки. Содержит соланин.

Аманита мексикана. Центральная и Южная Америка. Близкий родственник европейского мухомора. Применяют в свежем виде, или смешивают с теплым молоком и текильей. Вызывает сверхчувствительность кожи, резко обостряет слух и зрение, затем галлюцинации в течение нескольких часов, сменяемые глубокой депрессией. Механизмы воздействия неизвестны.

Бонд протянул листы Тигру: — Видит Бог, садик доктора Шаттерхэнда действительно любопытное место.

— А о южно-американской пиранье вы, конечно, слышали? Они могут обглодать за час целую лошадь. Научное название Серрасалмус. Подвид Наттерери самый прожорливый. В своих озерах милейший доктор вместо наших золотых рыбок предпочел разводить именно этих тварей. Понимаете, к чему я клоню?

— Нет, — сказал Бонд, — честно говоря, не понимаю. Смысла не вижу.

8. Срази цветком

Было три часа утра. Давно умолк шум машин. Бонд не чувствовал усталости. История доктора из Швейцарии, «коллекционера смертей», как сказал Танака, захватила его. Тигр описал эту причудливую ситуацию явно не для развлечения. Так в чем же суть дела?

Танака потер лоб рукой:

— Вы читали вчера заметку в «Джапан Таймз»? О самоубийстве.

— Нет.

— Восемнадцатилетний мальчишка второй раз провалился на экзаменах в университет. Жил в пригороде Токио. Рядом с его домом строили новый «департменто», универсальный магазин. Парень зашел на стройплощадку. Там работал копер, забивал сваи под фундамент. Парнишка улучил момент и сунул голову под копер.

— С ума сойти! Зачем?

— Он обесчестил своих родителей, своих предков. Так он искупил вину. Самоубийства — несчастье японского образа жизни. — Тигр помолчал. — А, может быть, воплощение благо-

родства. Выбирайте, что вам больше нравится. Этого парня и его семью соседи долго будут помнить.

— Помнить разбитую всмятку голову?

— Вы не правы, Бондо-сан. Есть же у вас посмертные награждения крестом Виктории.

— За самоубийства после провала на экзаменах им не награждают.

— У нас не столь глубоко развита «демокорацу». — В голосе Тигра звучала ирония. — Бесчестие должно быть смыто — так здесь думают многие, хотя вам это может показаться старомодным. И нет жертвы более чистосердечной, чем собственная жизнь. Она ведь действительно одна.

— Но если парню не по зубам университет, он мог бы попробовать поступить в колледж. Англичанин, завалив экзамен, самое большее выругается и попробует еще раз. Но покончить с собой никому и в голову не придет. Это — трусость, страх перед трудностями. Именно это огорчит родителей, да и предки не обрадуются.

— У нас все по-другому. И, несмотря на «демокорацу», родители мальчишки отметят сегодняшний вечер, и соседи будут праздновать вместе с ними. Честь для нас важнее жизни.

Бонд пожал плечами:

— Я вот думаю, если у парня хватило мужества на эту жуть, вы напрасно потеряли прекрасного японца. Все эти самоубийства — просто какая-то истерия, типичная для всей истории Японии. Если вы не дорожите собственной жизнью, то что уж говорить о жизни других. Я как-то видел аварию на перекрестке. Множество столкновений, кругом валялись тела. Явилась полиция и, вместо того, чтобы немедленно отправить раненых в госпиталь, заставила их лежать на асфальте, пока тела обводили мелом и фотографировали.

— Обычная процедура, — вяло заметил Тигр. — Япония перенаселена. Аборты разрешены. Жертвы автокатастроф помогают решить одну из проблем. Так вот, по-японски самоубийство — «йисацу». Хотя это и жестокое средство для решения личных проблем, клейма позора, как у вас, на нем нет. Все дети знают у нас легенду о сорока семи самураях. По их вине погиб Асано, их господин. Они поклялись отомстить, и отомстили. А затем все отправились в место под названием Ако и совершили обряд «сеппуку» во искупление своего преступления. На Западе это известно как «харакири», простонародное выражение, в переводе — «вспарывание живота».

Сейчас целые поезда паломников отправляются в Ако поклониться перед усыпальницей героев.

— Великолепный способ воспитания юных самоубийц.

— Разумеется, — гордо сказал Тигр — Двадцать пять тысяч японцев кончают счеты с жизнью каждый год. Лишь бесчувственный чиновник может посчитать это позорной статистикой. И чем необычнее способ, тем теплее его принимают. Недавно какой-то студент отпилил себе голову циркулярной пилой. Любовники связывают себе руки и бросаются в водопад Кегон в Никко, очень высокий Часто выбирают вулкан Михара на острове Ошима. Люди сбегают по раскаленным склонам кратера и бросаются в кипящее озеро лавы. Власти даже установили пост по предотвращению самоубийства на вершине вулкана. Что ж, колеса старого доброго паровоза — совсем неплохая гильотина. Один-единственный шаг, и все проблемы решены.

— Вы кровожадная старая скотина. Тигр. Но какое отношение имеет к этому старина Шаттерхэнд и его садик?

— Бондо-сан, его уши торчат здесь отовсюду. Самоубийцы со всей Японии слетаются в этот чертов парк, как мухи на мед. Полный набор

удовольствий: путешествие на знаменитом экспрессе «Роумэнс» в Киото, морской переход по живописному Внутреннему морю, местный паровозик от бухты Беппу к Фукуока и, наконец, пешком или на такси к загадочному «Замку Смерти». Перебираетесь через стену, и вот последняя восхитительная прогулка среди чудесных рощ, быть может, рука об руку с любимой. И главное — игра. Который номер — ваш? Легкая достанется смерть, или мучительная? Наступите на гадюку на безлюдной, хорошо расчищенной дорожке? Или это будет смертоносная роса, когда вы приляжете ночью отдохнуть под зеленеющим деревом? Или голод ли, любопытство заставят вас сорвать горсть ярко-красных ягод, или один из этих оранжевых плодов? Вы торопитесь — под рукой всегда найдется кипящий фумарол. Тысяча градусов по Цельсию, и времени у вас останется лишь на один вскрик. Это настоящий «департменто» смерти, с полками, забитыми орудиями самоубийства, совершенно бесплатными. Сами понимаете, народ стекается туда, как на паломничество. Полиция установила на дороге шлагбаум. Ученым выдаются пропуска. А самоубийцы пробираются полями и болотами, лезут, обламывая ногти, через стены. Добрый

доктор, конечно, расстроен. Развесил повсюду предупреждения с черепами и скрещенными костями. Прекрасная реклама! Доктор разорился даже на целый воздушный шар, подвесил под крышей замка, огромные буквы предупреждают об ответственности за вторжение. Увы, еще один манок. «Смерть ожидает вас здесь!» — вот что это означает!

— Вы безумец, Тигр. Какого черта вы его не арестуете? Не сожжете все дотла?

— Арестовать? А за что? За подаренную Японии уникальную коллекцию редчайших растений? Сжечь дорогостоящую собственность уважаемого иностранца? Он же не нарушил закон. Винить можно лишь японцев. Верно, он мог бы усилить охрану. Да, странно, что, когда приезжает скорая помощь, все жертвы уже мертвы и представляют собою чаще всего мешок кальцинированных костей, выловленных из ближайшего фумарола. Вы ведь читали список: некоторые могли отделаться хотя бы слепотой. Герр доктор выражает искреннее недоумение. Полагает, что в ослеплении, или потеряв память, погибшие случайно попадают в фумаролы. Вполне возможно. Но в его списке уже более пятисот человек, об этом пишут, и все больше людей узнает о «Замке Смерти». Мы

должны положить этому конец.

— Вы пытались что-нибудь сделать?

— В замке побывало несколько следственных комиссий. Их прекрасно принимали. Доктор просил оградить его от непрошенных визитеров. Жаловался, что они мешают работать, ломают растения, рвут цветы. Он согласен на любые меры, лишь бы не страдали научные эксперименты, столь милые его сердцу, и столь высоко ценимые японскими специалистами. Предложил создать исследовательский отдел — заметьте, только со своим персоналом — для получения растительных ядов, обещая бесплатно передавать их нашим медицинским центрам. Многие из этих ядов, в соответствующих дозах, являются ценными лекарствами.

— Откуда у вас эта информация? — сонно спросил Бонд.

Было уже четыре часа, и иззубренный жемчужно-серыми остроконечными крышами горизонт светлел. Морщась, он выпил остатки саке. Перебор. Пора спать.

Но Тигра явно захватил этот нелепый ночной кошмар в духе Эдгара По и Амброза Бирса. Усталости он не чувствовал. На лице жестко обозначились черты самурая. Лишь случайные

движения выдавали возбуждение. Он сказал:

— Месяц назад, Бондо-сан, я послал туда на разведку своего человека. Мой министр приказал, министр внутренних дел. А ему — премьер-министр. Дело приобрело общественный резонанс. Я выбрал хорошего парня. Приказал ему прибыть на место, осмотреться и доложить. Через неделю его выловили из моря недалеко от замка. Он был слеп и в бреду. Нижняя часть тела страшно обожжена. Смог пробормотать «хайку» о стрекозах. Детишки у нас так развлекаются: привязывают самку-стрекозу к нитке и выпускают, на нее, как на мед, слетаются самцы. Это «хайку» — стихотворение из семнадцати слогов — он повторял, пока не умер:

О, горе!

Розовые стрекозы скользят

Над покрытой цветами могилой.

Бонд чувствовал себя, как во сне: маленькая комната, перегородки из рисовой бумаги, открывающаяся перспектива крошечного сада, алая полоска восхода вдалеке, тяжесть выпитого саке и сигарет, тихий голос, рассказывающий волшебную сказку: детство, палатка под высокими звездами. А ведь все это реально, поэтому Тигр и привел его сюда. Зачем? Боится одиночества?

Довериться больше некому? Бонд усилием воли стряхнул дремоту:

— Извините, Тигр. Что же случилось потом?

Тигр Танака выпрямился на своем золотистом татами. Он посмотрел Бонду в глаза и сказал:

— Потом? Извинился перед начальством. И стал ждать подходящего случая. Ждал вашего появления.

— Моего?

— Прислали вас. Мог быть и другой.

Бонд зевнул. Не смог удержаться. Вечеру конца не было. Японец оказался с причудами. Как бы завить веревочку? Он сказал:

— Тигр. Пора спать. Договорим завтра. Чем смогу — помогу. Вопрос сложный. Утро вечера мудреней. — Он привстал.

Тигр сказал, и это был приказ:

— Сядьте, Бондо-сан. Если вы любите свою страну, вы отправитесь завтра. — Он посмотрел на часы. — В двенадцать двадцать с Токийского центрального. Место назначения — Фукуока, остров Кюсю. В отель вы не вернетесь. Никаких встреч с Дикко. С этого момента вы в моем личном распоряжении. — Голос звучал тихо и мягко. — Вам ясно?

Бонд дернулся, как будто его ужалили:

— Ради Бога, что вы несете. Тигр?

— Вчера в моей конторе вы заявили, что в обмен на Магию-44 вы уполномочены выполнить любое задание по моему выбору.

— Никто меня не уполномачивал. Я сказал, что сделаю это для вас под собственную ответственность.

— Вполне достаточно. Я поймал вас на слове и попросил аудиенции у премьер-министра. Он дал добро на операцию, при условии ее абсолютной секретности. О ней знают лишь он, я — и вы, разумеется.

— Бросьте рассусоливать, Тигр, — сказал Бонд нетерпеливо. — Что вам от меня нужно?

Тигр, однако, не торопился:

— Бондо-сан, я буду с вами откровенен, только не обижайтесь, мы ведь друзья, хорошо? Должен признать, у многих власть имущих в Японии, и у меня в том числе, после войны сложилось отрицательное мнение об англичанах. Вы не только потеряли великую империю, вы, казалось, были рады от нее избавиться. Хорошо, — он поднял руку, — не будем залезать в дебри имперской политики, но когда в Суэце вы попытались подлечиться от импотенции, более жалкой попытки свет не видывал. Далее, ваше правительство

успешно и последовательно демонстрирует свою некомпетентность и фактически передает контроль над страной тред-юнионам, основной принцип которых: работать все меньше, получать все больше. Исчезает дух старой доброй Англии, моральное превосходство, перед которыми преклонялся весь мир. Появились толпы бездельников, азартные игры, жалобы на судьбу страны, сплетни о королевской семье и так называемой аристократии на страницах самых беспринципных в мире газет.

Бонд расхохотался:

— Ну вы и наглец, Тигр! Накатайте статейку, подпишитесь «Восьмидесятилетний» и пошлите в «Таймс». А лучше поезжайте и осмотритесь на месте. Не так уж все и плохо.

— Бондо-сан, вы сами подтверждаете мои слова. «Не так уж и плохо!». Детские оправдания нерадивого ученика. Немногие оставшиеся у вас друзья считают, что дела ваши идут отвратительно. И вот вы появляетесь у меня и требуете стратегически важную разведывательную информацию, чтобы поддержать руины исчезнувшей империи. Почему же мы должны пойти вам навстречу? Что нам это даст, Бондо-сан? Зачем совать нашатырь под нос сокрушенному тяжеловесу перед неиз-

бежным нокаутом?

Бонд разозлился:

— Чушь собачья, Тигр! Вы просто кучка осатаневших застоявшихся убийц, надеющихся избавиться от хозяев-янки и опять поиграть в самураев; скалитесь, прикрываясь улыбочками, и людей судите по законам джунглей. А скажу я вам вот что, дорогой вы мой: Англия, может быть, и обескровлена за последние две войны, наша социальная политика, может быть, чересчур расточительна, мы дали свободу колониям, может быть, слишком поспешно, но мы покорили Эверест, и наши спортсмены не самые худшие в мире, и у нас полно Нобелевских премий. Может быть, наши политики смехотворны, но и ваши таковы. Все они такие. С англичанами все в порядке — хотя их всего пятьдесят миллионов.

Тигр Танака широко улыбнулся:

— Хорошо сказано, Бондо-сан. Я боялся, ваш знаменитый стоицизм даст трещину. Хотел убедиться в обратном. Примерно то же самое я сказал Премьеру. И знаете, что он ответил? «Отлично, мистер Танака, испытайте коммандера Бонда. Если он выдержит, я поверю, что в Англии по-прежнему есть достойные люда и им можно доверить наши тайны. Если нет, вежливо ему

откажите».

Бонд пожал плечами. Он все еще кипел:

— Ладно. Что еще за испытание? Какая-нибудь бредовая самурайская чепуха?

— В какой-то мере, — невозмутимо согласился Тигр. — Вам придется проникнуть в «Замок Смерти» и сразить дракона.

9. Свежевыкрашенный японец

Черная «Тойота» неслась по пустынным улицам. День обещал быть прекрасным.

Тигр оделся, как на загородную прогулку. На сидении рядом с ним лежала небольшая сумка. Ехали они в некое купальное заведение, неумеренно расхваливаемое Тифом. Что-то совершенно особенное и, к тому же, уединенное, где Бонду без помех смогут придать вполне самурайский вид. Тигр отверг все возражения Бонда. Без сомнения, этот доктор — поставщик смерти. Сумасшедший? Просто развлекается на свой лад? Тигра это мало волнует. По вполне понятным политическим причинам, ликвидация, официально одобренная, не могла быть поручена японцу. Бонд появился как раз вовремя. У него большой опыт тайных операций, и если его случайно накроет японская полиция, нетрудно будет обеспечить соответствующее прикрытие. Его осудят, посадят, а затем тихо вывезут из страны. Если не повезет, доктор или его охрана в живых его несомненно не оставят.

Перспектива не слишком приятная. Бонд

заявил, что лично не имеет ничего против швейцарского ботаника. Тигр заявил, что любой нормальный человек возненавидит чудовище, на счету которого пять сотен загубленных душ. Разве не так? В конце концов Бонда нанимают в обмен на Магию-44. Это успокаивает его совесть. Поколебавшись, Бонд согласился. В качестве последнего аргумента Бонд заявил, что операция в принципе невозможна. Иностранца в Японии за пять миль засекут. Тигр заявил, что это предусмотрено, и первым шагом на пути превращений будет поездка в баню. Там же Бонд выспится перед путешествием, в котором Тигр будет его сопровождать. И Тигр с дьявольской ухмылкой заверил его, что по крайней мере часть предстоящих превращений доставит ему массу удовольствия.

Внешне баня смахивала на обычную гостиницу — несколько тщательно уложенных среди карликовых сосен каменных плит-ступеней, широкий, ярко освещенный дверной проем, лакированные деревянные полы, три кланяющиеся с улыбками женщины в кимоно, яркие, как птицы, хотя было около пяти утра, и неизбежная шеренга безупречно чистых тапочек-недомерков. После серии поклонов и контр-поклонов и нескольких фраз,

сказанных Тигром, Бонд снял ботинки и в носках (объяснения Тигра, вежливое хихиканье из-за прикрывавших лица ладоней) отправился за одной из женщин вдоль сверкающего коридора к раздвинутой перегородке, за которой оказалась миниатюрная комбинация спальни и турецкой бани. Молоденькая девушка в белых шортиках в обтяжку и узеньким намеком на лифчик, низко поклонилась, сказала:

— Извините, пожалуйста, — и принялась расстегивать Бонду брюки. Бонд придержал изящную ладошку, повернулся к старшей женщине, задвигавшей перегородку, и голосом, в котором смешались мольба и угроза, сказал:

— Танака-сан.

Привели Тигра. Кроме подштанников, на том ничего не было.

— Ну, что еще?

— Слушайте, Тигр, уверен, я с этой красоткой прекрасно полажу. Но скажите, что у нас в меню. Я ее должен сожрать, или она меня?

Тигр терпеливо объяснил:

— Учитесь выполнять приказы, не задавая вопросов, Бондо-сан. В ближайшее время это основа наших отношений. Лежанку видите? Девушка вас разденет и поможет улечься. Под лежанкой

очаг с древесным углем. Пропотеете. Минут через десять девушка поможет вам сойти и вымоет с головы до ног, даже вычистит уши специальной лопаточкой из слоновой кости. Она выльет вот эту стойкую краску в изразцовую ванну в полу, и вы туда залезете. Хорошенько расслабитесь, вымоете лицо и волосы. Она вас вытрет и пострижет на японский манер. Потом сделает массаж в любой устраивающей вас форме. Затем — сон. Проснетесь, позавтракаете, яичница с ветчиной и кофе, поцелуете барышню, побреетесь, или наоборот, дело ваше — вот и все.

Тигр что-то коротко сказал девице. Та ответила, кокетливо тряхнув головой.

— Ей восемнадцать, зовут Марико Ичибан. Марико означает «Правдивая», а Ичибан — «номер один». Девицы в этих заведениях пронумерованы. И больше меня, пожалуйста, не вызывайте. Программа у меня та же, только без краски. Просьба на будущее: не волнуйтесь. У вас впереди масса новых впечатлений. Часто странных, необычных. Никаких неприятностей — пока вы под моим прикрытием. Пользуйтесь случаем, второго может и не представиться. Договорились? Тогда спокойной ночи, дорогой Бондо-сан. А ночь коротка, не теряйтесь. И вы, — сказал

Тигр, сдвигая перегородку, — проснетесь новым человеком.

Бонд тут же принялся расслабляться: как только Марико вновь принялась за его брюки, он приподнял ей подбородок и с удовольствием поцеловал в теплые припухшие губы.

Позднее, устроившись на уютной деревянной лежанке, уставший, слегка пьяный, он припомнил свои мрачные размышления в розарии королевы Мери. Припомнил он и разговор с М., его уверения, что это чисто дипломатическое задание. Бонд иронически ухмыльнулся.

Марико перед зеркалом занималась прической. Бонд сказал:

— Марико, кончай!

Марико улыбнулась и поклонилась. Неторопливо сняла лифчик и подошла к лежанке.

«Что там тявкал Тигр о новом человеке?», — вспомнил Бонд. Он протянул Марико руку и заметил, как напряглись ее груди.

По переполненным залам Центрального вокзала Токио вслед за Тигром шел действительно новый человек. Лицо и руки были смуглы, черные напомаженные волосы аккуратно подстрижены, короткая челка прикрывала лоб, искусно подбритые брови делали косоватыми глаза. Одет он был,

как и многие вокруг, в белую хлопчатую рубашку с длинными рукавами и дешевенький черный галстук, пришпиленный золоченой булавкой. Черные брюки из магазина готового платья, подпоясанные дешевым черным пластиковым ремнем слегка провисали сзади (а зады у японцев низкие). Зато черные пластиковые сандалии и синие нейлоновые носки были в самый раз. Потрепанная сумка с надписью «Джапан Эр Лайнс» висела на плече. В ней лежали запасная рубашка, майка, трусы и носки, сигареты и всякая мелочь японского производства. В карманах расческа, старенький бумажник с пятью сотнями иен мелкими бумажками и карманный нож, причем длина лезвия не превышала положенных по японским законам двух дюймов. Платка не было, лишь пакет бумажных салфеток. (Потом уже Тигр объяснил: — Эта ваша западная привычка высморкаться, результаты тщательно завернуть в тряпочку и бережно, как бесценное сокровище, упрятать в карман! А остальное дерьмо вы храните столь же трогательно? В общем, сморкаясь в Японии, сделайте это попристойнее и не храните сокровищ при себе).

Несмотря на рост, Бонд не выделялся в шумной толпе пассажиров. Новое его лицо было вылеп-

лено в комнатке банного заведения, и Марико приложила для этого немало усилий.

— Настоящий японский джентльмен, — одобрила она после прощального поцелуя, когда Тигр уже тихонько постукивал в перегородку. Вещи Бонда унесли.

— Все передадут Дикко, — сказал Тигр. — Сегодня он сообщит вашему шефу, что мы с вами на несколько дней уехали из Токио по делам Магии. Дикко действительно так думает. У меня в конторе знают лишь о поездке в Фукуока. Считается, что я еду один, о вас никто не подозревает. Сейчас едем экспрессом до Хамагори на южном побережье, вечером катером на подводных крыльях через пролив Осуми до порта Тоба. Там переночуем. Торопиться не будем, по дороге познакомитесь с японскими обычаями, стилем жизни — пригодится, когда придет время.

Подошел сверкающий серебристо-оранжевый экспресс. Тигр забрался в вагон, Бонд вежливо пропустил вперед парочку девушек. Когда он уселся рядом с Тигром, тот сердито прошипел:

— Первый урок, Бондо-сан! Женщин вперед не пропускают. Можете оттолкнуть, наступить на ногу. Уважение оказывается глубоким старикам, и все. Ясно?

— Да, хозяин, — сказал Бонд с сарказмом.

— И бросьте эти западные шуточки, пока вы у меня на выучке. Мы занимаемся серьезным делом.

— Ну хорошо, хорошо, — сказал Бонд со вздохом. — Черт бы вас побрал…

Тигр поднял руку:

— Номер два. Не ругаться. В японском языке нет ругательств, ругани просто не существует.

— Бог ты мой, Тигр! А как же уважающий себя мужик должен спускать пары? Если ты опаздываешь на встречу с начальством и забываешь дома важные бумаги, естественно рявкнуть: «Бабушка Любит Яростно Дедушку Мягкий Знак!».

— Нет, — сказал Тигр. — Я скажу «Шимата», что значит «Извините, я ошибся».

— И все?

— Все.

— А если виноват твой водитель, грех ведь его не отматерить?

— Если бы я нанял нового шофера, и назвал бы его «бакиаро», что означает «идиот несчастный», или даже «кончикишо», то есть «ты, животное», но это страшные оскорбления, и он имеет полное право ударить меня. Он, несомненно, бросит машину и уйдет.

— И это самые зверские японские ругательства? А как насчет ваших табу? Император, предки, боги бесчисленные? Их вы когда-нибудь к черту посылаете?

— Нет. Такого просто не существует.

— А похабщина всякая, сексуальные оскорбления?

— Есть пара — «чимбо», мужского рода, и «монко», женского. Всего лишь грубые анатомические названия. Как ругательства не используются.

— Свихнуться можно! Психи без ругательств! Я диссертацию напишу. Только и остается покончить с собой, завалив экзамен, или оторвать голову своей девушке, когда она надоест.

Тигр рассмеялся:

— Обычно мы спихиваем их под трамвай или поезд.

— По мне проще сказать — «ты, …», — Бонд с удовольствием выпалил продолжение. — И все дела.

— Достаточно, Бондо-сан, — терпеливо сказал Тигр. — Вопрос закрыт. Будьте любезны впредь воздерживаться от употребления этих слов. Спокойствие, стоицизм, невозмутимость. Не демонстрируйте ваших чувств. Улыбайтесь, если не везет. Если потянете связки, смейтесь.

— Тигр, вы чертов надсмотрщик…

Тигр плотоядно ухмыльнулся:

— Это только начало. А сейчас в вагон-ресторан. Влитое вчера в меня «Сантори» требует опохмеловки.

— Опохмелки, — поправил Бонд.

— И основательной.

Пытаясь управиться при помощи палочек с ломтиками сырого осьминога и горкой риса («Привыкайте к нашей еде, Бондо-сан»), Бонд посматривал на проносящуюся мимо изрезанную береговую линию, перемежающуюся поблескивающими под солнцем рисовыми чеками, и вдруг почувствовал увесистый толчок в спину. Толкали его в ресторане уже несколько раз — японцы по этой части большие мастера — но здесь он оглянулся и успел заметить спину плотного человека, выходящего из вагона. За ушами у него белели завязки от «маско», а голову прикрывала уродливая черная кожаная шляпа. Когда они возвращались на свои места, Бонд обнаружил, что у него обчистили карман. Исчез бумажник. Тигр был обескуражен:

— Такое просто невероятно в Японии. Да, ладно. Я вам куплю новый в Тоба. Не стоит звать кондуктора. Только привлечем к себе внимание.

Появится полиция, вопросы, протоколы… А вора не найдут. Снимет «маско» и шляпу и ищи его. Мне очень жаль, Бондо-сан. Надеюсь, вы не слишком расстроились?

— Да ерунда, Тигр.

Они вышли в Хамагори, живописной приморской деревушке; недалеко, в проливе, горбился скалистый островок, где, как объяснил Тиф, стоял знаменитый храм-святилище. Затем часовой поход через пролив с пятидесятиузловой скоростью на катере на подводных крыльях.

На причале Бонд заметил силуэт плотного человека, мелькнувшего в толпе. Ворюга с поезда? Но этот носил тяжелые очки в роговой оправе, а плотных мужчин было предостаточно. Бонд вздохнул и пошел за Тигром по узким улочкам, весело расцвеченным бумажными знаменами и фонариками, к неизменному раздвижному фасаду и карликовым соснам.

Их ждали и встретили почтительно. Бонд был уже на пределе, запас поклонов и улыбок в нем иссякал, и он свирепо ухмыльнулся, когда его оставили, наконец, в покое в его безумно изящной комнатушке с неизменным изящным чайником, изящной чашкой и несравненными леденцами в рисовой бумажке. Он сидел у раздвинутой пе-

регородки с видом на садик размером с носовой платок, за которым стеной стояло море, и мрачно смотрел на гигантскую статую мужика в котелке и визитке, о котором Тигр сказал, что это мистер Микимото, основатель производства искусственного жемчуга, родившийся в Тоба, и именно здесь, еще бедным рыбаком, придумавший запихивать песчинку под мантию живой раковины, вокруг которой и образовывалась жемчужина.

— А, пошел этот Тигр к черту, вместе со своим планом, — думал Бонд. — Куда я лезу?

Так он и сидел, когда пришел Тигр и бесцеремонно потребовал, чтобы Бонд одел «юката», висевшее, вместе с постельными принадлежностями, в единственном шкафчике у бумажной стены.

— Соберитесь, Бондо-сан, — мягко сказал Тигр. — У вас неплохо получается. Я заказал саке и лангуста на обед, здесь он особенно хорош.

Бонд слегка повеселел. Он разделся до трусов, завернулся в темно-коричневое «юката».

— Стоп! — скомандовал Тигр. — Запахнитесь слева направо. Наоборот заворачивают только трупы.

Бонд уселся в позе лотоса за низеньким столом напротив Тигра. В кимоно было действительно

легко и удобно. Он поклонился:

— Отличная программа. А теперь, Тигр, расскажите, как вы были камикадзе. Подробно. Что это такое?

Принесли саке. Хорошенькая официантка, опустившись на колени на татами, ухаживала за обоими. Тигр все продумал, даже приказал принести высокие стаканы. Бонд осушил свой залпом.

— Ваша манера пить вполне отвечает вашей легенде, — сказал Тигр.

— А кем я буду?

— Шахтером из Фукуока. Среди них много высоких ребят. Толкали вагонетки. Махать кайлом мозгов не хватило. Будете глухонемым. Вот, — Тигр швырнул захватанную справку, мятую, с завернувшимися углами. — «Тсумбо де оши» — глухонемой. Относятся к ним с жалостью и слегка брезгливо. Если к вам кто-нибудь обратится, покажите это, и от вас отстанут. Могут предложить немного мелочи. Возьмите и поклонитесь пониже.

— Премного благодарен. Отчет для ваших секретных фондов предоставить?

— Этого от вас не потребуется, — Тигр сделал каменную физиономию. — Операция оплачива-

ется из фондов премьер-министра.

Бонд поклонился:

— Какая честь. А теперь, сукин вы сын, налейте-ка саке, и давайте ваши сказочки о камикадзе. А я пока воплощусь в трахнутого шахтера из Фукуока. На людях я готов шипеть, кланяться и все, что угодно. Но когда мы наедине, пароль «Бабушка Любит Яростно Дедушку Мягкий Знак», или я суну голову под копер прежде, чем вы загоните меня на первое дерево. Договорились?

Тигр низко поклонился:

— Шимата! Я, конечно, неправ. Слишком уж давлю на вас. Друзей надо развлекать. Поднимите стакан, Бондо-сан, иначе девушка вам не нальет. Отлично. Итак, о камикадзе.

Тигр покачивался взад-вперед, его темные глаза убийцы были непроницаемы. Он заговорил, не глядя на Бонда:

— Почти двадцать лет прошло. Обстановка для нас складывалась отвратительно. Я занимался разведывательной работой в Берлине и Риме, был далеко от линии фронта, не видел воздушных налетов, но каждую ночь я слушал наше радио и понимал, как медленно, но неотвратимо продвигались американские войска, занимая остров за островом, видел, что страна моя в опасности, и я

должен быть там. — Тигр замолчал. — Только об этом и думал. Я знал о действиях корпуса камикадзе. Означает это слово «Божественный Ветер». Так назвали ураган, спасший в тринадцатом веке Японию от вторжения войск Кубла-хана, потопивший его флот. И я сказал себе, вот так следует умереть — никаких наград, чистая смерть, самоубийство, если хотите, но враг за это заплатит сполна. Воплощение героизма. Мне было почти сорок. Сам уже пожил от души и мог дать пожить какому-нибудь юнцу. Технически все очень просто. Любой способен научиться управлять самолетом. Несколько машин идут в атаку. Выбери себе цель, лучше всего авианосец, с него янки поднимаются бомбить твою страну. Постарайся попасть в лифт на полетной палубе, самое уязвимое место. Мостик или ватерлиния надежно укрыты броней. Только в лифт, ясно?

Тигр был опять на войне. Бонд видел это, с ним самим такое частенько случалось. Он поднял стакан. Девушка, стоя на коленях, поклонилась и налила саке. Бонд сказал:

— Ясно. Продолжайте, Тигр.

— Я заставил «Кемпейтай» принять мою отставку и всеми правдами и неправдами поступил в учебную эскадрилью камикадзе. Это было до-

вольно сложно. Похоже, туда стремилась попасть вся молодежь страны. К этому времени самолетов у нас уже не хватало и пришлось осваивать «баку» — небольшой деревянный планер, несший на носу тысячу фунтов взрывчатки. Что-то вроде летающей бомбы. Двигателя не было. «Баку» подвешивали под фюзеляж истребителя-бомбардировщика. У пилота была единственная ручка управления. Страшное и прекрасное это было зрелище, Бондо-сан, вылет на задание. Молодые люди в белых рубахах, с белой самурайской повязкой на голове, весело бегущие к своим машинам, как на свидание к любимой. Рев двигателей самолетов-носителей и взлет прямо в заходящее солнце, полет к обнаруженной цели. Казалось, они летят к своим предкам, на небеса, да так оно и было, никто не вернулся назад, никто не попал в плен.

— Ну и чего они добились? Напугали, конечно, американцев, да и англичан. Но вы потеряли тысячи лучших своих юношей. Стоило ли?

— Стоило ли? И это вы говорите об одной из самых славных страниц нашей истории. А вы знаете, что камикадзе единственное соединение ВВС, не приписавшее себе несуществующих побед. Они заявили о потоплении или повреждении

двухсот семидесяти шести кораблей, на самом же деле на их счету триста двадцать две единицы. — Вам повезло, капитуляция опередила ваш вылет. — Может быть. И все же, Бондо-сан, я представляю себе, как сваливаюсь в пике из-за солнца, прямо в ад зенитного огня, вижу крошечные фигурки, мечущиеся по палубе в поисках убежища, пытающийся маневрировать авианосец, вижу, как уничтожу сейчас сотню врагов, подорву огромный корабль, я, один-одинешенек.

— Ваш шеф, адмирал Ониси после капитуляции, конечно, покончил с собой?

— Естественно. В лучших традициях. Если вы решили совершить «сеппуку», обязательно пригласите двоих ближайших друзей, они помогут завершить церемонию, случись вам ошибиться. Адмирал сделал крестообразный разрез, вспоров живот слева направо, а потом вверх, до грудной кости, просто изумительно. Но не смертельно. И все же он отверг помощь. Целый день сидел, созерцая собственные внутренности, пока не умер. Чистосердечная просьба о прощении перед Императором. — Тигр махнул рукой. — Ладно, не буду портить вам обед. Вижу, некоторые наши обычаи чести действуют европейцам на нервы. А вот и лангуст. Красавец)

Лакированные коробочки с рисом, сырые перепелиные яйца, мелко нарезанные водоросли стояли перед ними. Потом перед каждым появилось овальное блюдо с огромным лангустом, голова и хвост которого обрамляло нарезанное ломтями розовое мясо. Бонд взял в руки палочки. К его удивлению, лангуст был сырым. Еще больше он изумился, когда голова лангуста, шевеля усами и клешнями, сползла с блюда и заковыляла по столу.

— Бог мой, Тигр! — воскликнул он. — Чертова скотина жива!

— В самом деле, Бондо-сан, — прошипел Тигр, — вы меня разочаровываете. Провал за провалом, к концу поездки я надеялся на лучшие результаты. Давайте ешьте, бросьте привередничать. Прекрасная японская кухня. Деликатес.

Бонд с иронией поклонился.

— Шимата! — сказал он. — Извините. Мне просто пришло в голову, что достопочтенный японский лангуст не пожелает быть сожранным живьем. Спасибо за дополнительную информацию. Я ошибался.

— Скоро вы привыкните к японскому образу жизни, — великодушно заметил Тигр.

— Меня скорее удивляет ваш образ смерти, —

дружелюбно ответил Бонд и протянул свой стакан стоящей на коленях девушке — перед тем, как приниматься за водоросли, следовало собраться с силами.

10. Курсы усовершенствования

Тигр и Бонд стояли в тени аллеи гигантских криптомерий, разглядывая увешанных фотокамерами паломников, идущих к знаменитому святилищу Исэ, главному храму синтоистов. Тигр сказал:

— Ну, хорошо. Посмотрели вы на этих людей. Они молятся богине солнца. Сделайте то же самое, не привлекая к себе внимания.

По чисто выметенной дорожке Бонд прошел под огромной деревянной аркой и смешался с толпой перед храмом. Двое священников в причудливых красных кимоно и черных шапочках наблюдали за паломниками. Бонд поклонился в сторону храма, бросил монетку в кружку для подаяний, громко хлопнул в ладоши и, склонив голову в молитве, вновь хлопнул в ладоши и отошел.

— Хорошо, — сказал Тигр. — Один из священников обратил на вас внимание, публика просто не заметила. Можно было хлопнуть и погромче. Это привлекает внимание богини и предков к вашей молитве. О чем же вы молились?

— Боюсь, ни о чем. Просто старался правильно выполнять все действия.

— Богиня отблагодарит вас за усердие. В будущем. А теперь в машину, надо еще кое на что посмотреть.

Бонд застонал. На стоянке орды школьников выплескивались из автобусов; кричали и свистели в свистки диспетчеры, помогая водителям припарковываться. Хихикающие девочки были упакованы в синие платья и черные хлопчатобумажные чулки, на ребятах наглухо застегнутые форменные кители со стоячими воротниками.

Тигр продирался через толпу. Выбравшись, он улыбнулся:

— Вы что-нибудь заметили, Бондо-сан?

— Стадо симпатичных девчонок. Слишком молоды для меня.

— Нет. Вчера многие из них пялились бы на вас, хихикали и верещали «гейджин»! Сегодня вы иностранцем не выглядите. Изменились не только внешность и манеры, появилась уверенность. Чувствуете себя в своей тарелке. — Тигр просиял золотозубой улыбкой. — Система Танаки. Не смейтесь, не так уж это и глупо.

Вадакин, стоящая на дороге к древней столице страны Киото, была обычной маленькой гор-

ной деревушкой. Тигр сказал что-то водителю такси и вскоре они остановились у длинного, похожего на коровник здания на задней улице. Пахло скотом и навозом. С ними поздоровался человек, назвавшийся старшим скотником. У него были румяные щеки и умные добрые глаза, как и у его коллег где-нибудь в Шотландии или Тироле. Они долго разговаривали с Тигром. Человек взглянул на Бонда, в глазах у него мелькнул озорной огонек, поклонился и пригласил в дом. Внутри было прохладно. В стойлах, пережевывая жвачку, лежали жирные коричневые коровы. Маленький веселый песик лизал морду коровы, и время от времени его тоже смачно облизывали. Скотник поднял жердь и что-то сказал корове, та зашевелилась и неуклюже поднялась на ноги, пошатываясь, вышла на солнце и уставилась на Тигра и Бонда.

Скотник приволок упаковку пива, открыл бутылку и протянул Бонду. Тигр безапелляционно заявил:

— Напоите корову.

Бонд взял бутылку и браво направился к корове, которая подняла морду и открыла пасть, куда Бонд и запихал горлышко бутылки. Корова в восторге чуть не проглотила бутылку и облизала

шершавым языком руку Бонду. Бонд не дрогнул ни мускулом. Он уже привык к штучкам Тигра и решил реагировать на все в духе камикадзе, что бы там Тигр ни придумывал.

А скотник протягивал Бонду бутылку с жидкостью, смахивающей на обыкновенную воду. Тигр сказал:

— Это «шоку». Отличный джин. Наберите в рот, спрысните корове спину и вотрите в шкуру.

«Надеется, гад, что я глотну чертово снадобье и задохнусь», — решил Бонд. Он благополучно проделал упражнение и поскреб корове спину, та была в экстазе…

— Что еще? — воинственно спросил Бонд. — Чем эта скотина будет со мной расплачиваться?

Тигр рассмеялся и перевел слова Бонда скотнику, тот тоже засмеялся и взглянул на Бонда чуть ли не с уважением. Тигр протянул деньги. Поклонившись, они вернулись в машину и отправились в деревню, где оказались в ресторанчике, сверкающем, безупречно чистом и совершенно пустом. Тигр сделал заказ и они уселись на чудесные европейские стулья, за нормальный стол, и улыбающаяся девушка принесла саке. Бонд, надеясь смыть привкус джина, залпом проглотил первую порцию.

— А теперь объясните, что это была за комедия, — потребовал он.

Тигр чувствовал себя великолепно:

— Сейчас попробуете самую сочную говядину в мире. Такой не найдете в лучшем ресторане Токио. Это стадо принадлежит моему приятелю. Скотник нормальный парень, а? Спаивает каждой корове четыре пинты пива в день и устраивает им массаж с «шоку». Еще они жрут овсянку. Любите говядину?

— Нет, — сказал Бонд флегматично, — не люблю.

— Жаль, — сказал Тигр, вовсе не выглядя разочарованным. — Это лучший за пределами Аргентины бифштекс. Вы его заслужили. Скотника покорило ваше профессиональное обращение с коровой.

— Ну и что это доказывает? — спросил Бонд с кислой миной. — Куда вы меня потащите после обеда?

Принесли бифштекс со множеством приправ, включая чашечку крови, от которой Бонд отказался. Но мясо можно было резать, ничего подобного Бонду действительно пробовать еще не приходилось. Тигр, вовсю работая челюстями, рассказывал:

— Поедем в наш тренировочный лагерь. Это недалеко, в горах, в старой крепости. Известен как «Центральная школа альпинизма». Интереса у местных жителей не вызывает, а мои люди обучаются здесь искусству «нинюцу» — это, буквально, «искусство быть невидимым». Парни, которых вы увидите, уже овладели, по крайней мере, десятью из восемнадцати основных принципов «бусидо», или «пути воина», и сейчас тренируются, как «ниндзя-невидимки»: веками так готовили шпионов, убийц и диверсантов. Вы увидите, как ходят по воде, по стенам и потолку, вам покажут, с помощью каких приспособлений можно просидеть под водой целый день. Много чего покажут. Не считая отличной физической подготовки, ниндзя, разумеется, никакие не супермены, как это приписывают им легенды. Конечно, секреты «нинюцу» и сейчас тщательно оберегаются, владеют ими две основные школы, Ига и Тогакуре, из них же мои инструкторы. Думаю, вам это может пригодиться. Я не люблю агентов с пистолетами и прочими тяжестями. В Китае, Корее и России, где я в основном работаю, обладание оружием при аресте — очевидное доказательство вины. Мои люди должны уметь убивать без оружия. Палки и тонкой цепочки, от

которых легко избавиться, вполне достаточно. Ясно?

— Разумно. У нас есть такой же центр для подразделений коммандо. Ну, конечно, ваши дзюдо и каратэ — особое искусство. А как ваши успехи в дзюдо. Тигр? Тигр оскалился:

— Всего лишь черный пояс седьмого дана. Красный пояс, это от восьмого до одиннадцатого дана, так и не получил. Надо забросить все остальные дела. А зачем? Чтобы к похоронам получить двенадцатый, последний дан? Прокувыркаться всю жизнь в академии Кодокан в Токио? Нет уж. Это для психов, — он улыбнулся. — Отказаться от саке! От девок! И ведь может так никогда и не удастся сцепиться с каким-нибудь сукиным сыном с пистолетом. В обычной жизни мастер дзюдо — это помесь монаха с балетным танцовщиком. Не мой стиль!

Вновь они пылили по пустынной дороге. Какое-то чувство заставило Бонда взглянуть назад через прикрывавшую стекло изящную кружевную занавеску, отличительный признак местных такси и опасную помеху для водителя. Далеко позади виднелся одинокий мотоциклист. Позднее, когда они свернули с горы, тот продолжал двигаться за ними.

Бонд сказал Тигру, тот пожал плечами:

— Патрульный полицейский, наверное. А если нет, он выбрал неподходящее время и место.

У крепости была типичная рогатая, как на японских гравюрах, крыша. Стояла она в ущелье, где, вероятно, некогда был важный горный проход; старинная пушка торчала на вершине гигантской, слегка скошенной, сложенной из черных гранитных блоков стены.

Их остановили у ворот перед деревянным мостом через наполненный водой ров, и затем перед входом в крепость. Тигр показывал пропуск, охрана в штатском вежливо шипела и низко кланялась, и звякал колокол на верхнем ярусе высокого сооружения, весьма, как заметил Бонд из внутреннего дворика, облезлого.

Когда машина остановилась, из дверей замка высыпались молодые люди в шортах и кедах, выстраиваясь в шеренгу за тремя мужчинами постарше. Тигру, царственно вышедшему из машины, они отвесили земные поклоны. Тигр и Бонд тоже поклонились.

Тигр коротко поздоровался со старшими и быстро заговорил, прерываемый почтительными «Хай» мужчины среднего возраста, явно руководителя всей команды. С последним «Хай,

Танака-сан», тот повернулся к курсантам. Их было двадцать с лишним человек, от двадцати пяти до тридцати пяти лет. Старший выкрикивал номера, и из строя вышло шесть человек. Получив приказания, они побежали в замок. Тигр объяснил Бонду:

— Они оденут маскировочные костюмы и уйдут в горы. Если кто-нибудь бродит вокруг, они его сюда доставят. А сейчас нам покажут учебную атаку на крепость. — Тигр выкрикнул еще несколько команд, курсанты мгновенно исчезли. В сопровождении старшего инструктора, с которым Тигр оживленно переговаривался, они с Бондом отправились на мост. Через четверть часа с крепостного чала над ними раздался свисток, и мгновенно в лесу, слева от них, показалось десять человек. С головы до ног те были затянуты в черные комбинезоны, лишь глаза сверкали в прорезях капюшонов. Сбежав к краю рва, они мгновенно надели овальные плоские поплавки из какого-то легкого дерева, вероятно бальсы, и, как на лыжах, заскользили по воде к подножию высокой черной стены. Здесь они сбросили поплавки, вытащили из карманов комбинезонов мотки тонких веревок и небольшие металлические костыли и, как стремительные черные

пауки, побежали вверх по стене.

Тигр повернулся к Бонду:

— Имитируются ночные действия. Через несколько дней вам предстоит нечто подобное. Заметьте, на концах веревок крюки, которыми цепляются за трещины в камнях.

Инструктор что-то сказал Тигру и показал рукой. Тигр кивнул:

— Замыкающий — самый слабый в команде. Инструктор думает, он скоро сорвется.

Цепочка штурмующих почти достигла вершины двухсотфутовой стены, и, когда оставалось пройти всего несколько ярдов, замыкающий потерял опору и с криком ужаса полетел вниз по отвесной черной стене. Тело его ударилось о камни и врезалось в стоячую воду рва. Инструктор что-то пробормотал, сорвал с себя рубашку, взобрался на ограждение моста и прыгнул вниз с высоты сотни футов. Это был отличный прыжок и, вынырнув, он стремительным кролем поплыл к плавающему лицом вниз телу. Тигр повернулся к Бонду:

— Один черт, все равно он бы провалился на экзаменах. Пойдемте во двор. Бойцы взяли стену и сейчас продемонстрируют приемы «боджуцу» против обороняющихся — это бой с палками.

Бонд бросил взгляд на инструктора, буксировавшего труп к берегу, а это, несомненно, был уже труп. Интересно, кто-нибудь провалится на экзаменах в «боджуцу»? Неудачи в тренировочном центре Тигра несли смерть!

А во внутреннем дворике, разбившись на пары, бойцы изгибались в стремительных схватках. В руках у них были толстые, в два ярда длиной, палки Они нападали и отбивали удары, делали выпады, целясь в живот, использовали палку как пику или проводили приемы, сцепившись лицом к лицу.

Бонда удивило, что сокрушительные удары в пах не производили никакого впечатления на курсантов; сам бы он уже корчился в агонии. Он спросил об этом у Тигра, тот, увлеченный боем, сказал, что объяснит позднее. Тем временем защитники крепости постепенно теснили нападавших. Люди в черном падали без сознания, или лежали, со стонами прижимая руки к голове, животу и яйцам. Инструктор резко свистнул, и бой окончился. Оборонявшиеся победили.

Появился доктор и обошел павших, а оставшиеся на ногах низко поклонились друг другу, а потом Тигру. Тигр произнес короткую речь, в которой, перевел он Бонду, поздравил участников с

впечатляющими учениями.

Бонда повели в замок на чаепитие, а потом на выставку вооружения «ниндзя». Были там стальные метательные звезды с заточенными лучами, размером с серебряный доллар, цепи с острыми грузиками на концах, их использовали как лассо в Южной Америке, колючки из гвоздей против босоногих преследователей (Бонд припомнил, что такие же применяли бойцы Сопротивления против немецких автомобилей), полые бамбуковые трубки для дыхания под водой (Бонду приходилось пользоваться ими на Карибских островах), всевозможные медные кастеты, перчатки, усеянные на внутренней стороне множеством очень острых, слегка загнутых крючков для «хождения» по стенам и потолку, и целая куча столь же примитивных устройств. Бонд демонстрировал одобрение и изумление и вспоминал русскую «штучку», имевшую большой успех в Западной Германии — газовый пистолет, не оставлявший следов, а у жертвы были все симптомы сердечной недостаточности. Все эти Тигриные «ниндзя» просто детский сад!

Во дворе командир поисковой группы доложил, что обнаружены следы мотоцикла, развернувшегося назад в миле от замка. Ничего более не

замечено. Прощальные поклоны, и вновь они в пути по дороге в Киото.

— Ну, Бондо-сан, как вам мой центр?

— Впечатляет. Отличная подготовка, но, боюсь, маскировочная одежда и ваше оружие — вещественные доказательства ничуть не хуже пистолета. Ну, они действительно очень быстро вскарабкались по стене, и приемы «боджуцу» могут здорово пригодиться против ночного хулигана с велосипедной цепью или выкидным ножом. Закажу себе, пожалуй, двухъярдовую трость.

Тигр облизал губы:

— Такое ощущение, что драки вы видели только в дешевых вестернах. Попробовали бы пробраться в Северную Корею, одевшись простым крестьянином.

Бонд страшно устал. Жаль было парня, погибшего на потеху ему и Тигра. Он резко сказал:

— Никто из ваших «ниндзя» не протянул бы и дня в Восточном Берлине, — и угрюмо замолчал.

11. Лекция по анатомии

К вящему облегчению Бонда ночь они провели в лучшем отеле Киото «Мияко». Нормальная кровать, кондиционер, сортир в европейском стиле, никаких восточных излишеств. Более того, Тигр сообщил, что, к сожалению, у него обед с шефом полиции префектуры, и обрадованный Бонд заказал в номер пинту «Джека Даниеля» и двойную порцию яиц по-бенедиктински. Потом, единственно из чувства долга, посмотрел «Семь детективов», знаменитый местный телесериал (убийцу вычислить не смог), завалился в постель и проспал двенадцать часов.

На следующее утро, мучимый укорами совести, он согласился с предложением Тигра отправиться в старейший бордель Японии. Затем предстояло ехать в Осаку и оттуда, через Внутреннее море, на южный остров Кюсю.

— Малость рановато для борделя, — только и сказал он.

Тигр рассмеялся:

— Вечно в вас бушуют низменные инстинкты, Бондо-сан. Проституция у нас запрещена. А едем

мы с вами осматривать национальную достопримечательность.

— Лихо!

В борделе опять вежливо шипели и кланялись, а экскурсовод подарил им красивые буклеты. Это был квартал «красных фонарей» древней столицы. По сверкающим полам шли они из комнаты в комнату, разглядывая следы ударов мечей на деревянных колоннах. Тигр заявил, что так, пылая страстью и нетерпением, развлекались самураи. Бонд спросил, сколько же здесь было спален. Казалось, весь дом состоял из одной огромной кухни и множества столовых.

— Четыре комнаты, — ответил экскурсовод.

— Таких борделей не бывает, — заявил Бонд. — Нужен мгновенный оборот, как в казино.

— Бондо-сан, — жалобно сказал Тигр, — не забывайте, у нас разный образ жизни. В давние времена здесь отдыхали и восстанавливали силы. Подавали еду, здесь музицировали, рассказывали истории. Писали «танка». Вот посмотрите на эту надпись на стене: «Завтра все будет внове». Не дурак ведь это написал.

— А потом он бросил перо, схватился за меч и заорал: «Когда освободится четвертая комната?». Действительно, памятник старины! Это как в но-

вых африканских странах. Там утверждают, что в людоедском котле из хижины вождя варили ямс для голодных детишек. Все пытаются отречься от ужасного прошлого, а нет, чтобы гордиться им. Как мы от Кровавого Моргана, или от Нэлл Гвинн. Великий убийца и великая шлюха — тоже наша история. Зачем же выдавать ваш старейший бордель за шекспировский Стратфорд-на-Эвоне.

Тигр расхохотался:

— Бондо-сан, ваша трактовка нашей истории просто возмутительна. Поехали, подышим чистым морским воздухом.

«Марасаки Мару» была новейшим трехтысячетонным судном со всеми удобствами океанского лайнера. Толпы провожающих махали с причала, как будто предстояло путешествие через Атлантику, а не прогулка по длинному озеру. Бросали на борт серпантин, над группами на причале торчали плакаты, объявлявшие их принадлежность к офисам, школам, клубам. Казалось, путешествует вся Япония, отправляется на каникулы, навещает родственников или святыни, просто осматривает достопримечательности страны.

Судно величественно проходило среди бесчисленных скалистых островков. Тигр сказал, что недалеко есть замечательные водовороты,

«что-то вроде сортирных смывов, специально для самоубийц». В ресторане первого класса они заказали омлеты с ветчиной и саке. Тигр был в менторском настроении — и решил поправить невежественные суждения Бонда о японской культуре:

— Бондо-сан, вы пытались когда-нибудь оценить изящество японской «танка» или «хайку»; это классические формы нашей поэзии. Вы слышали о Басе?

— Нет, — вежливо ответил Бонд, — а кто это?

— Ну конечно, — с горечью сказал Тигр. — Вы ведь сочтете меня олухом, не знай я Шекспира, Данте или Гете. А Басе, живший в семнадцатом веке, столь же велик.

— И что он написал?

— Это был странствующий поэт. Любимый жанр — «хайку», стихотворение из семнадцати слогов. — Тигр принял задумчивый вид и произнес:

Горечь едкой редьки
Впивается в губы.
Чувствую осени ветер.

— Ничего это вам не говорит? Или вот:

Мотылек
Омывает крылья

Ароматами сада.

— Ощущаете красоту образа?

— Трудноуловимо, по сравнению с Шекспиром.

В хижине рыбака
Шуршанье сушеных креветок
Смешалось с пеньем сверчка.

Тигр с надеждой взглянул на Бонда.

— Не улавливаю, — ответил тот виновато.

— Вам непонятна образность этих стихов? Моментальное проникновение в человеческую сущность, в природу? Окажите мне любезность, Бондо-сан. Напишите «хайку» для меня. Уверен, вам это удастся. В конце концов, хоть какое-то образование у вас есть?

Бонд рассмеялся:

— Учил латынь и греческий. Все о Цезаре и ему подобных. Никакого толку, когда пытаешься заказать чашечку кофе в Риме или Афинах. Тригонометрию учил и благополучно забыл. Но дайте мне перо и лист бумаги, я попробую. — И, обхватив руками голову, Бонд склонился над столом. Писал, перечеркивал, переписывал, и, наконец, сказал:

— Вот, Тигр, слушайте. Что-то вроде старика Басе и куда содержательней:

Жизнь дается лишь дважды:

Когда мать рожает тебя,

И когда смотришь смерти в глаза.

Тигр тихо хлопнул в ладони и с удовольствием сказал:

— Но это великолепно, Бондо-сан. Так искренне. — Он взял ручку и нацарапал на листе несколько иероглифов. Подкачал головой: — Нет, по-японски не звучит. Не совпадает количество слогов. Но попытка вполне удачная. — Он посмотрел на Бонда:

— Думали о предстоящем деле?

— Может быть, — невозмутимо ответил Бонд.

— Не можете не думать.

— Будет трудно чисто технически. О морали я уж и не говорю. В нашем случае, к сожалению, цель оправдывает средства.

— То есть, ваша безопасность не является камнем преткновения?

— Да нет, бывала работенка и похуже.

— А вы стоик. Не цепляетесь за жизнь, как большинство европейцев. — Тигр сочувственно посмотрел на Бонда: — Наверное, есть причины?

Бонд помешкал:

— Ничего особенного. И, ради Бога, Тигр, перестаньте! Бросьте эту вашу японскую занудли-

вость. Налейте саке, и ответьте-ка на вчерашний вопрос: почему ваши парни не реагировали на удары по яйцам? Вот это мне может пригодиться, а вы лезете с какой-то дурацкой поэзией.

Тигр, посмеиваясь, заказал саке:

— К сожалению, вы уже не в том возрасте. Вот попадись вы мне лет в четырнадцать… Знаете борцов «сумо»? Это их древний прием, чтобы избежать повреждений этих частей тела. Гениталии у мужчин до наступления половой зрелости находятся внутри тела, и лишь потом определенная мышца выпускает их наружу.

— И что же?

— Борцов «сумо» отбирали как раз при наступлении половой зрелости, из-за силы и веса, или по семейной традиции. Так вот, после специальных упражнений и массажа можно вновь втянуть яйца вверх по паховому каналу.

— Ну, вы, японцы, даете! — восхищенно воскликнул Бонд. — Фокусники!

— Перед схваткой пах бинтуется, потом, в ванне, мускулы расслабляются. Жаль, но вы опоздали для этих трюков, могло бы и пригодиться. Известно, что агент в схватке или в плену именно здесь чувствует себя наиболее уязвимым. При пытках за половые органы берутся в первую

очередь.

— Будто я не знаю! — в сердцах сказал Бонд. — Некоторые наши парни цепляют себе коробку. По мне, очень неудобно.

— А что это такое?

— Крикетисты придумали: такая легкая алюминиевая пластина с подкладкой.

— Жаль, мы в Японии в крикет не играем. Только в бейсбол.

— Ваше счастье, вас не англичане оккупировали, — откомментировал Бонд.

— Крикет — игра трудная, требует умения.

— То же говорят американцы о бейсболе.

— Естественно, Надо же им продавать здесь снаряжение для бейсбола.

Солнце уже садилось, когда они подошли к порту Беппу на острове Кюсю. Тигр объявил, что сейчас самое время осмотреть знаменитые гейзеры и фумаролы маленького курорта, а завтра, рано утром, они отправляются в Фукуока. Бонда даже передернуло. Осмотры достопримечательностей и посиделки с саке, слава Богу, подходили к концу.

По очереди они заглянули в десяток «преисподен», как их здесь называли. Жутко воняло серой, булькающий, кипящий фумарол выглядел один

противнее другого. Дымящаяся грязь и горячие гейзеры были разноцветными — красными, голубыми, оранжевыми — и повсюду висели таблички с черепами и скрещенными костями, требующие держаться на безопасном расстоянии. В десятой «преисподней» по-английски и по-японски предупреждали, что извержение происходит каждые двадцать минут. Они присоединились к маленькой группе зрителей, столпившихся под прожекторами, направленными на небольшой кратер среди скал, заляпанных грязью. Через пять минут под землей что-то заурчало, струя дымящейся серой грязи выстрелила футов на двадцать в высоту и тяжело шлепнулась на камни. В стороне в нише Бонд заметил большой красный вентиль, запертый на здоровенный висячий замок и окруженный проволочной сеткой. Рядом висела табличка и был намалеван особенно зловещий череп. Бонд потребовал у Тигра объяснений.

— Там написано, что вентиль регулирует частоту выбросов гейзера. Если его закрутить, может произойти взрыв, мощностью в полтонны ТНТ. Реклама для привлечения туристов. Поехали в город, Бондо-сан. Это наш последний день вместе. В этот раз, — быстро поправился он, — и я заказал

кое-что особенное. Еще с корабля, по радио. Ужин с «фугу»!

Бонд молча выругался. Воспоминания о яйцах по-бенедиктински были еще свежи в нем. Что за кошмар ожидает его впереди?

— "Фугу" — это рыба-шар. В воде плоская, а когда поймают, надувается и напоминает шар, покрытый острыми шипами. Из высушенных шкурок, вставив свечи, делают фонарики. Очень вкусное мясо. Борцы «сумо» считают, что оно придает силы. Еще «фугу» очень любят самоубийцы и просто убийцы: печень и половые железы рыбки смертельно ядовиты.

— О, это мое любимое блюдо! Вы очень внимательны, Тигр.

— Не бойтесь, Бондо-сан. Каждый ресторан с «фугу» получает государственный сертификат, а повар имеет специальный диплом.

Они оставили вещи в заказанной Тигром гостинице, помылись в «о-фуро», бане с крошечным голубым бассейном и очень горячей, пахнущей серой водой и, отдохнув, отправились вниз по улице, ведущей к морю. Бонду страшно понравились японские бани. Было в них нечто римское, и пахло от японцев какой-то особенной чистотой. Тигр говорил, что от европейца, в лучшем случае,

несет парной свининой.

Перед рестораном висела огромная рыба-шар, а внутри, к радости Бонда, стояли нормальные стулья и столы, за которыми, со свойственной им вдумчивостью, жевали японцы. Их ждали, стол был уже накрыт. Бонд сказал:

— Слушайте, Тигр, я не собираюсь совершать самоубийства, не выпив, по крайней мере, бутылок пять саке.

Перешептывающиеся официантки принесли требуемое. Бонд налил, выпил и вызывающе заявил:

— Теперь можете тащить вашу чертову рыбу, а если я протяну ноги, пусть наш дружок-доктор ликует.

Церемонно внесли очень красивое, размером с велосипедное колесо, белое фарфоровое блюдо. На нем, в виде огромного цветка, лепесток к лепестку, лежали тончайшие, прозрачные пластинки «фугу». Бонд посмотрел на Тигра и взялся за палочки. Он гордился тем, что в искусстве владения палочками он достиг уже степени «черного пояса» — и, заодно, научился есть недожаренные яйца.

Вкуса у рыбы не было никакого, даже рыбного. Но она буквально таяла во рту, и Бонд рассыпался

в комплиментах, видя, что Тигр, смаковавший каждый кусочек, ждет этого. Принесли сырые плавники «фугу», еще что-то, еще саке.

Бонд отвалился от тарелки и закурил:

— Итак, Тигр, образование мое завершено. Завтра вы выпустите меня из гнезда. Сколько же очков из сотни я набрал?

Тигр насмешливо посмотрел на него:

— Вы старались, Бондо-сан. Если не считать ваших европейских шуточек о наших восточных обычаях. Но я человек терпимый, и общество ваше доставило мне массу удовольствия. Даю вам семьдесят пять из ста.

Когда они встали из-за стола, мимо Бонда к выходу проскочил человек. Коренастый мужчина с белой «маско» на лице и в уродливой кожаной шляпе. Человек с поезда!

— Ладно, ладно, — подумал Бонд. — Если он хоть раз еще появится, я им займусь. Если нет, сочтем это случайным совпадением. Но что-то с внешним наблюдением у Тигра слабовато.

12. Свидание в Самарре

Машина префекта полиции Фокуока пришла за ними в шесть утра. Двое полицейских сидели впереди. По прибрежному шоссе помчались на север. Вскоре Бонд сказал:

— Тигр, за нами хвост. Тип, который спер мой бумажник, был вчера в ресторане «фугу», а сейчас он гонит за нами на мотоцикле в миле позади — готов сожрать собственную шляпу. Прикажите водителю развернуться, надо его взять. У меня нюх на эти дела.

Тигр заворчал, оглянулся и что-то быстро приказал водителю. Тот ответил «Хай!», а полицейский, сидевший рядом, расстегнул кобуру своего М—14. Тигр сжал кулаки.

За поворотом водитель свернул с дороги влево и заглушил двигатель. Они прислушались. Мотоцикл пролетел мимо и понесся дальше. Водитель быстро вывернул из укрытия на дорогу и они бросились в погоню. Тигр отрывисто рявкнул по-японски. Бонду он сказал:

— Я приказал включить сирену, а если тот не остановится, загнать его в кювет.

— Что ж, вы оставляете ему шанс, — сказал Бонд, слегка остыв. — Может я ошибаюсь, и это всего лишь посыльный от «Фуллерз» с тортом.

По извилистой дороге они выжимали под восемьдесят миль и вскоре заметили облако пыли. Вот уже и сам мотоцикл. Водитель, пригнувшись к рулю, летел, как сумасшедший.

Полицейский что-то сказал. Тигр перевел:

— Он говорит, это пятисоткубовая «Хонда». Запросто может оторваться от нас. Но здесь даже урки народ дисциплинированный. Сирена его остановит.

Сирена взвыла и заревела. Мотоциклист оглянулся, мелькнула белая маска, он медленно тормозил. Правая рука нырнула за борт куртки. Бонд сжал ручку двери:

— Смотрите, Тигр, у него пушка! — и когда они поравнялись, рывком распахнув дверь, прыгнул на мотоциклиста, сшибая его и машину на землю.

Полицейский, сидевший рядом с водителем, прыгнул следом, упал и почти мгновенно вскочил на ноги. В руке у него был окровавленный нож. Он отшвырнул его и рванул мотоциклиста за куртку. Нашел взглядом Тигра и покачал головой. Тигр что-то проорал, и полицейский начал

изо всех сил хлестать мотоциклиста по лицу. «Маско» слетела, и Бонд увидел жуткий оскал смерти. Он прошептал:

— Остановите его, Тигр. Парень мертв.

Тигр вышел на дорогу. Подняв нож, наклонился и завернул правый рукав трупа до плеча. Показал на черную татуировку на сгибе руки:

— Вы не ошиблись, Бондо-сан. Это Черный Дракон. — Он выпрямился, виновато поморщился: — Шимата!

Оба полицейских стояли рядом с выражением вежливого недоумения на лицах. Тигр отдавал приказы. Обыскав труп, они обнаружили всевозможную мелочь, в том числе и бумажник Бонда с нетронутыми пятью тысячами иен и дешевую записную книжку. Передали все Тигру и, подняв труп, грубо запихали его в багажник автомобиля. Замаскировали мотоцикл в кустах, почистились и сели в машину.

Тигр задумчиво произнес:

— Невероятно! Эти гады, должно быть, постоянно следили за мной в Токио. — Он просмотрел записную книжку. — Да, все мои передвижения за последнюю неделю и наши с вами остановки в пути. Вы упоминаетесь как «гайджин». Он вполне мог передать ваши приметы по телефону.

Какая досада. Приношу мои глубокие извинения, Бондо-сан. Естественно, я отменяю операцию. Каюсь, не принял их всерьез. Как только доберемся до Фукуока, переговорю с Токио. А вы, по крайней мере, познакомились с методами доктора Шаттерхэнда. Не так-то он прост. Несомненно, когда-то был профессиональным разведчиком. Сумел установить мою личность, а ведь это государственная тайна. Считает меня основным противником. Создал себе солидное прикрытие. Он или сумасшедший, или настоящий преступник. Согласны, Бондо-сан?

— Похоже на то. Что-то мне захотелось на него взглянуть. Продолжим операцию. Тигр. Вот сейчас я вошел во вкус.

Управление контрразведки «Сосака» расположилось недалеко от главной улицы Фукуока. Это было мрачного вида сооружение в имперском "германском стиле, сложенное из желтого кирпича, каким обычно выкладывают уличные сортиры. Тигр сказал, что во время войны здесь трудился «Кемпейтай», местное гестапо.

Принимали Тигра помпезно. Кабинет начальника управления был тесен и завален бумагами. Суперинтендант Андо напоминал обыкновенного торговца, но Бонд заметил военную выправку,

а из-за очков без оправы тяжело смотрели проницательные глаза. Пока шли переговоры. Бонд терпеливо курил. Принесли аэрофотоснимки «Замка Смерти» и его окрестностей. Суперинтендант придавил уголки пепельницей и еще какой-то ерундой, и Тигр с уважением, не оставшимся незамеченным Андо, попросил Бонда подойти. Бонду пришло в голову, что Тигр считает себя его должником и виновником неудачи с Черными Драконами.

Тигр сказал:

— Пожалуйста, посмотрите на эти фотографии, Бондо-сан. Суперинтендант говорит, что скрытно подобраться к замку с суши очень трудно. Самоубийцы платят местным крестьянам, знающим тропы через болота, — он показал на карте. — В стенах есть заметные бреши, их специально не заделывают. Как только суперинтендант выставляет патруль у одной из них, охрана замка сообщает крестьянам о новом проломе. Он просто не знает, что делать. За последнюю неделю в морг доставили двадцать трупов. Суперинтендант намерен подать в отставку.

— Ясное дело, — сказал Бонд, — а потом, конечно, почетная смерть от ядовитого члена «фугу». Дайте-ка взглянуть.

На первый взгляд диспозиция противника Бонду очень не понравилась. Все равно, что идти на штурм Виндзорского замка с голыми руками. Поместье располагалось на небольшом мысе, выдававшемся в море с гористого берега; двухсотфутовая скала, окаймлявшая мыс, была доверху выложена огромными каменными блоками, и стена эта, слегка наклонясь, высилась до орудийных амбразур и крытых черепицей сторожевых башен. С вершины стены вел десятифутовый спуск в парк, густо заросший деревьями и кустарником; множество извилистых ручейков, обширное озеро с маленьким островком в центре. Озеро, похоже, парилось, легкие струйки пара виднелись и среди кустарника. В глубине поместья стоял замок, окруженный сравнительно невысокой стеной. Именно через эту стену перебирались самоубийцы. Сам замок был огромным пятиэтажным сооружением в традиционном японском стиле, с изогнутыми крышами обливной черепицы. Верхний этаж украшали стилизованные дельфины, множество всевозможных декоративных излишеств, крошечные балкончики, башенки, бельведеры, так что все черное сооружение, там и сям, как сказал Тигр, тронутое золотой краской, напоминало

декорацию для фильма о Дракуле.

Бонд взял увеличительное стекло и, дюйм за дюймом, просмотрел карту поместья, но не обнаружил ничего нового, кроме нескольких миниатюрных фигурок, работающих в парке, или разбрасывающих гравий вокруг замка. Бонд отложил лупу. Мрачно сказал:

— Это не замок! Это настоящая крепость! И как я туда проникну?

— Суперинтендант интересуется, хорошо ли вы плаваете? Стена, выходящая на море, проблем не представляет, у меня с собой полный комплект снаряжения «ниндзя».

— Плаваю хорошо, но каким образом я доберусь до стены? Где стартовать буду?

— Суперинтендант говорит, в полумиле от берега есть остров Куро. Там живут «ама».

— Это еще кто такие?

— "Ама" — это народность, племя, они живут на нескольких островах, всего около пятидесяти деревень. Их девушки ныряют за раковинами «аваби» — такой съедобный морской моллюск, деликатес. Иногда за жемчужницами. Ныряют голышом. Некоторые из них просто красавицы. Они очень замкнуты, у них своя культура и обычаи, довольно примитивные. Что-то вроде морских

цыган. Они редко выходят замуж за чужаков, в общем, настоящие отшельники.

— Занятно, но где я там устроюсь? Подходящей погоды можно ждать черт знает сколько.

Тигр быстро заговорил с суперинтендантом.

— А, со десу ка! — проговорил он возбужденно и повернулся к Бонду: — У суперинтенданта есть дальние родственники на Куро. Очень интересное семейство: отец, мать и дочь. Ее зовут Кисси Сузуки. Я о ней слышал. В семнадцать лет ее пригласили на киносъемки в Голливуд. Прославилась на всю страну. Им нужна была красивая ныряльщица-японка. В фильме она снялась, но Голливуд возненавидела и вернулась к себе на остров, а могла заработать целое состояние. Тогда об этом много писали и решили, что вела она себя самым достойным образом. Называли ее «японской Гарбо». Сейчас ей двадцать три, и все о ней забыли. Суперинтендант говорит, что эти люди вас приютят. Они ему чем-то обязаны. Дом простой, но комфортабельный. Девушка неплохо заработала в Штатах. Все остальные дома на острове — обычные рыбацкие хижины.

— А что все эти рыбаки скажут?

— Не волнуйтесь. Они синтоисты, суперинтендант поговорит со священником, и все будет

о'кей.

— Хорошо. Я остаюсь на острове и ночью подплываю к стене. Что дальше?

— Снаряжение «ниндзя». Как им пользуются, вы видели, все очень просто.

— Да, судя по парню, сыгравшему в ров. Дальше?

— Прячетесь в парке и ждете случая прикончить его. Каким способом — ваше дело. Я уже говорил, появляется он в доспехах. Это-то и делает гада уязвимым. Вам достаточно сбить его с ног, а потом придушить цепью. Выдадим вам настоящую цепь «ниндзя». Если появится баба, шлепните и ее. Она, несомненно, его сообщница и, к тому же, слишком уродлива. Перебираетесь через стену и возвращаетесь вплавь на Куро. Здесь вас подберет полицейский катер. Ну, а слухи о смерти распространяются быстро.

Бонд с сомнением сказал:

— Что-то уж очень просто получается. А как насчет охранников? Их там целая толпа.

— А не попадайтесь им на глаза. Укромных уголков в парке хватает.

— Ну, утешили. Засяду где-нибудь в ядовитом кустике. Совсем не хочется ослепнуть или свихнуться.

— Получите маскировочные костюмы: черный ночной и камуфлированный для светлого времени, защитные очки для глаз. Дадим вам специальный пластиковый мешок для буксировки всего добра.

— Обо всем-то вы подумали, дорогой Тигр. А я просто взял бы с собой пушку.

— Вы с ума сошли, Бондо-сан. Шума не должно быть, а глушитель снижает начальную скорость пули, вдруг не удастся пробить броню. Нет, друг мой, действуйте методами «нинюцу».

— Ну, хорошо, — вздохнул Бонд. — Фотографии доктора у суперинтенданта есть? Давайте посмотрим.

Снимки были сделаны телеобъективами с большого расстояния, Огромная фигура в средневековых доспехах, крылатом шлеме древнего японского воина. Бонд, внимательно изучив фотографии, отметил уязвимые места на шее и в сочленениях брони. Металлическая пластина приковала пах. Широкий самурайский меч висел на поясе, другого оружия Бонд не заметил. Задумчиво Бонд сказал:

— На идиота он не похож. Хотя костюмчик, как у Дракулы. Лицо его у вас есть?

Суперинтендант порылся в досье, вытащил фо-

тографию, похожую на увеличенный снимок для паспорта, и протянул Бонду. Бонд бросил небрежный взгляд и вдруг мускулы его напряглись.

— О, Господи, Боже всемогущий! — прошептал он. Да, никаких сомнений! Отрастил висячие черные усы. Сделал пластическую операцию сифилитического носа. В верхней челюсти появился золотой зуб. Но сомнений не было.

Бонд спросил:

— А женщина у вас есть?

Изумленный выражением сдержанной ярости на побледневшем под темным гримом лице Бонда, суперинтендант лихорадочно зарылся в досье.

Вот она, сука, — плоская уродливая морда лагерной надсмотрщицы, пустые глаза, пучок волос на затылке.

Держа в руках фотографии, Бонд задумался. Эрнст Ставро Блофелд. Ирма Бунт. Вот где они вынырнули! Вот где свела их судьба! Они! И он! На такси приехал. Неужели почуяли? Неужели погибший «дракон» установил и успел передать его имя? Сомнительно. Тигр плотно прикрывал его. Интуиция преступника? Ощущение неотвратимости назначенной судьбой встречи в Самарре?

Бонд отвел взгляд. Он чувствовал холодную

решимость. Это его личное дело. К черту Тигра и Японию. К черту «Магию». У древних это называлось кровной местью. Он спросил небрежно:

— Тигр, узнайте у суперинтенданта, что его парни сделали с «драконом»? Где его вещи? Главное, сумел он передать приметы и сообщить о целях моего появления?

Долгая наэлектризованная тишина повисла в комнате. Тигр буквально впился глазами в лицо Бонда, потом быстро заговорил с суперинтендантом. Тот поднял трубку старомодного телефона, сказал несколько слов, дунул, по японской привычке, в микрофон и разразился длинной тирадой, без конца повторяя: «А, со десу ка!» Как только он положил трубку, Тигр, не сводя с Бонда изучающих глаз, сказал:

— Парень из местных. Состоял на учете в полиции. К счастью, малообразован, обыкновенный бандит. В блокноте записано его задание: проследить весь мой маршрут и сообщить шефу. Сомнительно, что у него была связь до этого. А в чем дело, Бондо-сан? Вам знакомы эти люди?

Бонд скрипуче рассмеялся каким-то фальшивым смехом. Он решил помалкивать. Идентификация личности доктора Шаттерхэнда означала начало официального расследования. Японцы

и ЦРУ рванут в Фукуока. Блофелда и Ирму Бунт арестуют. У Бонда отнимут его добычу. Не дадут отомстить. Он сказал:

— Да нет. Я немного физиогномист: когда я увидел эту рожу, у меня мурашки по спине забегали. Операция, независимо от результатов, многое решит в наших судьбах, но ничьей не будет. Еще несколько вопросов; я хочу выяснить все детали.

Тигр, похоже, успокоился. Какое странное животное выражение на лице его обычно ироничного, спокойного друга Бондо-сан. Тигр сверкнул золотыми зубами:

— Ну, разумеется, дорогой мой. Обговорим все досконально. Позвольте мне еще одну японскую пословицу: «Собаке нужна пара блох. Иначе она забывает, что она собака».

— А-а, старина Басе! — узнал Бонд.

13. Кисси Сузуки

Утро пролетело мгновенно. Бонд действовал, как автомат: проверял снаряжение «ниндзя», проследил за упаковкой его в плавучий контейнер. Мысли были заняты совсем другим — Блофелд, чертова скотина, организатор «Спектра», гнусной банды убийц и террористов, человек, которого ищет полиция всех стран НАТО, убийца Трейси. Девять месяцев назад она всего один день была женой Бонда. И за девять месяцев этот гениальный мерзавец придумал нечто совершенно новенькое. Швейцарец — доктор Шаттерхэнд, богатый ботаник, одно из многих его прикрытий. Все так просто: несколько редких растений ведущим ботаническим садам, финансирование пары экспедиций и невинный план — уйти на покой и заняться садиком. И каким! Смертельная ловушка для людей, настоящий подарок для самоубийц. И, конечно, Япония, где самый высокий в мире уровень добровольных смертей, страна с неиссякаемой жаждой причудливого, жестокого, ужасающего — о лучшем убежище не приходилось и мечтать. Блофелд свихнулся — но это было

целенаправленное сумасшествие убийцы-гения. И масштабы у него были соответствующие, как у Калигулы, Нерона или Гитлера. Горы трупов росли с захватывающей быстротой, расходы были невероятны, планирование, вплоть до использования «Общества Черного Дракона», и прикрытие — безупречны. И вот два врага встретились вновь, но на сей раз Давид шел на Голиафа, ведомый не чувством долга, но кровной местью! А оружие? Голые руки, двухдюймовый нож и тонкая стальная цепочка. Что ж, такое случалось и раньше. Главное, захватить врасплох.

Бонд отобрал пару черных ластов, немного прессованного мяса, таблетки бензедрина, пластиковую флягу с водой. Все готово.

Они подъехали к пирсу, где ждал полицейский катер. На двадцатиузловой скорости прошли вдоль берега, обогнули мыс и вышли в залив Генкай. Тигр вытащил бутерброды и бутыль саке и они ели, посматривая на зеленый берег и песчаные пляжи по левому борту. Тигр показал на крошечную точку на горизонте.

— Остров Куро, — сказал он. — Веселее, Бондо-сан! Что-то вы загрустили. Скоро будете купаться с голыми красотками! Переспите с японской Гретой Гарбо!

— А акулы уже собираются отметить мой заплыв.

— Если уж они не жрут Ама, на кой черт им тощий англичанин? Видите, вон кружат два орла-рыболова? Отличная примета. Когда в небе один — судьба не так благоприятна. Четыре означают катастрофу, у нас четверка, как ваши тринадцать — приносит несчастье. А забавно, Бондо-сан, болван-дракон дрыхнет себе в пещере, ничего не подозревая, а в это время Святой Георгий по волнам подбирается к его логову. Каков сюжет для прессы?

— Потрясающее у вас чувство юмора, Тигр.

— Просто не похоже на ваше. Весь японский юмор замешан на смерти и несчастьях. Я не артист, но попробую рассказать мою любимую историю. Девушка подходит к мосту, дает стражнику монетку в один сен и идет дальше. Стражник кричит: «Эй, проход по мосту стоит два сена». Девушка отвечает: «Но я не собираюсь переходить на другой берег. Дойду до середины и брошусь в реку». — Тигр оглушительно захохотал.

— Расскажу в Лондоне, — вежливо сказал Бонд. — Они там со смеху лопнут.

Маленькая точка на горизонте росла и превратилась вскоре в изогнутый остров миль пять в

окружности, со скалистыми берегами и небольшой, смотрящей на север, бухтой. Вдали виднелся выдающийся в море мыс, обиталище доктора Шаттерхэнда, и высокая, похожая на крепостную, черная стена вздымалась из моря. Вершины деревьев поднимались над нею, а за ними, в отдалении, выделялась на фоне неба крыша замка.

Бонд слегка поежился, подумав о предстоящем заплыве в ночном море и упражнениях в скалолазании. А, ладно! Он переключился на приближающийся остров.

Это была черная вулканическая скала, тем не менее густо покрытая зеленью. На вершине невысокой горы стоял сложенный из камня маяк. Они обогнули мыс и увидели маленькую деревушку и причал. В море неподалеку было разбросано штук тридцать гребных лодок, иногда в сверкающих под солнцем волнах мелькали розовые тела. Голые ребятишки играли среди огромных гладких черных валунов, похожих на купающихся гиппопотамов. Сушились зеленые сети. Что-то пасторальное, присущее рыбацким деревушкам всего мира, было в этой картине. Бонд немедленно влюбился в островок, казалось, его здесь давно и с нетерпением ждут друзья.

Несколько деревенских старейшин, серьезных,

угловатых людей, во главе с синтоистским священником ждали их на причале. Священник был в церемониальных одеждах; темно-красным с широкими отлетными рукавами кимоно до колен, бирюзовой юбке в широкую складку и в традиционной блестящей черной шляпе в виде усеченного конуса. Он был средних лет, с круглым лицом, в круглых очках, с твердым, решительным ртом. Чувствовались в нем сдержанное достоинство и сила. Когда высаживались на берег, проницательный взгляд его скользнул по лицам гостей, но задержался на Бонде.

Суперинтенданта Андо встретили с дружелюбным уважением. Это его округ; и лицензии на рыбную ловлю зависят от него, насмешливо подумал Бонд, но поклоны вовсе не казались угодливыми, и Бонд решил, что ему полаются подходящий посол.

По булыжной мостовой главной улицы они поднялись к дому священника, скромному сооружению из камня и дерева. Они вошли и уселись на безупречно чистом лакированном полу. Суперинтендант произнес длинную речь, прерываемую серьезными «Хай» и «А, со десу ка» священника, время от времени задумчиво посматривавшего на Бонда умными газами. Затем

недолго говорил священник, а Тигр и суперинтендант внимательно слушали. Тигр ответил, и деловая часть беседы на этом завершилась, принесли неизменный чай.

Бонд спросил у Тигра, что рассказали священнику о его миссии. Врать смысла не было, ответил Тигр, священник человек проницательный, и сказали ему правду. Священник сожалеет, что приходится применять столь жесткие меры, но считает замок средоточием зла, его владельца — воплощением дьявола. Он благословляет их предприятие, и Бонд может остаться на острове для подготовки к операции.

Священник попросит семью Сузуки оказать Бонду гостеприимство. Бонда представят антропологом, изучающим образ жизни «ама», и надеются на его благоразумие и умение вести себя достойно.

— Означает сие, — с ухмылкой сказал Тигр, — что вам не позволено тащить девок в постель.

Вечером они спустились на причал. Синевато-серое море было зеркально-тихо. Маленькие лодки, увешанные означавшими удачный улов пестрыми флагами, возвращались домой. Все обитатели Куро, человек двести, толпились на берегу, встречая своих девушек, старики держали

в руках шали и одеяла, чтобы ныряльщицы не замерзли по пути домой, где их ждала горячая ванна.

Было пять часов.

— В восемь они уже спят, — сказал Тигр, — а на рассвете вновь выйдут в море. — Тигр посочувствовал: — Придется вам, Бондо-сан, менять и распорядок дня и образ жизни. «Ама» живут очень скромно, заработки малы — не больше воробьиной слезинки, как у нас говорят. И, Бога ради, повежливее с родителями, особенно с папашей. Ну, а Кисси… — Тигр замолчал.

Десятки рук подхватывали лодки и, с криками, затаскивали их на черную гальку. Поднимали и выносили на берег большие деревянные ящики с «аваби», там их сортировали и оценивали.

Тем временем смеющиеся, щебечущие девушки поднимались по мелководью, скромненько посматривая на троих незнакомцев. В мягком вечернем воздухе все они казались Бонду веселыми красавицами — высокие груди, с грубоватыми сосками; блестящие мускулистые ягодицы, перечеркнутые шнуром, придерживающим треугольный шерстяной лоскуток на лобке; на талии широкий ремень с овальными свинцовыми грузами и изогнутым острым ножом, белая повязка

на голове, смеющиеся глаза, припухшие губы. Вот такой и должна быть настоящая жизнь, казалось сейчас Бонду, и почувствовал он себя, несмотря на грим, паршивым городским хлыщом.

Высокая, значительно выше других, девушка не обратила никакого внимания на мужчин на причале и стоящий рядом полицейский катер. В толпе смеющихся подруг она широко, может быть, чересчур напряженно шагала по черной гальке вверх по берегу. Она что-то бросила попутчицам, и те захихикали, прикрывая рот руками. Худенькая старушка протянула грубое коричневое одеяло и она завернулась в него. Девушки разошлись.

Старушка и высокая девушка поднялись вверх по берегу к рынку. Девушка что-то возбужденно рассказывала. Старуха слушала и кивала. К ним подошел священник. Женщины низко поклонились. Он заговорил, они смиренно слушали, посматривая на мужчин на причале. Девушка плотнее завернулась в одеяло.

Кисси Сузуки, понял Бонд.

Трое мужчин, священник в великолепном наряде, смуглая старая рыбачка и высокая обнаженная девушка, завернувшаяся в старое одеяло, шли вдоль причала. Девушка держалась позади.

Женщины остановились, священник подошел к Бонду, поклонился и заговорил. Тигр переводил:

— Родители Кисси почтут за честь принять вас в своей бедной хижине. Они сожалеют, что не знакомы с западными обычаями, но их дочь знает английский и сможет передать им ваши пожелания. Священник спрашивает, управитесь ли вы с гребной лодкой? У отца Кисси приступ ревматизма. Вы оказали бы семье большую услугу, заняв его место.

Бонд поклонился:

— Пожалуйста, передайте его преподобию, что я весьма признателен ему за помощь. Приглашение в дом Сузуки-сан для меня большая честь. Потребности мои скромны, и мне очень нравится японский образ жизни. Я с удовольствием поработаю на лодке или помогу по дому. — Вполголоса он добавил: — Тигр, мне понадобится их помощь, особенно от девушки. Можно ей доверять?

Тигр мягко ответил:

— Смотрите сами. Священник знает все, отчего же не доверять и девушке? За границу она ничего не передаст. Пойдемте, священник представит вас. Не забывайте, зовут вас здесь Таро, «первый сын», Тодороки, в переводе «гром». Настоящим именем священник не интересовался. Я сказал,

что это примерный эквивалент английского. Это имя стоит на вашем удостоверении личности и на профсоюзном билете. Здесь мы среди друзей, там, если попадетесь, покажете медицинскую справку.

Бонда подвели к женщинам. Он поклонился матери, не слишком низко, помня, что она всего лишь женщина, и повернулся к девушке.

Она весело рассмеялась. Она не хихикала, рассмеялась громко и сказала:

— Можете мне не кланяться, я, во всяком случае, не собираюсь. — Она протянула руку. — Как дела? Меня зовут Кисси Сузуки. — Рука была ледяной.

Бонд сказал:

— Таро Тодороки. Извините, что задержал вас здесь. Вы замерзли, идите домой, ныряйте в ванну. Спасибо за приют, но я не хочу причинять вам неудобства. Я действительно не помешаю?

— Просьба «каннуши-сан», священника — закон. Ничего страшного. Когда ваши достопочтимые друзья отпустят вас, мы с мамой будем счастливы принять вас у себя. Надеюсь, вы умеете чистить картошку.

Бонд повеселел, наконец-то появилась нормальная девушка! Не кланяется и не шипит! Он

сказал:

— Ха, у меня ученая степень. Я сильный, упорный и не храплю. Когда мы выходим в море?

— В пять тридцать. На восходе. Принесите мне удачу. Найти «аваби» непросто. Сегодня нам повезло, я заработала долларов тридцать, но такое не каждый день случается.

— Доллары? Ага, скажем, десять фунтов.

— А разве англичане не те же американцы? Разве у них разные деньги?

— Очень похожи, но совершенно разные.

— Как это?

— Вы хотите сказать: «А, со десу ка»?

Девушка рассмеялась:

— Эта шишка из Токио вас здорово натаскала. Может быть, попрощаетесь с ним и пойдем домой? Нам надо на другой конец деревни.

Священник, суперинтендант и Тигр разговаривали, явно не обращая внимания на Бонда и девушку. Мать скромно стояла в стороне, внимательно, тем не менее, наблюдая за ними. Бонд вновь поклонился ей и подошел к мужчинам. Коротко попрощались. Над морем темнело, солнце тонуло в вечерней дымке. На полицейском катере запустили двигатель. Бонд поблагодарил суперинтенданта, тот пожелал ему успеха в бла-

городном предприятии. У Тигра был серьезный вид. Он пожал руку Бонда обеими руками, жест, необычный для японца. Он сказал:

— Бондо-сан, я уверен в вашем успехе, поэтому не желаю удачи. Не скажу и «сейонара», прощайте. Я просто тихо скажу «банзай!» а на случай, если боги отвернутся от вас, и дела пойдут совсем плохо — вот вам маленький подарок. — Он протянул Бонду небольшую коробочку, внутри что-то гремело. Бонд открыл ее: там была длинная коричневая капсула.

Бонд рассмеялся и протянул коробку Тигру:

— Спасибо, Тигр, не надо. Как сказал, или чуть не сказал Басе: «Жизнь дается лишь дважды». Если подвернется второй случай, взгляну смерти в глаза, но не покажу спину. Спасибо вам за все. Живые лангусты были бесподобны. А здесь, наверное, я на всю жизнь наемся водорослей. Пока! Через недельку увидимся.

Тигр спустился к катеру, мотор взревел. На повороте у выхода из бухты он резко, как мечом, взмахнул рукой, и катер исчез за волноломом.

Бонд оглянулся. Священник ушел. Кисси Сузуки нетерпеливо сказала:

— Пойдемте, Тодороки-сан. «Каннуши-сан» сказал, я могу быть с вами на равных. Но все-таки

дайте мне вашу сумку. В деревне надо держаться японских обычаев.

Высокий, коротко остриженный мужчина, высокая девушка и старуха пошли вдоль берега, и их угловатые японские тени бежали перед ними по гладкой черной гальке.

14. Солнечный день

Солнце вставало в великолепной золотисто-голубой дымке. Бонд вышел и, сидя на чисто вымытом крыльце сложенного из тесаного камня и обшитого деревом дома, съел свой соевый творог и рис и выпил чай. Женщины внутри, щебеча, как стая воробьев, занимались хозяйством.

Почетного гостя поселили в маленькой гостиной, устланной «татами», со скромной мебелью, домашним алтарем, и цикадой в маленькой клетке, «для компании», как объяснила Кисси. На полу расстелили «футон»; и впервые, но без особого успеха, он попытался пристроиться на традиционной деревянной подставке для головы.

Накануне вечером, отец, худой седобородый мужчина с узловатыми суставами и яркими глазами, смеялся вместе с Кисси над приключениями Бонда и Тигра, и с самого начала исчерти напряжение и неловкость.

Священник сказал, что Бонда примут, как члена семьи, и хотя внешность и манеры его были необычны, Кисси он явно понравился, и родители были с ней согласны.

В девять часов, когда над головой висела щербатая луна, старик поманил Бонда и, прихрамывая, отвел его на задний двор. Он показал ему маленькую будочку с дырой в земляном полу и аккуратными четвертушками «Асахи Симбун» на гвозде, и исчезла последняя загадка жизни на острове. В прыгающем пламени свечи сортир выглядел столь же чистым, как и весь дом.

Затихли еле слышные движения в соседних комнатах и Бонд заснул мертвым сном.

Из дома вышла Кисси. На ней было что-то вроде белой ночной рубашки, белый платок прикрывал густые черные волосы. Поверх рубашки висели грузы и тяжелый угловатый нож; только руки и ноги оставались обнаженными.

Бонд, наверное, выглядел разочарованным, и она насмешливо улыбнулась:

— Церемониальное платье для нырянья в присутствии высокопоставленных незнакомцев: «Каннуши-сан» сказал, что это знак уважения. Специально для вас.

— Кисси, ну что вы хитрите. Боитесь разбудить своей наготой плотоядные мысли в моей беспутной западной душе. Подозрение совершенно необоснованное. Но я ценю ваши усилия спасти мою невинность. Ладно, кончаем трепаться, по-

шли. Побьем сегодня рекорд по «аваби». Сколько нужно собрать?

— Полсотни хватит. Сто — просто чудесно. А главное, гребите получше и не утопите меня. И подружитесь с Дейвидом.

— Кто такой Дейвид? — спросил Бонд, внезапно приревновав. С кем это он должен делить свою девушку?

— Увидите.

Она зашла в дом и вынесла бадью из бальзы и большую бухту хорошей четвертьдюймовой веревки. Протянула веревку Бонду, пристроила бадью на бедре и пошла ведущей из деревни тропой, полого спускавшейся к маленькой бухточке, где на черной гладкой гальке лежала одновесельная лодка прикрытая от солнца высыхающим камышом.

Бонд сбросил камыш и стащил устойчивую, тяжелую, низко осевшую лодку в совершенно прозрачную воду, уложил в нее веревку и бадью. На другой стороне бухты Кис-си отвязала от скалы тонкую бечеву и начала медленно ее сматывать, одновременно монотонно насвистывая. К удивлению Бонда, послышался всплеск воды, и большой черный баклан пулей пронесся над отмелью и опустился у ног Кисси, изгибая шею

и рассерженно шипя. Кисси наклонилась и погладила птицу по хохлатой голове и вытянутой шее, что-то весело приговаривая. Она пошла к лодке и баклан неуклюже заковылял за ней. Не обращая внимания на Бонда, он перепрыгнул через борт и взгромоздился на носовую банку, приняв царственную позу, но тут же принялся своим длинным клювом чистить перья на груди, время от времени грациозно взмахивая пятифутовыми крыльями. Наконец успокоившись, он, изогнув шею, как для удара, уставился в море бирюзовыми пазами.

Кисси залезла в лодку, устроилась, соблазнительно сверкая коленями, между вытянутых ног Бонда, а тот вставил тяжелые, с узкими лопастями весла в деревянные уключины и начал мощно и ровно грести на север, куда показывала Кисси.

На шее баклана Бонд заметил тонкое медное, дюйма два в диаметре, кольцо, с привязанной к нему бечевой. Это был знаменитый японский баклан-рыболов.

Кисси сказала:

— Я его нашла три года назад, еще птенцом. Он вымазался в нефти, я его отмыла, накормила, а потом надела кольцо. На вырост. Теперь он может глотать мелкую рыбешку, а крупную рыбу

приносит ко мне в клюве. Сам ее отдает и иногда получает кусок в награду. Он плавает со мной и, вообще, мы — одна компания. Здесь бывает довольно одиноко, особенно в плохую погоду. Сегодня он голодный, из-за болезни отца три дня не был в море. Я работала с друзьями. Так что с вами ему повезло.

— Стало быть, это и есть Дейвид?

— Да. Унаследовал имя единственного парня, который мне понравился в Голливуде, англичанина, между прочим. Дейвид Нивен. Знаменитый актер и продюсер. Вы о нем слышали?

— Конечно. Выдам-ка я ему, пожалуй, пару кусочков рыбы. За удовольствие от его нового воплощения.

Бонд вспотел, даже плавки промокли. Кисси сняла с головы платок, наклонилась и осторожно вытерла ему лицо и грудь. Бонд улыбнулся ей в глаза и впервые близко увидел ее вздернутый нос и яркий рот.

Грима на ней не было, да он и не требовался, румянец проступал сквозь золотистую кожу — как у персика, такое часто встречается у японок. В черных волосах крупно вились каштановые пряди; мягкая челка нависала над прямыми тонкими бровями. Ровные красивые зубы европейской

девушки совершенно не выдавались вперед, что часто портит японские лица. Руки и ноги были длиннее и не такие мускулистые, как у большинства местных девушек, и еще вчера Бонд заметил высокую грудь, красивые ягодицы и плоский живот — прекрасная фигурка, не хуже звездочек кордебалета из токийских кабаре. Но ладони и ступни ног грубы и покрыты шрамами, а ногти, хотя и очень коротко остриженные, были обломаны. Бонд нашел это весьма соблазнительным.

«Ама» означает «женщина моря» или «мужчина моря», и Кисси не обращала внимания на следы, оставленные на ней океаном, а кожа ее, несмотря на постоянное ныряние в соленой воде, светилась золотистым блеском, как у здорового, жизнерадостного человека. Но больше всею очаровали Бонда ее взгляд и улыбка, ее естественность, ну хотя бы когда она вытирала ему лицо и грудь. Вдруг показалось ему, что нет ничего лучше, чем выгребать с ней на рассвете к горизонту, а в сумерках возвращаться в маленький чистый домик.

Он отбросил эту ерунду. До полнолуния оставалось два дня, надо возвращаться к реальности, к выбранной им темной, грязной жизни.

Да провались все пропадом! Нет уж, эти два дня

он украдет для себя; только Кисси, лодка, птица и море. Постарается, чтобы удача их не оставила, чтобы Кисси повезло с раковинами.

Кисси сказала:

— Хватит. Вы хорошо гребете. — Она показала направо, где рассыпалась в океане флотилия «ама». — Первые выбирают лучший участок. Сегодня на этой отмели мы будем работать одни. Здесь много водорослей, которых любят «аваби». Глубоко, правда, почти сорок футов, но я могу задерживать дыхание почти на минуту, хватает, чтобы поднять две-три «аваби», если найду, конечно. Это уж как повезет, роешься вслепую в водорослях, раковин ведь и не видно. Нащупаешь и поддеваешь вот этим, — она показала нож. — Потом придется передохнуть. А вы не сможете нырнуть? Согласны? Говорят, вы хороший пловец, я прихватила очки отца. Вот эти клапаны по бокам выравнивают давление между стеклами и глазами. Нырнете сначала ненадолго, наука нехитрая. Сколько вы будете на Куро?

— Дня два, три.

— Жаль. Где же нам с Дейвидом искать помощника?

— Может быть, ваш отец выздоровеет?

— Дай Бог. Надо бы отвезти его на горячие

источники на Кюсю. Иначе придется выходить здесь замуж, а это довольно сложны. Выбор невелик, к тому же у меня есть немного денег, еще от киносъемок — а немного на Куро означает много — и вполне могут понадобиться не я, а деньги. Попробуй, угадай.

— А вернуться в кино не хотите?

Она зло взглянула на него:

— Никогда. Ненавижу. Они меня там за человека не считали. Раз я японка, значит, животное, и должна со всеми трахаться. Один Нивен оказался хорошим парнем. — Она тряхнула головой, отгоняя воспоминания:

— Нет. Буду жить на Куро, и да помогут мне боги, — она улыбнулась, — как и сегодня.

Она встала, спокойно, несмотря на зыбь, обвязала вокруг талии конец длинной веревки, поправила поднятые на лоб очки:

— Веревку держите натянутой, почувствуете один рывок, немедленно выбирайте на себя. Работа тяжелая, но когда вернемся, сделаю вам массаж. У меня это хорошо получается. Ну, начали!

Бонд, взялся за весла. За его спиной затоптался Дейвид нетерпеливо шипя и вытягивая шею. Кисси привязала короткий конец к деревян-

ной бадейке и спустила ее за борт. Прижимая к коленям белую рубашку, чтобы она не всплыла пузырем. Кисси скользнула в воду. В то же мгновение без всплеска нырнул и исчез Дейвид. Бечева, привязанная к банке, на которой сидел Бонд, начала стремительно раскручиваться. Он поднял бухту веревки, закрепленной на поясе Кисси, и привстал на ноющих ногах.

Кисси опустила очки на глаза и на секунду скрылась под водой. Подняв голову, улыбнулась:

— А там хорошо.

Она лежала на воде, посвистывая сквозь сжатые губы — наполняет легкие воздухом, понял Бонд. Затем, коротко взмахнув рукой, она опустила голову под воду, выгнула бедра, и на мгновение Бонд увидел под тонкой материей пропущенный между ягодиц черный шнур. И внезапно ушла отвесно вниз, стремительными движениями ног помогая грузам увлечь себя на дно.

Бонд, посматривая на часы, быстро стравливал веревку. Появился Дейвид с серебристой полуфунтовой рыбой в клюве. Чертова птичка. Некогда с ним возиться. Презрительно взглянув на Бонда, баклан швырнул рыбу в плавающую бадью, и исчез, как черная пуля.

Пятьдесят секунд! Бонд уже занервничал, когда

почувствовал рывок и начал быстро выбирать веревку. В прозрачной воде далеко внизу появилось белое облачко. Бонд заметил, что руки девушки плотно прижаты к бокам, чтобы было легче всплывать. Она вынырнула рядом с лодкой, вытянула руки, показывая пару внушительных «аваби», и бросила их в бадью. Восстанавливая дыхание, она ухватилась за борт лодки, и Бонд залюбовался великолепной грудью, которую не скрывала тонкая материя. Коротко улыбнувшись ему, она наполнила легкие воздухом, вновь соблазнительный изгиб бедер, и она исчезла.

Прошел час. Бонд освоился и даже успел рассмотреть ближайшие к ним лодки. Их было много, и время от времени над безмолвным океаном слышался какой-то жутковатый, похожий на тихий крик морской птицы, свист девушек-ныряльщиц. Одна лодка покачивалась на мягкой зыби в сотне ярдов, и Бонд видел юношу с веревкой в руках, появляющееся изредка чудесное золотистое, блестящее, как мех нерпы, тело, и слышал их возбужденные голоса. Хоть бы не опозориться, когда придет его черед. Саке и сигареты! Ничего себе тренаж!

В бадье медленно росла кучка «аваби» и трепыхалось с дюжину рыбин. Вынимая из клюва

Дейвида рыбешку, Бонд уронил ее, и птице пришлось вновь нырнуть. На этот раз на Бонда посмотрели уж совсем презрительно.

Вынырнула Кисси и устало забралась в лодку. Все, хватит, она сорвала очки и, тяжело дыша, устроилась на корме. Отдышалась и рассмеялась:

— Двадцать одна штука. Отлично. Берите грузы и нож и взгляните сами, как там внизу. Через тридцать секунд я вас вытащу. Дайте мне часы. И не потеряйте «тегане», нож, а то придется возвращаться.

Первое погружение было неудачным. Он шел вниз слишком медленно и едва успел взглянуть на ровное, усеянное черными камнями и покрытое дно «посидонией», встречающимися во всех морях водорослями, как почувствовал рывок вверх. Легкие его работали неважно, но все же он успел заметить густо заросший большой валун и в следующий раз подплыл прямо к нему и принялся шарить среди корней правой рукой. Он успел нащупать гладкую овальную раковину, но тут вновь почувствовал рывок веревки. На третий раз он вынырнул с «аваби», и Кисси улыбнулась, когда он бросил раковину в бадью. Он нырял еще с полчаса, но потом легкие его

заныли и он почувствовал холод октябрьского моря и вынырнул последний раз одновременно с Дейвидом, пронесшимся мимо, как великолепная сверкающая черная рыба.

Когда Бонд бросил в бадью свою пятую раковину, баклан одобрительно дернул его за волосы.

Кисси была довольна. В лодке у нее было грубое коричневое кимоно, и она досуха вытерла им Бонда, пока он сидел, опустив голову и тяжело дыша. Потом она выловила бадью и вывалила ее содержимое на дно лодки. Она вытащила нож, разрешала пополам рыбешку и скормила ее Дейвиду, терпеливо ждавшему у борта. Тот проглотил рыбу в два приема и занялся своими перьями.

Чуть позже они позавтракали рисом с маленькими кусочками рыбы и сушеными водорослями, похожими на солоноватый шпинат. И, передохнув, работали до четырех, пока не налетел откуда-то легкий прохладный бриз, и сразу похолодало. Подошло время грести домой.

Кисси забралась в лодку и несколько паз дернула за бечеву, к которой был привязан Дейвид. Тот вынырнул недалеко от лодки, привычно поднялся в воздух, сделал над ними несколько кругов, спикировал и на своих перепончатых

лапах, как на водных лыжах, скользнул к лодке, перевалился через борт, и, проковыляв на нос, устроился там с царственным видом, ожидая когда личный гребец доставит его домой.

Кисси вытиралась, чрезвычайно благопристойно переодевшись предварительно в коричневое кимоно. Она объявила, что они собрали шестьдесят пять «аваби», это просто замечательно. Бонд добыл десять штук, и для начала это тоже здорово. Нелепо обрадовавшись, Бонд наметил курс на остров, казавшийся сейчас песчинкой на горизонте, и мерными движениями шотландского рыбака начал грести.

Ладони горели, спина болела, как будто его избили дубинкой, плечи обгорели под солнцем — утешало лишь, что это хороший тренаж перед заплывом и взятием крепостной стены и прочими грядущими удовольствиями, и время от времени он награждал себя, улыбаясь Кисси прямо в лицо. Она не отводила взгляда, и низкое солнце золотило ее карие глаза. А песчинка превращалась в облачко, облачко в остров, и, наконец они были дома.

15. Шестеро хранителей

На следующий день было так же солнечно и они собрали шестьдесят восемь «аваби», в основном, благодаря успехам Бонда.

А накануне вечером Кисси вернулась с базара, продав раковины, обнаружила Бонда, катающимся по полу со спазмами брюшных мышц, и свою матушку, беспомощно кудахтающую над ним. Она прогнала старушку, расстелила на полу мягкий «футон», содрала с Бонда плавки и перекатила лицом вниз на «футон». Она встала ему на спину и мягко затопала по позвоночнику вверх и вниз, от ягодиц до шеи, и боль постепенно стихла. Она велела ему не двигаться и принесла теплого молока. Потом она отвела его в крошечную баню и обливала горячей и прохладной водой из бадейки для «аваби» до тех пор, пока окончательно не смыла соль с кожи и волос Вытерла его, смазала теплым молоком солнечные ожоги и сбитые ладони и отвела в комнату, с деланной суровостью приказала заснуть, а, в случая чего, немедленно звать ее. Она задула свечу и ушла, и, под стрекотанье сверчка в клетке, он мгновенно

вырубился.

Утром он чувствовал себя великолепно, лишь ладони слегка саднили. Кисси разбила ему яйцо в рис и накормила соевым творогом, и он извинился за причиненное вечером беспокойство. Она ответила:

— Тодороки-сан, в вас живет дух десяти самураев, но тело у вас одно. Не следовало мне это забывать. Такой был чудесный день, я просто увлеклась, простите меня. Сегодня мы пойдем недалеко, поработаем у прибрежных скал. Я сяду на весла, а вы сможете понырять, глубина у берега всего футов двадцать, и я не была там несколько недель.

Так оно и случилось. Бонд натянул рубашку от солнца и сумел собрать двадцать одну раковину. Настроение испортил лишь отличный вид на черную крепость за проливом и здоровенный желто-черный воздушный шар со столбцами черных иероглифов на рекламном щите.

Они отдыхали, и Бонд небрежно спросил Кисси, что она знает о замке, и был удивлен, заметив, как потемнело ее лицо.

— Тодороки-сан, мы стараемся не говорить об этом месте. На Куро это почти табу. Будто ад раскрыл свою пасть в полумиле от нашего дома. А

мы, «ама», похожи на ваших цыган. У нас есть дар предвидения. И мы верим что здесь поселился сам дьявол, — не глядя на крепость, она мотнула головой. Даже «каннуши-сан» согласен с нами, а старики говорят, что «гайджин» всегда приносили несчастья Японии, а этот воплощает все зло Запада. И на острове уже появилась легенда: шестеро Хранителей Джизо призовут человека из-за моря, и тот убьет «Короля Смерти». Так его здесь зовут.

— А что это за Хранители"

— "Джизо" — бог-хранитель детей. Наверное, буддистский. На другой стороне острова, на берегу, стоят пять статуй, шестую, я думаю, просто смыло. Такие страшноватенькие на вид. Стоят в одну линию. У них грубые каменные тела и круглые валуны вместо голов, и каждый месяц рыбаки меняют на них белые рубахи. Их поставили наши предки много веков назад. Во время прилива они полностью скрываются под водой и стоят там на страже, охраняя нас, «ама», «детей моря». Каждый год в начале июня, когда море прогревается после зимы и начинается рабочий сезон, мы отправляемся к Хранителям и поем, чтобы развеселить их, и тогда они принесут нам удачу.

— А эта история о человеке из-за моря, откуда она появилась?

— Кто знает? Из моря или воздуха… Откуда берутся такие истории? В них просто верят.

— А, со десу ка! — сказал Бонд, и они рассмеялись и принялись за работу.

На третий день, когда Бонд, как обычно завтракал на крыльце, в дверях появилась Кисси и тихо сказала:

— Идите сюда, Тодороки-сан.

Заинтригованный, он вошел в дом и она закрыла за ним дверь.

Так же тихо она заговорила:

— Только что у нас был посыльный от «каннуши-сан» и рассказал, что вчера сюда приходили на лодке люди с большого острова. Привезли «презентос» — сигареты и сладости. Расспрашивали о полицейском катере. Сказали, что на нем прибыли три человека, а ушло только двое. Пытались узнать, куда делся третий. Они охраняют замок, и их долг не пускать туда нарушителей. Старики «презентос» приняли, но сделали «ширан-као» — «непроницаемые лица», и отослали этих людей к «каннуши-сан», который объяснил, что третий человек занимался рыболовными лицензиями, его укачало и он, наверное, лежал

на обратном пути. Потом он отпустил этих людей и послал к маяку мальчишку проследить, куда пойдет лодка, и мальчишка видел, как лодка подошла к побережью у замка и там ее затащили в ангар. «Каннуши-сан» считает, что вам нужно это знать. — Она посмотрела на него с жалостью: — Тодороки-сан, мы ведь с вами друзья. Я чувствую, у вас с «каннуши-сан» есть секреты, и они касаются замка. Расскажите мне об этом, я боюсь за вас.

Бонд улыбнулся. Он подошел к ней, взял ее лицо в ладони и поцеловал в губы.

— Ты такая красивая и добрая, Кисси. Сегодня мы не пойдем в море, мне надо отдохнуть. Отведи меня к маяку, мне хочется взглянуть на замок, и все, что можно, я тебе расскажу. Я и так рассказал бы, мне потребуется твоя помощь. А потом хорошо бы взглянуть на ваших Хранителей. Мне интересно — как антропологу.

Кисси взяла маленькую корзинку с едой, надела свое коричневое кимоно и туфли на веревочной подошве, и по узкой извилистой тропинке они пошли в гору, поднимавшуюся за серыми домишками деревни.

Камелии уже почти отцвели, но изредка еще попадались кусты, покрытые белыми и красны-

ми цветами, а особенно много их было вокруг небольшой рощицы карликовых кленов, пламеневших алыми осенними листьями. Роща стояла прямо над домом Кисси.

Она показала ему маленький синтоистский алтарь, среди деревьев:

— За алтарем есть уютная пещерка, но рыбаки боятся заходить, там полно призраков. А я как-то забралась в нее, и если там есть привидения, то я им понравилась.

Кисси хлопнула в ладони перед алтарем, на секунду склонила голову и опять хлопнула в ладони. И они отправились на вершину тысячефутовой горы. Пара великолепных фазанов с золотистыми хвостами, пронзительно крича, пролетела над выступом скалы и скрылась в кустах на южном склоне. Бонд попросил Кисси не высовываться, а сам пристроился за каменной пирамидой на вершине и осторожно осмотрелся.

За высокой крепостной стеной и парком поднимался черно-золотой донжон замка. Было десять часов. Суетились фигурки в синей крестьянской одежде, высоких сапогах, с длинными палками в руках; изредка шевелили палками в кустах. На лицах у всех были черные «маскос». Бонду пришло в голову, что это утренний выход за

свеженькими трупами. Что же они делают, обнаружив полуслепое существо или кучку одежды у одного из фумаролов, паривших там и сям в парке? Волокут к доктору? И что происходит, если человек еще жив? А где прятаться, когда он сегодня ночью переберется через стену? Ладно, разберемся на месте! Хорошо хоть море спокойно и нет облаков. Доплывет он нормально.

Бонд вернулся к Кисси и они сели в траву. Он посмотрел в океан, где рассыпался флот «ама».

— Кисси, сегодня ночью я поплыву к замку. Надо туда пробраться.

Она кивнула:

— Я знаю. Вы хотите убить этого дьявола и его жену. Вы тот самый человек из-за моря, которого ждут в Куро. — Она не отрывала глаз от океана. Сказала тускло: — Но почему именно вы? Почему не другой, не японец?

— Эти люди — «гайджин». И я — «гайджин». Государству удобнее представить все это склокой между иностранцами.

— Понятно. А «каннуши-сан» согласился?

— Да.

— А если… А потом? Вы вернетесь ко мне на лодку?

— Ненадолго. Меня ждут в Англии.

— Нет. Я верю, вы надолго останетесь на Куро.

— Почему?

— Я молилась перед алтарем. И я никогда не просила о таком раньше. Я уверена, все исполнится. — Она помолчала. — А ночью я поплыву с вами. — Она подняла руку. — Я знаю течения. Один вы туда не доплывете.

Бонд взял ее маленькую сухую ладонь. Посмотрел на детские обломанные ногти. Сказал хрипло:

— Нет. Это мужская работа.

Она посмотрела на него. Карие глаза были спокойны и серьезны. Она сказала, впервые называя его по имени:

— Таро-сан, фамилия ваша означает «гром», но я не боюсь грома. Я знаю, что делаю. И каждый день, ровно в полночь, буду ждать в скалах у подножья стены. Буду ждать час, вдруг вам потребуется помощь. Вас могут ранить. Женщины в воде куда сильнее мужчин. Поэтому-то у «ама» ныряют девушки, а не парни. А океан вокруг Куро я знаю, как крестьянин свое поле. Не упрямьтесь. Все равно я не буду спать, пока вы не вернетесь. Скажите «да», Таро-сан.

— Хорошо, Кисси, — сказал Бонд хрипло. — Я просто думал, что мы подойдем на лодке поближе

к замку, но если тебе хочется подразнить акул…

— Акулы «ама» не трогают. Хранители не дремлют, и с нами вообще ничего не случается. Много лет назад у одной «ама» веревка запуталась в скалах, и люди до сих пор вспоминают об этом. А акулы принимают нас за себе подобных. — Она рассмеялась. — Ну вот, договорились, давайте поедим и я покажу вам Хранителей. Прилив еще не начался, и они с удовольствием взглянут на вас.

По тропинке они спустились с вершины, обогнули выступ скалы и вышли к берегу к востоку от деревни. Вброд по мелководью они обошли мыс. Там на плоском каменистом пляже на квадратных основаниях из огромных камней стояли пять фигур и смотрели куда-то за горизонт. Они мало напоминали людей. На каменных телах-подставках в напяленных на них грубых белых рубахах громоздились большие валуны. От шестой оставалось лишь туловище, голову, должно быть, снесло штормом. В неподвижности своей несли они стражу над водой и под нею.

Люди подошли к идолам и взглянули на гладкие бесстрастные лица. Бонд первый раз в жизни почувствовал благоговейный трепет. Сколько веры, сколько значения вложили древние ваятели в эти примитивные скульптуры, хранителей

веселых голых девушек — «ама», и Бонд ощутил нелепое желание преклонить колени и попросить благословения, как когда-то крестоносцы просили своего Бога. Он отогнал дурацкую мысль, но, склонив голову, попросил удачи в своем деле. А потом отошел и смотрел со стесненным сердцем, как Кисси, на прекрасном лице которой были и напряжение и мольба, хлопнула в ладони, привлекая внимание идолов, и долго и взволнованно говорила, то и дело упоминая его имя. И ему показалось, что круглые головы-валуны коротко кивнули.

Что за чушь! Но когда Бонд взял Кисси за руку и они пошли назад, девушка весело сказала:

— Все в порядке, Тодороки-сан. Вы заметили, они кивнули?

— Нет, — сказал Бонд внушительно, — не заметил.

Они тихо прошли вдоль восточного побережья Куро и затащили лодку в глубокую расселину в черных скалах. Было начало двенадцатого, и огромная луна высоко и быстро неслась среди кудрявых облаков. Они говорили шепотом, хотя замок стоял в полумиле от них и его не было видно. Кисси сняла свое коричневое кимоно, аккуратно сложила и положила в лодку. Тело

ее блестело в лунном свете. Соблазнял черный треугольник между ног, и хотелось дернуть за шнурок на талии, придерживающий легкий клочок материи. Кисси возбужденно хихикнула:

— Не пяльтесь на мою черную кошку!

— А почему это так называется?

— Сами догадайтесь!

Бонд осторожно натянул черный костюм «ниндзя». Удобно, и в воде согреет. Капюшон он отбросил на спину, сдвинул на лоб очки для плавания. Кисси взяла их у своего отца. Маленькая водонепроницаемая упаковка весело прыгала в бухточке, и он накрепко привязал ее к правому запястью.

Он улыбнулся Кисси и кивнул головой.

Она прижалась с нему, обняла и поцеловала в губы.

Прежде, чем он смог ответить, она опустила очки на глаза и нырнула в спокойную теплую воду.

16. Прелестное местечко

Кисси спокойно плыла кролем, а Бонд без усилий шел за ней, поглядывая на две белые округлости ее зада, соблазнительно пересеченные черным шнуром. Но он был рад, что надел ласты, плавучий контейнер тормозил движения, а первую половину пути они шли по диагонали против восточного течения. Но потом Кисси слегка изменила направление, и они медленно подгребали к уходящей вверх стене, постепенно закрывающей весь горизонт.

У основания ее в беспорядке торчали скалы, но Кисси осталась в воде, спрятавшись среди водорослей, чтобы часовой или случайный патруль не заметили ее светящееся под луной тело, хотя Бонд решил, что ночью охрану не выставляют, боясь отпугнуть самоубийц.

Бонд выбрался на скалы, расстегнул контейнер и вытащил связку стальных костылей. Ласты он спрятал в трещине выше линии прилива. Вот и все, он готов. Он послал девушке воздушный поцелуй, она взмахнула рукой в ответ. Живая белая торпеда вновь ушла в море и слилась с

лунной дорожкой.

Больше Бонд с ней не думал. В мокром комбинезоне становилось холодно, пора было приниматься за дело. Он осмотрел кладку стены и обнаружил между блоками широкие трещины, очень удобные при подъеме. Он натянул капюшон и, подтягивая за собой черный контейнер, начал восхождение.

За двадцать минут он прошел двести футов слегка наклоненной стены, но костыли пришлось забивать лишь дважды, когда щели оказывались слишком узкими для ноющих пальцев. И вот он уже у орудийной амбразуры. Он протиснулся сквозь пять футов каменной кладки и осторожно выглянул в парк. Как он и думал, от орудийной площадки вниз вели каменные ступени, он прокрался по ним и, переводя дыхание, прижался к стене в густой тени. Успокоившись, сбросил капюшон и прислушался: ни ветерка, даже листья не шелестят, но где-то тихо журчала вода и периодически что-то булькало и бурлило. Фумаролы!

Бонд, еще одна черная тень среди многих, крадучись двинулся вдоль стены направо. Прежде всего следовало найти убежище, базу, где можно было бы отсидеться в чрезвычайных обстоятельствах, и где он сможет спрятать контейнер, Он

осмотрел несколько рощиц и заросли кустарника, но все они были слишком хорошо ухожены, а подлесок методически уничтожался. От многих растений шел приторный, ядовитый запах. Потом у стены он заметил пристройку с односкатной крышей, раздрызганная дверь была открыта. Он прислушался и заглянул в сарайчик. Как он и думал, там стояли груды садовых инструментов, тачки и прочая ерунда, пахло плесенью. Сквозь щели в стенах светила луна, и он осторожно пробрался к сваленной в глубине груде грязных мешков Подумал и решил, что, хотя сюда, должно быть, часто заглядывают, местечко вполне подходящее. Он отвязал контейнер и, перебросив вперед несколько мешков, устроил себе за кучей подобие убежища. Замаскировал контейнер и выскользнул в парк, решив поближе познакомиться с поместьем.

Держась недалеко от стены, Бонд, как летучая мышь, скользил в прогалинах между кустами и деревьями. Хотя на руках у него были перчатки, он старался не трогать растения, источавшие самые разнообразные тяжелые запахи, среди которых он различил известный по старым приключениям на карибских островах приторный аромат кизила. Он подошел к озеру, широко-

му, тихому, мерцающему серебром. От озера поднималось облачко пара, знакомое Бонду по аэрофотоснимкам. Лист дерева медленно опустился на воду рядом с ним. Немедленно вода рядом с листком зарябила, в озере явно водилась рыбка, и явно хищная. Только хищники мгновенно реагируют на малейшее движение.

За озером Бонд наткнулся на первый фумарол, воняющую серой, булькающую лужицу грязи, постоянно выбрасывающую маленькие фонтанчики. Жаром от него несло за несколько футов. Струйки отвратительно пахнущего пара возникали и исчезали, как призраки.

Над деревьями показался зубчатый силуэт замка и Бонд с удвоенной осторожностью скользнул вперед, стараясь не упустить момент, когда появится окружающая замок предательская полоса гравия. Внезапно он увидел ее за деревьями и остановился в тени; сердце по-сумасшедшему стучало. Совсем рядом над ним высилась черно-золотая громада, ее изогнутые крыши смотрелись на фоне звезд гигантскими крыльями летучих мышей. Замок был даже больше, чем Бонд себе представлял, и куда выше оказалась стена из черных гранитных глыб. Что же делать? С другой стороны, у главного входа, стена должна быть

ниже, но там местность совершенно открытая. Однако, у любого замка должен быть запасной выход на случай бегства.

Бонд пошел вперед, ступая осторожно на подошву, чтобы не скрипел гравий. Бесчисленные окна замка бесстрастно, в сознании своего могущества, наблюдали за его приближением. Каждую секунду ожидал он слепящий луч прожектора, или желто-голубые вспышки автоматного огня. Но к подножию стены подобрался без приключений и свернул налево, припомнив из школьной науки, что потайные выходы из замков устраивали во рвах под подъемными мостами.

Там он ее и нашел, маленькую, усеянную гвоздями дверь, изрядно побитую непогодой. Петли заржавели, замок был сломан, но дверь украшали новенький висячий замок и цепь. Лунный свет не доставал до этого заросшего травой уголка рва. Бонд тщательно осмотрел запор. Отлично! Здесь хватит взятых с собой напильника и отмычки. А засовы на другой стороне? Нет, тогда бы замок не понадобился. Бонд осторожно вернулся назад через полоску гравия, стараясь не оставлять следов. Дверью он займется завтра!

По-прежнему прижимаясь к стене, он продолжал свою экскурсию. В одном месте что-то

выскользнуло из-под ноги и с громким шорохом исчезло среди опавших листьев под деревом. Какие змеи нападают ни человека? Королевская кобра, черная мамба, гремучая змея, ферделанс… что еще? Остальные вроде уползают, если их потревожить. Когда они охотятся, днем, ночью? Бонд не знал. Здесь не сыграешь в русскую рулетку, в барабане все шесть пуль.

Бонд был опять у озера, на этот раз со стороны замка. Послышался шум и он спрятался за дерево. Издали казалось, что в кустах воет раненое животное, но тут на дорожке появился человек, вернее то, что им недавно было. В сияющем лунном свете отчетливо была видна распухшая, как футбольный мяч, голова; на месте глаз и рта оставались узенькие щелочки. Спотыкаясь, человек тихо стонал, прижимая руки к лицу. Бонд видел, что он пытается раздвинуть веки. То и дело человек останавливался и, подняв голову, жутким голосом выкрикивал какое-то слово. Это не был крик страха или боли, слышалась лишь отчаянная мольба. Внезапно он остановился. Кажется, ему удалось разглядеть озеро. Со страшным воем, протягивая вперед руки, словно встречая любимую, он сбежал к берегу и бросился в воду. Мгновенно зарябила вода, на этот раз во многих

местах, а вокруг беспорядочно машущего руками тела поверхность пруда буквально закипела. Масса маленьких рыбок набросилась на человека, особенно на лицо и руки, их шестидюймовые тела блестели и вспыхивали под луной. Подняв голову, человек пронзительно закричал, и Бонд увидел, что лицо его было буквально утыкано свисающими рыбами, похожими на серебристые пряди волос. Потом голова упала в озеро, а тело заметалось, словно пытаясь избавиться от убийц. Но все шире и шире расплывалось вокруг него черное пятно, наверное, прокусили вену, и он замер, лицом в воду, лишь голова подтягивалась от бесконечных атак.

Бонд вытер с лица холодный пот. Пираньи! Южно-американская пресноводная рыба-убийца, массивные челюсти и плоские, острые, как бритва, зубы которой могут меньше чем за час превратить лошадь в скелет! И этот самоубийца выбрал себе такую страшную смерть! Он искал озеро и наткнулся на какое-то ядовитое растение. Герр доктор устраивал для своих жертв великолепный праздник. Любое блюдо по вашему вкусу! Настоящее пиршество смерти!

Бонд поежился и отправился дальше. Ладно, Блофелд, это еще одна зарубка на мече, который

уже опускается на твою шею. Слова, слова! Бонд шел не останавливаясь, на востоке уже светлело.

Но Сад Смерти еще хранил сюрпризы. Надо всем парком в воздухе висел легкий запах серы, и Бонду часто приходилось обходить дымящиеся трещины и булькающую грязь фумаролов, огражденных камнями, выкрашенными белой краской. Доктору вовсе не хотелось, чтобы кто-нибудь свалился в преисподнюю по ошибке!

Но вот Бонд подошел к фумаролу размером с теннисный корт, в гроте за которым был устроен грубый алтарь и, изящная деталь, стояла ваза с цветами — хризантемами, подошло уже их время. Хризантемы были причудливо аранжированы несколькими веточками карликового клена, в порядке, имевшем, несомненно, какое-то значение на языке икебаны. А прямо напротив грота, за которым притаился в своем черном маскировочном костюме Бонд, стоял японский джентльмен, углубленно созерцая элегантно лопающиеся в кипящем бассейне пузыри грязи. Бонд назвал его «джентльменом», потому что на человеке был цилиндр, фрак, брюки в полоску, крахмальный воротничок и выражение лица высокопоставленного государственного чиновника, или отца невесты. В руках у джентльмена был

тщательно сложенный зонтик, на рукоятку которого он склонил голову, словно моля о прощении. Он что-то вымученно бормотал, как в церкви, не делая жестов, покорно и тихо, то ли исповедуясь, то ли каясь перед своими богами.

Бонд стоял у дерева, черный на черном фоне. Его подмывало вмешаться, он понимал, что собирается сделать этот человек. Но как, не зная ни слова по-японски, со справкой «глухонемого» в кармане? Да и нельзя ему себя раскрывать, связываться с незнакомцем, о грехах которого он и не подозревает. Так Бонд стоял с холодным, замкнутым, окаменевшим лицом и ждал, когда на сцене появится смерть, а деревья отбрасывали вокруг длинные черные тени.

Человек замолчал, поднял голову и посмотрел на луну. Вежливо приподнял блестящий цилиндр. Водрузил его на голову, сунул зонтик под мышку и резко хлопнул в ладони. Спокойно и целеустремленно, как на деловом свидании, повернулся к булькающему фумаролу, перешагнул через каменную оградку и пошел дальше. Он медленно утопал в липкой серой грязи; ни звука не сорвалось с губ, и лишь когда страшный жар достиг гениталий, он глухо ахнул, и сверкнули золотом зубы, когда голова исчезла

в пасти смерти. И вот лишь цилиндр подпрыгивает на маленьком фонтанчике грязи. Потом и он медленно развалился от жара, а из глубины фумарола поднялся огромный пузырь, и жуткий запах вареного мяса заглушил серную вонь.

Надо держать себя в руках! Уважаемый господин отправился к многоуважаемым предкам — и безвестный грех его искупится, пока его кальцинированные кости медленно опускаются в брюхо мира. А в амбарной книге Блофелда появится еще одна смертная запись.

Почему японские ВВС не разнесут проклятый замок к чертовой матери, не спалят его напалмом? Какие еще там ученые и садоводы прикрывают эту сволочь? И вот теперь он, Бонд, должен в одиночку отдуваться за всех, почти без оружия, с голыми руками. Безнадежно. Один шанс на миллион. Вымогатели хреновы. Тигр и его премьер-министр! Фунт живого мяса за свою замечательную Магию-44, точнее, сто восемьдесят два фунта!

Проклиная судьбу, Тигра и всю Японию, Бонд шел дальше, а в это время что-то нашептывало ему в ухо: "А разве ты не хочешь прикончить Блофелда? Отомстить за Трейси? Сам Господь дает шанс. Все идет нормально Ты прорвал оборону,

сориентировался на месте. Даже нашел дорогу в замок, почти в его спальню. Завтра шлепнешь его во сне! И ее тоже, раз уж ты здесь! А потом назад, к Кисси, а через пару недель полет над полюсом, и ты в Лондоне, и шеф бурно аплодирует. Вперед! Самоубийства в Японии совершаются каждые тридцать минут. Блевать тебя потянуло. Пара новых цифр в статистике Министерства здравоохранения, пара точек на графике. Забудь! За работу!

Бонд послушался и отправился назад к своему сараю.

Он тщательно осмотрелся перед тем, как зайти. В двадцати ярдах виднелся изгиб озера. Близился рассвет и озеро было серо-металлического цвета. Какие-то крупные насекомые метались в наплывающем тумане. Розовые стрекозы. Розовые. Танцуют и скользят над самой водой. Ну конечно! «Хайку», которую повторял, умирая, агент Тигра. Завершающий штрих ночного кошмара. Бонд скользнул в сарай, осторожно пробрался между тачками и мотыгами, набросил на себя несколько мешков и провалился в неспокойный, полный призраков, демонов и стонов сон.

17. Здесь обитает зло

Спустя четыре часа Бонд проснулся от пронзительного, перекочевавшего изо сна, визга, В сарае никого не было. Бонд осторожно встал на колени и прильнул к щели в стене. Визжащий человек-крестьянин, судя по потрепанной синей одежде, бежал к берегу озера. Будто играя в прятки, посмеиваясь и переговариваясь, за ним бежали четверо охранников с длинными шестами в руках. Один из них остановился и очень точно метнул шест под ноги человеку, сбив его с ног. Поднявшись на колени, тот умоляюще протянул руки к преследователям. Улыбаясь, они окружили его, крепкие парни со страшноватыми лицами из-за черных масок на них, в уродливых черных кожаных шляпах, вроде той, что носил «дракон» с поезда, в высоких резиновых сапогах. Они тыкали в него концами шестов и насмешливо орали что-то хриплыми голосами. Потом, как по команде, нагнулись, схватили человека за руки и за ноги, раскачали и с размаху швырнули в озеро. Вновь зарябила вода, человек, хватаясь руками за лицо, закричал и забарахтался, пыта-

ясь выбраться на берег, но крики становились все тише, и наконец, смолкли; голова упала в воду, по которой все шире расплывалось темное пятно.

Совсем уже развеселившись, охранники на берегу наблюдали за представлением. Повернулись, довольные, и пошли к сараю, вытирая выступившие от смеха слезы.

Бонд спрятался, и вот уже их громкие голоса и смех звучат совсем рядом, они разобрали грабли и тачки и разошлись, и еще какое-то время Бонд слышал, как они перекликаются в парке. Затем со стороны замка послышались звуки колокола, и они замолчали.

Бонд, посмотрел на дешевые японские часы; которыми снабдил его Тигр, Девять часов. Начало рабочего дня? Похоже, Японцы обычно приходят на работу за полчаса раньше и уходят на полчаса позже, чтобы продемонстрировать боссу свою преданность и усердие. Потом будет часовой перерыв на ланч. Конец работы примерно в шесть. То есть за дело он может взяться только в шесть тридцать. А пока будет слушать, наблюдать. Выяснит, чем занимается охрана, первые результаты деятельности которой он уже видел. Добивали недобитых и приканчивали струсивших самоубийц.

Бонд тихо расстегнул контейнер, вытащил кусок пеммикана, откусил и отпил глоток воды. Господи, сигарету бы!

Час спустя Бонд услышал тихие шаги по усыпанной гравием дорожке на другой стороне озера. Он посмотрел в щель. Четверо охранников выстроились в шеренгу по стойке «смирно». Бонд насторожился. Какая-то проверка? Блофелд обходит посты, принимая рапорты о ночной добыче? Он попытался рассмотреть, что происходит у замка, но обзор закрывал куст белого олеандра. Этим невинным с виду, покрытым гроздьями цветов растением, в тропиках часто травят рыбу. Не вломиться бы в него сегодня ночью, подумал Бонд. А потом в поле зрения появились две неторопливо идущие фигуры, и Бонд сжал кулаки: исполнились его молитвы.

Блофелд, в сверкающих доспехах и дурацком крылатом стальном шлеме с опущенным забралом, напоминал персонаж оперы Вагнера, или вернее, из-за того, что броня на нем была японская — самурая из театра «Кабуки». Правая рука лежала на рукоятке длинного обнаженного самурайского меча, левой он поддерживал свою спутницу, приземистую женщину в дождевике с фигурой и с широким шагом лагерной надсмотр-

щицы. Лицо ее полностью скрывала идиотская из темно-зеленой соломы шляпа, какие носят пасечники, с тяжело свисающей на плечи черной сеткой, а на ногах высокие резиновые сапоги.

Точно! Так часто она являлась ему во сне. Она! Ирма Бунт!

Бонд затаил дыхание. Если они дойдут до сарайчика, достаточно одного рывка и бронированный болван окажется в озере! Но вот как пираньи доберутся до него сквозь доспехи? А куда денется он. Бонд? Нет, так не годится.

Двое подошли к замершей шеренге, и тут охранники дружно брякнулись на колени и склонили головы к земле. Мгновенно вскочили и вновь стали «смирно».

Блофелд поднял забрало и обратился к одному из охранников, тот почтительно отвечал. Бонд заметил, что на поясе у этого человека висела кобура с пистолетом. Бонд не слышал, на каком языке они разговаривали. Выучить японский Блофелд не мог. Английский или немецкий? Скорее, последний — результат старых со времен войны связей. Человек рассмеялся и указал в сторону озера, где плавал шевелящийся от непрекращающихся атак множества пираний ворох синей одежды. Блофелд одобрительно кивнул,

охранники вновь стали на колени. Блофелд приветственно махнул рукой, опустил забрало, и парочка торжественно отправилась дальше.

Охранники поднялись на ноги. Бонд внимательно наблюдал, пытаясь обнаружить хоть малейший знак неуважения теперь, когда Хозяин повернулся спиной. Где там! Серьезно и целеустремленно люди разошлись по своим делам, и Бонд припомнил рассказы Дикко Гендерсена об автоматической, как у муравьев, приверженности японцев дисциплине и власти, ярко выразившейся в одном из величайших преступлений века. Жаль, нет здесь Дикко, его кулаки и энергия здорово бы пригодились!

Случилось это, рассказывал Дикко, в скромном пригородном отделении Имперского Банка. В обычный рабочий день к управляющему явился очень приличный молодой человек из Министерства здравоохранения, как он представился. Ожидается вспышка эпидемии тифа, и он будет очень обязан, если управляющий соберет сотрудников в заднем двойке, где им будут сделаны соответствующие прививки. Управляющий поклонился, все в банке закрыли, четырнадцать служащих собрались и внимательно выслушали лекцию, прочитанную молодым врачом. Все

поклонились в знак признания мудрости Министерства здравоохранения, молодой человек достал из саквояжа пятнадцать мензурок и накапал в каждую какое-то снадобье из бутылочки. Он раздал мензурки и посоветовал проглотить содержимое залпом, дабы не повредить зубную эмаль. «А теперь, — сказал он, по версии Дикко. — Все вместе! Раз. Два. Три!» И почтенный управляющий со своими сотрудниками разом повалились замертво. Лекарство оказалось цианистым калием.

«Представитель Министерства здравоохранения» вытащил ключи из брючного кармана павшего управляющего, загрузил в машину двести пятьдесят миллионов иен и, довольный, оставил место преступления, ставшего известным, как «Дело в Тейджин», по названию района, где это произошло.

И здесь, думал Бонд, все то же беспрекословное повиновение власти, неписанному кодексу чести «Общества Черного Дракона». Блофелд приказал им делать то, чему Бонд был свидетелем пару часов назад. Он облечен властью. Имеет соответствующий облик. Его приказам повинуются. Они делают почетную работу, о которой много пишут в газетах. Хозяин, могущественный «гайджин» с

мощной «лапой наверху», «с широкой мордой». А если кто-то хочет угробить себя, какое им до этого дело? Не будь Замка Смерти, нашли бы поезд, или трамвай. А у них — просто работа. Почти как в Министерстве здравоохранения! Пока «маскос» и носовые зажимы защищают от ядов парка, главное — добросовестно делать свое дело, а там, глядишь, парламент учредит пост Министра Самоуничтожения! И вернутся славные деньки «Коан Черного Дракона», чтобы спасти страну Восходящего Солнца от ползучего паралича «демокорацу»!

В поле зрения Бонда вновь появились две неторопливо двигающиеся фигуры, на этот раз слева. Они обошли озеро и возвращались, чтобы, быть может, проверить другие патрули и получить от них рапорты. Тигр говорил, что здесь не менее двадцати охранников, а площадь поместья — пятьсот акров. Пять групп по четыре человека? Блофелд поднял забрало и разговаривал с женщиной. До них было ярдов двадцать. Они остановились на берегу и рассматривали со спокойным любопытством все еще мечущуюся вокруг плавающей тряпичной куклы орду пираний. Говорили они по-немецки. Бонд навострил уши. Блофелд сказал:

— Пираньи и гейзеры отличные слуги. После них все чисто.

— Море и акулы ничуть не хуже.

— Акулы часто оставляют следы. Помнишь шпика, которого мы пропустили через камеру для допросов. На берег труп выбросило почти нетронутым. Надо было спустить его в озеро. Чтобы «мусор» из Фукуока не частил к нам. Крестьяне наверняка доносят полиции, сколько человек перелезает через стену. Скорая помощь приезжает раза в два реже. Могут быть неприятности. Коно сообщил, что газеты уже начали бубнить об общественном расследовании.

— Что же делать, дорогой Эрнст?

— Получим компенсацию и двинемся дальше. Места на земле много. Самоубийц везде хватает. Найдем новые способы. Не всем нравятся японские страхи и ужасы. Какой-нибудь живописный водопад. Подходящий мост. Головокружительная пропасть. Все, что угодно. В Бразилии, вообще, в Южной Америке множество таких мест.

— Цифры упадут.

— Важна идея, милая Ирма. Трудно изобрести что-нибудь новенькое в этом мире. Мне удалось. И если с моста или в водопад прыгнут за год не больше десяти человек, это всего лишь статисти-

ка. Идея-то сохраняется.

— Верно. Ты гений, Эрнст. Твой алтарь смерти останется навсегда. Люди читали о таких вещах у По, Лотреамона, де Сада, но никому не пришло в голову воплотить эти фантазии в жизнь. Волшебная сказка стала реальностью. Диснейленд Смерти; но, конечно, — торопливо добавила она, — на совсем другом уровне. Столько поэзии.

— Со временем я напишу обо всем. И тогда люди узнают, кто жил среди них, непризнанный и безвестный, — Блофелд почти визжал, — кого гнали и хотели пристрелить, как бешеного пса. Кто старался выжить изо всех сил! И не заметай я следы, нас давно бы уже прикончили, или отдали их паршивым судьям. Ах, милая Ирма, — он успокоился, — мы живем в мире, где настоящее величие подобно смертному греху. Пошли! У нас еще много дел.

Они двинулись было вдоль озера, как вдруг Блофелд остановился и уставился прямо на Бонда:

— Посмотри на этот сарай — дверь открыта! Тысячу раз я предупреждал. Отличное укрытие для шпика или беглеца. Надо проверить.

Бонд содрогнулся. Набросил на себя сверху еще несколько мешков и прижался к полу. Шаги приближались, вот они уже в сарае. Бонд чувствовал

Блофелда в нескольких ярдах от себя, видел его ищущие глаза. Звякнул металл, и гора мешков содрогнулась от удара меча. Еще и еще раз. Бонд закусил губу, по спине словно молотом прошлись. Но вот Блофелд угомонился, и металлические шаги прогремели к выходу. Бонд перевел дыхание. Блофелд говорил:

— Пусто, но напомни мне сделать завтра Коно внушение. Надо выкинуть весь хлам и поставить нормальный замок.

Звуки шагов затихли где-то у олеандрового куста. Бонд тихо выругался и ощупал спину. Груда мешков спасла его — крови не было.

Бонд приподнялся на колени и, потирая спину, привел свое укрытие в порядок. Выплюнул набившуюся в рот пыль, отпил глоток воды, убедился, заглянув в щель, что никого вокруг нет, улегся и принялся прокручивать все, услышанное от Блофелда Парень, конечно, свихнулся. Спокойный голос, так хорошо запомнившийся Бонду, никогда не поднимался раньше до визжащих гитлеровских интонаций. А холодная, сверхчеловеческая самоуверенность, всегда лежавшая в основе его проектов? Куда-то улетучилась, не без его, надеялся Бонд, скромной помощи. Ему удалось завалить два самых грандиозных замысла

Блофелда. Но одно было ясно — укрытие «сгорело», операцию надо проводить сегодня ночью.

А, ладно! Еще раз Бонд обдумал свой план. Если удастся проникнуть в замок, Блофелду от него не уйти. Но и ему самому живьем не выбраться. «Сладостно и почетно умереть за родину» — как говаривал старина Гораций. И все дела! Но потом он подумал о Кисси, и умирать слегка расхотелось. Удалось девушке вернуть ему вкус к жизни.

Бонд заснул беспокойным чутким сном, и мерещились ему всякие пакостные кошмары.

18. Подземная тюрьма

В шесть часов вечера в замке ударил колокол, и фиолетовым занавесом стали спускаться сумерки. Громким хором застрекотали цикады, в кустах зашуршали гекконы. Исчезли розовые стрекозы и на берегу озера появилось множество больших рогатых жаб, хватающих мошкару, привлеченную их огромными светящимися глазами. Пришла четверка охранников, и донесся слабый запах костра, на котором, наверное, сжигали собранный за день мусор. На берегу озера они порылись в ошметках синей одежды и, смеясь, зашвырнули далеко в воду длинные кости. Один из них побежал с тряпками к костру, а другие поволокли тачки вверх по склону к сарайчику. Бонд притаился. Они свалили тачки в сарай и стояли там, болтая, в ожидании четвертого, а потом, не заметив в темноте разбросанные в беспорядке мешки, ушли к замку.

Подождав немного. Бонд встал, потянулся, стряхнул с себя пыль. Спина болела, но больше всего хотелось курить. А, ладно. Может быть, это его последняя сигарета. Он сел, выпил немного

воды, съел порядочный кусок показавшегося необыкновенно вкусным пеммикана, еще разок приложился к бутылке. Вытащил пачку «Шансей» и закурил, спрятав сигарету в ладонях и мгновенно задув спичку. Глубоко затянулся. Блаженство! Еще затяжка, и предстоящая ночь уже не кажется такой безнадежной. Все будет нормально! Он подумал о Кисси: ест свой соевый творог и рыбу и готовится к ночному плаванию. Через несколько часов она будет совсем рядом. Но вот что случится с ним к этому времени? Сигарета обожгла пальцы. Бонд раздавил окурок и запихал его в щель в полу. Семь тридцать; стали умолкать насекомые. Бонд начал тщательно готовиться к походу.

В девять он вышел из сарая. Сияла луна, было тихо, лишь вдалеке булькали фумаролы да изредка зловеще шуршал в кустах геккон. Он шел знакомой дорогой вдоль деревьев. Остановился, глядя на высокий донжон, чернеющий на фоне неба. Впервые заметил, что воздушный шар с предупреждающими надписями привязан к угловому столбу балюстрады, окружающей третий, средний, из пяти ярусов башни. Несколько окон слабо светились, и Бонд решил, что именно там обитает Блофелд. Он глубоко вздохнул, осторожно

пересек полосу гравия и благополучно добрался до маленькой двери под деревянным мостом.

Карманов в черном костюме «ниндзя» было, как во фраке фокусника. Бонд вытащил карманный фонарик толщиной с палец и маленький стальной напильник и занялся цепью, изредка поплевывая на разрез, чтобы смягчить скрежет металла. Наконец он распилил звено, разогнул его напильником и осторожно снял замок и цепь. Он слегка нажал и дверь приоткрылась. Он толкнул смелее и посветил фонариком. И хорошо сделал. На первой же каменной ступени стоял настороженный капкан, здоровенные ржавые челюсти его были слегка прикрыты соломой. Бонд вздрогнул, представив, как две пилы впиваются ему в ногу пониже колена. Будь начеку — это не последняя ловушка!

Бонд тихо закрыл за собой дверь, обошел капкан и повел фонариком перед собой. Ничего. Он был в огромном подземелье, где когда-то, наверное, хранились припасы для небольшой армии. Тень мелькнула в тонком луче света, потом еще одна и еще, вокруг раздался пронзительный визг. Бонд не имел ничего против летучих мышей. Говорят, они путаются в волосах, ерунда, с таким радаром не запутаешься. Он осторожно проби-

рался вперед, посматривая на грубые каменные плиты перед собой. Он прошел несколько массивных арок, и огромное подземелье начало сужаться, он уже видел стены справа и слева и затянутый паутиной сводчатый потолок. А вот и лестница наверх! Он насчитал двадцать ступеней, прежде, чем подошел к широкой двойной двери. Замка на ней не было. Он толкнул ее и почувствовал сопротивление слабенького запора. Бонд вытащил ломик и нащупал какой-то засов. Бонд крепко нажал, старый металл заскрежетал, на пол посыпались гвозди. Бонд нажал еще раз, с пронзительным визгом засов лопнул, и половинка двери, поскрипывая на ржавых петлях, распахнулась. Впереди по-прежнему было темно. Бонд, потушив фонарик, прислушаются. Здесь, глубоко в подвалах замка, было тихо. Он включил фонарик: каменные ступени вели наверх к современной двери из лакированного дерева. Он подошел и осторожно повернул металлическую ручку. Не заперто! Тихо открыл дверь и вышел в каменный коридор, уходящих наверх. В конце коридора была еще одна дверь, и под нею пробивалась полоска света!

Бонд бесшумно подошел и, затаив дыхание, прижал ухо к замочной скважине. Мертвая ти-

шина. Он нажал на ручку, приоткрыл дверь на дюйм, затем шире, вошел и прикрыл за собой дверь. Он был в вестибюле замка. Слева — огромная входная дверь, потертая красная дорожка шла от нее через весь холл и исчезала в тени, куда не доставал свет единственной масляной лампы, висящей над входом. Холл, за исключением дорожки, ничего не украшало, грубую штукатурку потолка крест-накрест пересекали тяжелые балки, прикрытые бамбуковыми решетками. В воздухе висел сырой запах холодного каменного жилья.

Бонд решил оставить дорожку в покое и держаться поближе к стенам. Похоже, он выбрался на нужный этаж и цель его была где-то рядом. В цитадель он проник. Пока все идет нормально.

На следующей двери, ведущей явно в приемную, была простая защелка. Бонд заглянул в замочную скважину. Тусклый свет. Ни звука. Он приоткрыл дверь, потом распахнул ее и вошел. Еще один просторный зал, обставленный с княжеским великолепием — парадная приемная, решил Бонд. Между длинными золотисто-красными портьерами на белой оштукатуренной стене красовались пять комплектов доспехов и оружия, тяжелая старинная мебель была удоб-

но расставлена на лежащем в центре комнаты огромном, королевском голубого цвета ковре. Ярко натертый пол отражал свет двух больших масляных ламп, свисающих с потолочных балок, расписанных темно-красным зигзагообразным орнаментом. Выбрав в качестве убежища широкие портьеры, Бонд, скользя от одной к другой, подобрался к маленькой двери в конце зала, ведущей, как он решил, в жилые комнаты.

Наклонился, чтобы прислушаться, и тут же метнулся за ближайшую портьеру. Шаги! На левый кулак Бонд намотал тонкую цепь, сжал в правом ломик и замер в ожидании, припав к щели в пахнущей пылью портьере.

Маленькая дверь приоткрылась, появилась спина охранника. На нем был черный пояс с кобурой. Коно, переводчик Блофелда? Наверное, работал с немцами во время войны может быть в «Кемпейтай». Чем это он занимается? Возится с чем-то за дверью — выключатель? Но электричества здесь нет. Закончив, человек поклонился и закрыл за собой дверь, «Маскос» на нем не было; и Бонд успел рассмотреть уверенное узкоглазое смуглое лицо. Человек пересек приемную. Бонд услышал скрип дальней двери и все замерло. Он подождал добрых пять минут, осторожно выгля-

нул за портьеру и осмотрел зал. Он был один.

А теперь последний рывок!

Держа оружие в руках. Бонд подобрался к двери. Ни звука не было слышно за нею. Но охранник ведь кому-то поклонился. А, черт с ним! Наверное, из уважения к духу Хозяина. Бонд тихо, но решительно распахнул дверь и ворвался в комнату, готовый к атаке.

Встретил его совершенно пустой безликий проход, длиной футов в двадцать, тускло освещенный висящей в центре масляной лампой. Пол, как и повсюду, был хорошо натерт. «Поющий пол»? Нет, под шагами охранника он не скрипел. Но из-за двери впереди слышались звуки музыки. Это был Вагнер, «Полет Валькирий». Спасибо, Блофелд, отличное прикрытие. И Бонд бесшумно двинулся вперед.

Все произошло мгновенно. Бонд ступил на середину прохода и, как на детских качелях, все двадцать футов пола неслышно повернулись на оси, и Бонд, отчаянно пытаясь ухватиться за что-нибудь, полетел, размахивая руками, в черную пропасть! Охранник! Вот зачем ковырялся он за дверью! Устанавливал рычаг ловушки классического каменного мешка древних замков. А он, Бонд, прошляпил! Как только он слетел с края

наклонившейся платформы, истерически заверещала охранная сигнализация. Мельком Бонд успел заметить, что платформа, освободившись от его веса, стала на место, почувствовал страшный удар и потерял сознание…

По черному туннелю Бонд с трудом всплывал к спящему пятнышку света. Кто это его лупит, за что? Он нашел два «аваби», чувствовал острые кромки грубого панциря в своих руках. Чего еще хочет Кисси?

— Кисси, — пробормотал он, — прекрати. Перестань, Кисси.

Пятно света увеличилось, превратилось в покрытый соломой пол, где он лежал, скорчившись, и кто-то ладонью хлестал его по лицу. Раз! Раз! Каждый удар отзывался в голове пронзительной болью. Бонд увидел перед собой борт лодки и попытался, приподнявшись, ухватиться за него. Он показал «аваби», все в порядке, и попробовал забросить их в бадейку. Сознание вернулось, и он увидел две горсти соломы, рассыпавшиеся по полу. Удары прекратились. И зрение возвращалось, нечеткое, сквозь дымку боли. Смуглое лицо. Узкие глаза. Коно, охранник. И еще один держит фонарь. Он все вспомнил. Какие там «аваби»! Какая Кисси! Все провалилось! «Шимата!» Допры-

гался! Тигр! Щелкнул замок, и Бонд окончательно пришел в себя. Спокойно, ты — глухонемой. Шахтер-японец из Фукуока. Вот справка. Черт с ней, с головой. Кости целы. Не дергаться. Бонд ощупал себя. Да он же совершенно голый, если не считать коротеньких трусов от костюма «ниндзя». Он низко поклонился и выпрямился. Коно, рука на расстегнутой кобуре, что-то грозно пролаял. Бонд, слизывая кровь с разбитой губы, тупо смотрел на него пустыми глазами. Коно вытащил небольшой пистолет, махнул рукой. Бонд опять поклонился, бросил беглый взгляд на камеру, в которую он свалился и, вслед за невидимым охранником с фонарем, вышел наружу.

Ступени, коридор, дверь. Коно шагнул вперед и постучал.

И вот Бонд стоит в середине маленькой, уставленной книгами, комнаты, а второй охранник выкладывает на пол его комбинезон и содержимое карманов. Совершенно недвусмысленное.

Блофелд в великолепном черном кимоно с золотым драконом стоял у камина с раскаленной жаровней. Это был он собственной персоной: высокий открытый лоб, тонкие яркие губы, прикрытые густыми седеющими усами, приспущенными на концах, как у мандарина, грива

седых, а ля мосье граф де Блювиль, волос, черные провалы глаз. А рядом, завершая картинку отдыхающей после обеда семейной пары, сидела Ирма Бунт, в полном облачении высокопоставленной японской леди, с вышивкой на коленях, ждущей, когда ею займутся руки хозяйки — после того, как разберутся с неожиданно возникшей помехой. Пухлое квадратное лицо, тугой пучок серых волос, светло-карие, почти желтые глаза.

— Господи, — вяло подумал Бонд, — вот же они. Только руку протяни. Не ошибись я, были б уже трупами. Может не все еще потеряно? Как же трещит голова!

Длинный меч Блофелда стоял у стены. Он взял его и вышел на середину комнаты. Кончиком меча ковырнул вещи Бонда, подцепил черный комбинезон. Спросил по-немецки:

— Что это такое, Коно?

Начальник охраны отвечал тоже по-немецки. В голосе его звучала тревога, и он с каким-то уважением переводил взгляд с Бонда на хозяина:

— Это костюм «ниндзя», герр доктор. Эти люди знают тайное искусство «нинюцу». Они скрытно передвигаются, становятся невидимыми, убивают без оружия. В Японии их боятся. Это очень древнее искусство, и я не знал, что они еще суще-

ствуют. Этого человека, без сомнения, послали убить вас, милорд. И если бы не ловушка…

— А кто он такой? — Блофелд внимательно посмотрел на Бонда. — Для японца он слишком высок.

— Среди шахтеров много высоких людей, милорд. Мы нашли у него справку глухонемого. Документы в порядке, по ним он шахтер из Фукуока. Думаю, липа. Ногти на руках обломаны, но, все равно, у шахтеров таких рук не бывает.

— Согласен. Но скоро мы все узнаем. — Блофелд повернулся к женщине. — Что ты думаешь, дорогая? Женский инстинкт не обманешь.

Ирма Бунт поднялась и подошла к нему. Она пронзительно посмотрела на Бонда, а потом, не подходя близко, обошла вокруг. Взглянула слева в профиль и с дрожью в голосе прошептала:

— Бог ты мой! — Вернулась к Блофелду. Хрипло, не отрывая испуганного взгляда от Бонда, сказала:

— Не может быть! Это он! Шрам на щеке! Профиль! А брови ему подбрили!

Повернулась к Блофелду, сказала уверенно:

— Это английский шпион. Бонд, Джеймс Бонд. Ты убил его жену. Его тогда звали сэр Хилари Брэй. — С яростью она добавила: — Клянусь! Я не

ошибаюсь, Эрнст!

Блофелд прищурил глаза:

— Да, похож. Но как он здесь очутился? Как нашел меня? Кто его послал?

— Японская Секретная Служба. Наверняка у них есть связи с англичанами.

— Не может быть! Они бы просто пришли с ордером на арест. Что-то много здесь загадок. Надо вытянуть из него всю правду. Главное, не торопиться. Во-первых, разберемся с этой подозрительной немотой. В комнате для допросов. Для начала его стоит слегка обработать.

Он повернулся к Коно:

— Позови сюда Казаму.

19. Допрос

В комнате было уже десять охранников, выстроившихся вдоль стены за спиной Коно. В руках все держали длинные палки. Коно пролаял команду. Здоровенный, похожий на боксера, парень с наголо выбритой головой прислонил палку к стене и вышел вперед. Лапы у него были, как окорока. Ухмыляясь черными сломанными зубами, он подошел к Бонду и принял стойку, расставив ноги для упора. Размахнулся и треснул правым свингом по голове, прямо по месту, которым Бонд приложился, попав в ловушку. В голове что-то взорвалось. Удар левой — Бонда повело в сторону. Сквозь кровавый туман он с трудом различал Блофелда и его бабу. На морде Блофелда был чисто научный интерес, но чертова сучка облизывала губы и часто дышала.

После десятого удара Бонд решил, что пора действовать, пока он не рассыпался окончательно. Широко расставленные ноги — отличная мишень. Если, конечно, парень не знает приемов «сумо»! Бонд прицелился, и, когда парень в очередной раз размахнулся, ударил изо всех

оставшихся у него сил. Нога угодила куда надо. Парень завизжал по-поросячьи и покатился по полу, хватаясь за яйца. Охранники, подняв палки, рванулись вперед, а Коно вытащил пистолет. Бонд нырнул за высокую спинку стула, поднял его и швырнул в толпу охранников. Ножка попала кому-то в зубы, треснула разбитая челюсть. Схватившись за лицо, человек упал.

— Хальт! — знакомый уже отрывистый немецкий лай. Нападавшие замерли, опустив палки. — Коно! Этих убрать. — Блофелд показал на валявшихся на полу. — Наказать Казаму за плохую подготовку. Этому вставить зубы. И хватит Обычными способами его заговорить не заставишь. Если не глухой, камеры для допросов ему не выдержать. Туда его. Охрана пусть ждет в приемной. Вперед!

Коно отдал команды, которые мгновенно выполнили, махнул Бонду пистолетом и открыл маленькую дверь рядом с книжной полкой, показав на узкий каменный проход Что теперь? Бонд облизнул кровь в уголке рта. Он уже дошел до точки. Больше не выдержит. Что еще за камера? Его передернуло. Оставался шанс вцепиться Блофелду в глотку. Прихватить бы его с собой! Он спустился вниз, не отреагировал на приказ

Коно открыть грубо сколоченную дверь в конце коридора, подождал, пока ее откроет охранник, в спину ему в это время упирался пистолет, и вошел в странную, дикого тесаного камня, комнату. Было очень жарко, противно воняло серой.

Вошли Блофелд и женщина, дверь закрыли, и они уселись в деревянные кресла под масляной лампой. На стене висели большие кухонные часы, через каждые пятнадцать минут цифра была подчеркнута красной линией. На часах было одиннадцать и тут с громким металлическим щелчком минутная стрелка перешла на другое деление. Коно показал Бонду на каменное сидение с подлокотниками в дальнем конце комнаты, покрытое подсыхающей серой грязью; эта же гадость была на полу вокруг. Над камнем, на потолке, зияло большое отверстие, сквозь которое Бонд увидел клочок темного неба и звезды. Резиновые сапоги Коно прошлепали за ним. Бонду жестами приказали сесть на камень. В центре сидения была большая круглая дыра. Бонд сел, вздрогнув от прикосновения горячей липкой грязи, положил локти на каменные ручки сидения. Он знал, что его ожидает, от ужаса заныло в животе.

На другом конце комнаты заговорил Блофелд.

Заговорил по-английски, громко, голос эхом метался в каменных стенах:

— Коммандер Бонд, или, если вы предпочитаете, номер 007 Британской Секретной Службы, это камера для допросов, мое изобретение. Здесь говорят почти все молчуны. В моем поместье активная вулканическая зона. Сейчас вы сидите прямо над грязевым гейзером, температура его около тысячи градусов по Цельсию, высота выброса почти сто футов. От вас до источника в земле футов пятьдесят. Я позаботился провести его прямо к дыре, на которой вы восседаете. Это так называемый пульсирующий гейзер. Действует каждые пятнадцать минут.

Блофелд оглянулся на часы.

— У вас остается одиннадцать минут перед очередным выбросом. Если вы не слышите меня или переводчика, если вы глухонемой японец, как вы утверждаете, вы останетесь на месте и в четверть двенадцатого вам сожжет задницу. Если же вы не станете этого дожидаться и уберетесь с камня, станет ясно, что вы врете, вами вновь займутся и, неизбежно, придется отвечать на мои вопросы. Я хочу знать, кто вы, как попали сюда, кто вас послал и с какой целью, и кто еще вовлечен в этот заговор. Вам ясно? Спектакль еще не надоел?

Очень хорошо. На всякий случай, начальник охраны переведет все это на японский.

Он повернулся к охраннику:

— Коно, объясните ему назначение этой комнаты.

Коно, стоя на посту у двери, затараторил по-японски. Бонд не обращал на него внимания. Он сконцентрировался и собирал все оставшиеся силы. Уселся поудобнее и небрежно оглядел комнату. Он хорошо запомнил последнюю «преисподнюю» в Беппу, и теперь пытался кое-что обнаружить.

Ага! Вот оно! Маленький деревянный ящик в углу, справа от его камня. Замочной скважины нет. Внутри, без сомнения, вентиль, регулирующий работу гейзера. Как это использовать? Шевели мозгами, нужен план. Хоть бы голова болеть перестала. Он уперся локтями в колени, спрятал в ладонях разбитое лицо. Радовало, что охраннику сейчас еще хуже!

Коно замолчал. Минутная стрелка с громким металлическим стуком перескочила на следующее деление.

И еще девять раз. Бонд посмотрел на черно-белый циферблат. 11:14. Мощное сердитое ворчание послышалось где-то глубоко под ним, за ним

— тяжелый удар очень горячего воздуха.

Бонд встал и медленно пошел прочь, дошел до чистого участка пола и остановился. Повернулся к гейзеру. Ворчание превратилось в далекий визг. Визг — в глубокий устрашающий рев; казалось, из туннеля вырвался экспресс. Раздался резкий хлопок, и из дыры, на которой только что сидел Бонд, с огромной скоростью вылетела внушительная струя блестящей серой грязи. Прямо в отверстие в потолке. Извержение продолжалось с полсекунды, сухой жар заполнил комнату. Бонд вытер пот со лба. Затем серая арка обрушилась вниз, грязь зашлепала по крыше над головой, расплескалась дымящимися лужами по полу. В дыре забулькало, и комнату заволокло паром. Тошнотворно воняло серой. В наступившей тишине щелчок минутной стрелки прозвучал, как удар гонга.

Бонд повернулся и посмотрел на парочку под часами. Весело сказал:

— Ну, Блофелд, ублюдок шизанутый, твой кочегар там, внизу, знает свое дело. Теперь зови дюжину ведьм, и если они такие же красотки, как фройляйн Бунт, попросим Ллойд Вебера сбацать музон и поставим к Рождеству на Бродвее. Заметано?

Блофелд повернулся к Ирме:

— Дорогая, ты была права! Тот самый англичанин. За мной нитка серого жемчуга от мистера Микимото, не забудь напомнить. А теперь надо покончить с ним раз и навсегда. Давно пора спать.

— Действительно, милый Эрнст. Но сначала допроси его.

— Конечно, Ирмхен. Главное, не останавливаться, он уже надломлен. Долго не продержится. За дело!

Назад, вверх по каменному коридору! Назад, в библиотеку! Назад, Ирма — к вышивке, Блофелд — к камину; героическая поза, рука чуть касается рукоятки тяжелого меча. Казалось, они слегка размялись после обеда: партия в бильярд, полистали альбомы с марками, четверть часа скучнейшего домашнего кино.

— К черту шахтера из Фукуока, — решил Бонд. Рядом со стеллажами стоял письменный стол. Он вытащил из-за него стул и уселся. На столе лежали сигареты и спички. Он закурил, с наслаждением вдыхая дым. Не отказывать же себе в последнем удовольствии. Он стряхнул пепел на ковер и положил ногу на ногу.

Блофелд кивнул на лежащие на полу вещи

Бонда:

— Коно, это убрать. Я осмотрю все позже. Подожди с остальными в приемной. Приготовь паяльную лампу и электрогенератор, могут потребоваться. — Он повернулся к Бонду. — А теперь — говори, и умрешь без мучений, от меча. Не бойся. Я им прекрасно владею, и он остр, как бритва. Будешь молчать — подыхать придется долго и мучительно, и все равно заговоришь, не тебя мне учить. Любому упрямству есть предел. Ну?

Бонд спокойно ответил:

— Блофелд, не будь идиотом. В Лондоне и Токио известно, что я здесь. Есть шанс избавиться от вышки. У тебя куча денег, можешь нанять хороших адвокатов. Убьешь меня, песенка твоя спета.

— Мистер Бонд, не преувеличивайте. Как и вы, я знаю бюрократов. И потому с полной уверенностью заявляю, что вы врете. Если бы мою личность официально установили, сюда нагрянула бы целая армия полицейских. А с ними и шишка из ЦРУ, я у них в списке разыскиваемых. Здесь американская сфера влияния. Вам могут разрешить допросить меня после ареста, но не участвовать в нем.

— С чего ты взял, что это полицейская акция? Когда в Англии стало известно об этом местечке, я сразу понял, чья это затея. Получил разрешение на проверку. Мое местопребывание известно, и возмездие не заставит себя ждать.

— Не обольщайтесь, мистер Бонд. От вас и следа не останется. Кстати у меня есть кое-какая информация о причинах вашего появления. Агент сообщил, что глава японской Секретной Службы, некий Танака, появился здесь в сопровождении одетого по-японски иностранца. Ваша внешность соответствует описаниям агента.

— Где он? Я бы хотел с ним поговорить.

— Он занят.

— Ну, конечно.

Черные глаза Блофелда вспыхнули:

— Вы забываетесь, мистер Бонд. Это я вас допрашиваю. Танаку я знаю. Совершенно безжалостная скотина, и я осмелюсь высказать предположение, которое подтверждают и факты, и ваши неуклюжие увертки. Танака уже потерял здесь одного агента. Подвернулись вы, приехали, должно быть, по делам; и за деньги, или в обмен за услугу, согласились убить меня, решив смущающую японское правительство проблему. Меня не интересует, откуда вы узнали, что

доктор Шаттерхэнд на самом деле Эрнст Ставро Блофелд. У вас есть личные причины убить меня, и я абсолютно уверен, что вы никому о них не рассказали, надеясь избежать официального расследования. — Блофелд помолчал. — Я очень умный человек, мистер Бонд. Ну, что скажете? И, так говорят американцы, не выпендривайтесь.

Бонд закурил еще одну сигарету. Сдержанно сказал:

— Я не вру, Блофелд. Если со мной что-нибудь случится к Рождеству, ты и твоя баба превратитесь в трупы.

— Хорошо, мистер Бонд. Но я абсолютно уверен в своей правоте и намерен без дальнейших церемоний собственноручно вас убить. Обойдемся без охранников. Слишком долго вы путались у меня под ногами. У нас с вами личные счеты. Вы когда-нибудь слышали такое японское выражение «киришите гомен»?

Бонд застонал:

— Не надо лингвистических упражнений, Блофелд!

— Оно из лексикона самураев, буквальный перевод: «убить и удалиться». Если простолюдин загораживал дорогу или выказывал недостаточно уважения, самурай имел право снести ему

голову. А я считаю себя хранителем самурайских традиций, и кровь еще не окропляла мой меч. Ваша голова меня вполне устраивает.

Он повернулся к Ирме:

— Ты согласна, дорогая?

Та оторвалась от вышивания:

— Конечно, дорогой Эрнст. Ты прав, как обычно. Но будь осторожен. Это опасное животное.

— Ты забываешь, дорогая, в январе прошлого года он вышел из животного состояния. Один выстрел, и я вернул ему человеческий облик.

Блофелд отошел от камина и взялся за меч.

— Смотри, дорогая.

20. Кровавая мелодрама

Бонд бросил горящую сигарету на ковер, подобрался.

— Вы оба — свихнувшиеся психи, — сказал он.

— Как и Фридрих Великий, и Ницше, и Ван Гог. У нас хорошая компания, мистер Бонд. А что вы из себя представляете? Обыкновенный громила, слепое орудие высокопоставленных болванов. Из так называемого «чувства долга» или «патриотизма» делаете, что приказано, потом жрете, пьете и трахаетесь и ждете очередного случая помародерствовать. Дважды вас посылали против меня, мистер Бонд; везение и грубая сила помогли вам провалить мои величайшие начинания. Вы и ваше правительство объявили их преступлениями против человечества, и до сих пор пытаетесь затащить меня на эшафот. Но пошевелите мозгами, если они у вас есть, мистер Бонд, попробуйте взглянуть на дело с моей точки зрения, реалистично.

Блофелд был высокий мужчина, не меньше шести футов, трех дюймов, мощного сложения. Острие своего самурайского меча он упер в пол

между широко расставленными ногами, мускулистые руки положил на рукоять. Бонд не мог не увидеть нечто величественное в этой грозной фигуре, завораживающем прямом взгляде, высоком белом лбе, жестоком вырезе тонких губ. Традиционное, тяжело спадающее кимоно покроем которого пытались создать иллюзию мощи изначально малорослой расы, увеличивало высокую фигуру до невероятных размеров, а золотой дракон, казалось бы, ребячливая выдумка, угрожающе извивался на черном шелке, извергая пламя, Блофелд прервал разглагольствования, Ожидая продолжения. Бонд присматривался к своему противнику Следующий номер — оправдывающие обстоятельства. Всегда так. Когда они считают) что повязали тебя; когда чувствуют, что выиграли; перед последним ударом, как приятно, утешительно для палача, даже перед аудиторией, обреченной на уничтожение, выложить свои доводы, смыть грех, который он сейчас совершит, Блофелд заговорил рассудительно, уверенно, спокойно.

— Возьмем, мистер Бонд, операцию «Шаровая Молния» По плану, став обладателем ядовитого оружия, я должен был заставить Запад основательно раскошелиться. Что же здесь выходит

за рамки международной политики? Богатые мальчики играют в дорогие игрушки. Бедный мальчик проходит мимо, отбирает их и обещает возвратить за деньги. И если бы дело удалось, какие выгоды сулило оно миру! Бедняку достались опасные игрушки, и в руках, скажем, отбросив аллегорию, у Кастро они могли бы привести к бессмысленному уничтожению человечества. Мой план — прекрасное этому доказательство, Получи я деньги, угроза повторного шантажа привела бы к серьезным переговорам по разоружению, к отказу от опасных игрушек, могущих легко попасть в чужие руки. Разве не так? Теперь о бактериологической атаке на Англию. Дорогой мистер Бонд, англичане — нация больная, со всех точек зрения. Только создав экстремальную ситуацию, можно вывести Британию из летаргии, сплотить ее, как во время войны. Жестокость во спасение, мистер Бонд, какое же это преступление? А сейчас мой так называемый «Замок Смерти». — Блофелд помолчал, задумавшись. — Могу признаться вам, мистер Бонд, мною овладела апатия, с которой я намерен бороться. Одинокий непризнанный гений — хуже того, меня и не пытаются понять. Без сомнения, корни болезни чисто физические: печень, почки, серд-

це, обычные недомогания среднего возраста. Но появилась и умственная усталость, потеря интереса к человечеству, полное безразличие к его будущему. И, подобно пресытившемуся гурману, я ищу острые, изысканные блюда. Так и родился, мистер Бонд, этот полезный и глубоко человечный проект — легкая смерть для уставших от тягот жизни. Я не только дал простому человеку возможность решить проблему «быть или не быть», но и снабдил японское правительство, хотя оно до сих пор не оценило мое великодушие, уютненьким склепом, избавляющим от неприятностей с поездами, трамваями, вулканами и прочими малопривлекательными способами самоубийства. Вы не можете не признать, что это уникальный, отнюдь не преступный, общественный институт, неведомый до сих пор в мировой истории.

— Вчера я был свидетелем отвратительного убийства.

— Это неизбежно, мистер Бонд. Сюда приходят с мечтой о смерти. Вчера вы видели, как слабодушному помогли сесть в лодку Харона. Но, я вижу, мы не понимаем друг друга. Интересно, что у вас там вместо мозгов? Предел ваших мечтаний — выкурить последнюю сигаретку. Хватит бол-

тать. Вы утомительно долго не даете нам спать. Предпочитаете быть зарубленным в вульгарной свалке, или достойно подставите шею сами?

Блофелд шагнул вперед и обеими руками поднял тяжелый меч над головой. Пламя масляной лампы сверкнуло на лезвии, осветило золото искусной резьбы.

Бонд знал, что делать. Палка раненого охранника так и стояла у стены. Но рядом с женщиной была кнопка звонка. Ирмой надо заняться в первую очередь. Какие там приемчики демонстрировали «ниндзя» в тренировочном лагере? Бонд рванулся влево, схватил палку и прыгнул на женщину, уже поднявшую было руку. Палка глухо ударила ее по голове и она нелепо сползла со стула на пол и лежала неподвижно. Меч Блофелда просвистел в дюйме от его плеча. Бонд изогнулся и сделал глубокий выпад вперед через сгиб левой руки, почти как на бильярде. Палка попала Блофелду в грудь, швырнув его к стене, но он с силой оттолкнулся и свирепо ринулся вперед, размахивая мечом, как косой. Бонд попытался ударить его по правой руке, промахнулся и отступил. Палка была единственной надеждой на спасение, и ее приходилось беречь от ударов меча, переломившего бы ее, как спичку. Бло-

фелд, согнув правое колено, сделал внезапный выпад вперед. Бонд метнулся влево, но опоздал на мгновение и острие меча зацепило левый бок, показалась кровь. Не давая Блофелду выпрямиться, Бонд схватил палку обеими руками, изо всех сил хлестнул противника по ногам. Блофелд выругался и попытался выбить палку из рук Бонда. Безуспешно. Но вот он снова перешел в наступление, а Бонд прыгал в середине комнаты, уворачиваясь от ударов и делая короткие выпады. Но как бороться со сверкающей сталью, и Блофелд, почуяв победу, стремительно рванулся вперед. Бонд отскочил, уловил момент и размахнулся. Прямо по правому плечу! Блофелд застонал. Бонд перешел в наступление, нанося удары по туловищу, но одним из ответных ударов Блофелд отрубил от его палки целый фут и, увидев, что получил преимущество, яростно атаковал. Бонд чудом парировал удар, попав палкой по плоской стороне лезвия. Палка скользила в потных руках, и впервые Бонду стало не по себе. Блофелд, казалось, почувствовал это и ринулся вперед, надеясь прорвать оборону противника. Бонд отскочил к стене. Острие меча смотрело ему прямо в живот. Оттолкнувшись от стены, он сделал контрвыпад, палкой отбил меч в сторону

и, швырнув свое оружие на пол, обеими руками вцепился Блофелду в глотку. На мгновение два потных лица прижались друг к другу. Рукоять меча врезалась Бонду в бок, но он не чувствовал страшной боли. Он сжимал руки, сжимал изо всех сил, услышал, как звякнул упавший на пол меч; ногти Блофелда впились ему в лицо, тот пытался добраться до глаз Бонда. Сквозь зубы Бонд хрипел:

— Сдохни, сволочь, сдохни! — И вдруг вывалился язык, глаза выкатились, и тело скользнуло на пол. Не разжимая рук, Бонд опустился на колени рядом с трупом, ничего не видя и не слыша, весь во власти кровавого побоища.

Он медленно приходил в себя. С черного шелка кимоно изрыгала на него пламя голова золотого дракона. С трудом разжав сомкнувшиеся на горле пальцы, встал, не глядя на бурое лицо мертвеца. С трудом удержался на ногах. Боже, как болит голова! Что еще он должен сделать? Попытайся вспомнить. Была ведь идея. Вот черт! Ну, конечно! Он поднял меч и, как сомнамбула, пошел вниз по коридору в камеру пыток. Посмотрел на часы. Без пяти двенадцать. Деревянный, забрызганный грязью ящик рядом с каменным сиденьем. Как давно это было. Он подошел и одним ударом меча

снес крышку. Вот он, вентиль! Он опустился на колени и закрутил его до упора. Что же теперь будет? Конец света? Бонд ринулся наверх. Надо убираться отсюда! Как обойти охрану? Он раздернул портьеру и мечом разбил стекло. За окном была идущая вокруг всего этажа терраса. Что бы нацепить на себя? Вот роскошное кимоно Блофелда. Бонд хладнокровно содрал одежду с трупа, оделся, затянул пояс. Кимоно было ледяным, как змеиная кожа. Он взглянул на Ирму Бунт. Она тяжело хрипела. Стараясь не поранить босые ноги об осколки стекла, Бонд выбрался из окна.

Он ошибся! Это была короткая, закрытая с обеих сторон, терраса. Выхода не было. Он посмотрел вниз. Футов сто до земли! Что-то тихо свистнуло над ним. Он поднял голову. Всего лишь порыв ветерка в снастях воздушного шара. Сумасшедшая мысль пришла в голову: в старом фильме Дуглас Фэрбенкс роскошно летал на люстре. Неужели этот шарик не выдержит вес одного человека?

Бонд бросился в угол террасы, где была привязана веревка, тронул ее. Натянута, как струна! В комнатах за его спиной громко закричали. Баба очнулась? Держась за веревку, он взобрался на балюстраду, проткнул в полотнище плаката опору для ног, ухватился за веревку правой рукой

и, рубанув под собой мечом Блофелда, бросился в пустоту.

Сработало! Дул легкий ночной бриз, и он медленно скользил к морю над залитым лунным светом парком, над поблескивающим, парящим озером. Желто-голубые вспышки замелькали на верхнем этаже замка, прожужжала рядом рассерженная оса. Руки Бонда начали неметь. Что-то ударило его по голове, по тому самому ноющему месту. Это доконало его: черный силуэт замка заколебался и поплыл в лунном свете, дернулся в сторону, и медленно растаял, как шарик мороженого на солнце. Сначала обвалился верхний этаж, потом следующий и еще, и еще, и, спустя мгновение, оранжевая струя адского пламени взметнулась прямо к луне. Послышался громовой удар, и воздушный шар закрутился под порывом горячего воздуха. Что это было? Бонд не знал и знать не хотел. Все заслонила страшная боль. Голова раскалывалась. Пробитый пулей шар быстро терял высоту. Внизу тихо вздыхало море. Бонд разжал руки и камнем полетел в небытие.

21. Некролог

«Таймс»

Коммандер Джеймс Бонд. Кавалер медали «За отвагу».

Добровольческий резерв Военно-Морских Сил.

М. писал:

"Как уже известно вашим читателям, во время официального визита в Японию пропал без вести старший офицер Министерства обороны, коммандер Джеймс Бонд. Есть предположения, что он погиб. С прискорбием вынужден сообщить, что надежд на его спасение не сохранилось. Как глава учреждения, в котором он столь плодотворно работал, считаю своим долгом рассказать об этом незаурядном человеке.

Отец его, Эндрю Бонд, шотландец из Гленса. Мать, Моника Делакруа, подданная Швейцарии. В связи с тем, что отец был зарубежным представителем оружейной фирмы «Виккерс», образование, которому он обязан превосходным знанием немецкого и французского языков, коммандер Бонд начал за границей. В возрасте одиннадцати лет он потерял родителей, погиб-

ших при восхождении в горах Шамуа. Юноша был передан под опеку тетки, мисс Чамйон Бонд, жившей в живописной деревушке Петт Боттом неподалеку от Кентербери, графство Кент. Здесь, в собственном доме, тетка, особа необычайно эрудированная, подготовила его к поступлению в частную школу, и в возрасте тринадцати лет он приступил к учебе в Итоне, куда был записан отцом еще при рождении. Необходимо отметить, что учеба в Итоне была и непродолжительна, и малоудовлетворительна, и спустя два семестра, в результате приписанного ему участия в скандальном происшествии с гувернанткой одного из учащихся, тетка была вынуждена забрать его из школы. Ей удалось перевести племянника в Феттес; школу которую окончил его отец. Здесь царила суровая протестантская атмосфера, академические и спортивные требования были весьма высоки. Несмотря на склонность к одиночеству, мальчик быстро освоился в традиционно сильном спортивном обществе школы, дважды защищал ее цвета в легком весе на ринге и, впервые в истории частных школ Англии, организовал секцию борьбы дзюдо. В 1941 году, оставив школу в возрасте семнадцати лет, он, приписав себе два года и воспользовавшись по-

мощью старых друзей отца по фирме «Виккерс», поступил на военную службу. Ему было присвоено звание лейтенанта. Находясь на службе в Специальном Отделе добровольческого резерва ВМС, благодаря своим выдающимся успехам, он окончил войну в звании коммандера. Именно в то время пишущий эти строки и получил удовольствие познакомиться с коммандером Бондом, получившим назначение в Министерство обороны, где, к моменту своего печального исчезновения, он вырос до поста старшего офицера по связям с общественностью.

Заслуги коммандера Бонда, отмеченные в 1954 коду медалью «За отвагу», к сожалению, не подлежат огласке, хотя следует отметить исключительную храбрость и решительность, проявленную им при выполнении своего долга. Присущая ему импульсивность и склонность к риску неоднократно приводили к конфликтам с вышестоящим начальством, но чисто нельсоновское везение никогда не покидало коммандера в самые напряженные моменты его деятельности. Освещение этих событий, особенно в зарубежной прессе, сделало Бонда во многом; помимо его воли, человеком, вызывающим интерес общественности. В результате, личным

другом и бывшим коллегой Джеймса Бонда была написана о нем серия, ставших популярными, книг. Превысь автор хоть ненамного степень документальности своих работ, он, несомненно, подвергся бы преследованию по Закону об охране государственной тайны. Министерство считает ниже своего достоинства принятие мер против автора и издателя этой высокопарной псевдоромантической стряпни, в искаженном свете представляющей карьеру заслуженного офицера.

В заключение хочется сообщить о чрезвычайной государственной важности последней миссии коммандера Бонда. Хотя она, увы, и оказалась для него последней, высшим руководством страны я уполномочен заявить, что миссия эта увенчалась полным успехом. В результате доблестных усилий, не будет преувеличением сказать, одного человека, безопасность Королевства была значительно укреплена.

Джеймс Бонд состоял в недолгом браке с Терезой Драко, единственной дочерью Марка Драко из Марселя. Брак этот завершился трагедией, в свое время освещавшейся прессой. Детей и родственников, насколько мне известно, у Бонда нет".

Заметка М.Г.:

"Я счастлива и горда тремя годами совместной с коммандером Бондом службы в Министерстве обороны. Если опасения наши в отношении его судьбы оправданы, мне хотелось бы предложить несколько слов в качестве эпитафии. Молодые сослуживцы считают их выражением его жизненной позиции: «Я не хочу жить, чтобы выжить. Я живу на полную катушку».

22. Воробьиные слезы

Когда Кисси увидела падающего в море человека в черном развевающемся кимоно, она мгновенно поняла, кто это, и двести ярдов от основания стены прошла со своим личным рекордом.

Приводнение было жестким, но жажда жизни победила, и, когда Кисси добралась до него. Бонд ожесточенно сдирал с себя кимоно.

Поначалу он принял ее за Блофелда и попытался ударить.

— Я Кисси, — настойчиво повторяла она, — Кисси Сузуки! Ну, вспомни!

Он не помнил. Он видел лишь лицо своего врага и отчаянно хотел уничтожить его. Но силы убывали и, тихо матерясь, он прислушался к умоляющему голосу и позволил выпутать себя из кимоно.

— Плывите за мной, Таро-сан. Если устанете, держитесь за меня. Я выдержу.

Но он за ней не поплыл. Он шел кругами, как раненое, потерявшее ориентацию животное. Она еле сдерживала слезы. Что с ним случилось?

Что они сделали с ним в «Замке Смерти»? Она остановила его и тихо заговорила, и он послушно позволил обхватить себя под мышками и спрятал голову у нее на груди и, работая ногами, она поплыла.

Ей пришлось нелегко — полмили против течения, лишь луна да изредка брошенный через плечо взгляд помогали держать направление, но она сделала все, вытащила Бонда на берег в своей маленькой бухточке и рухнула на плоские камни рядом с ним.

Она очнулась от стона. Он сидел, зажав голову руками, и тускло смотрела море остекленевшими глазами лунатика. Когда она попыталась обнять его, он рассеянно повернулся к ней.

— Ты кто? Как я здесь оказался? Где я? — Он посмотрел на нее внимательнее:

— А ты красивая.

Кисси остро взглянула на него, внезапная мысль мелькнула у нее в голове:

— Вы что, ничего не помните? Не помните, кто вы и откуда пришли?

Бонд провел рукой по лбу, по глазам.

— Ничего, — устало сказал он. — Лицо только помню. Думаю, это был труп. Думаю, одной сволочи. Как тебя зовут? Ты должна мне все рас-

сказать.

— Я Кисси Сузуки, и мы любим друг друга. Тебя зовут Таро Тодороки. Мы живем здесь, на острове, вместе выходим в море. Здесь здорово. Ты можешь идти? Я отведу тебя домой и вызову доктора. И поесть надо. У тебя страшная рана на голове, бок рассечен. Ты, должно быть, упал, когда лазил на скалы за птичьими яйцами. — Она встала и протянула ему руки.

Бонд ухватился за них и с трудом поднялся. Поддерживая его, она повела его по дорожке, ведущей к дому Сузуки. Но они прошли мимо и поднялись к зарослям карликовых кленов и кустов камелий. Они вошли в пещеру за синтоистским алтарем. Пещера была большая, с сухим земляных полом. Она сказала:

— Здесь ты живешь. И я живу с тобой. Я убрала постель. Я ее принесу и еды немного принесу. Ложись, милый, отдыхай, а я займусь делами. Ты болен, но доктор тебя вылечит.

Бонд лег и, положив голову на руки, мгновенно заснул.

Кисси помчалась вниз с горы, счастье переполняло ее. Многое предстояло сделать и организовать, но теперь, заполучив своего мужчину, она не собиралась упустить его.

Светало, родители ее уже встали. Подогревая молоко, скатывая «футон», складывая лучшее кимоно своего отца, возбужденным шепотом она рассказывала им обо всем. Собрала вещи Бонда, нельзя чтобы что-то напомнило ему о прошлом. Родители привыкли к ее сумасбродству и независимости. Отец лишь заметил кротко, что будет замечательно, если «каннуши-сан» даст свое благословение. Потом, смыв с себя морскую соль и одев простое коричневое кимоно, они стремглав помчалась вверх по холму в пещеру.

Позднее ее принял синтоистский священник. Казалось, он ждал ее. Он был печален. Он поднял руку и обратился к коленопреклоненной фигуре:

— Кисси-сан, мне многое известно. Порождение дьявола и его жена мертвы. «Замок Смерти» полностью разрушен. Сделал это, как и предсказывали наши Хранители, человек, пришедший из-за моря. Где он сейчас?

— В пещере за алтарем, «каннуши-сан». Он тяжело ранен. Я люблю его. Я буду ухаживать за ним. Он потерял память. Я хочу выйти за него замуж и пусть он навсегда останется на Куро.

— Это невозможно, дочь моя. Со временем он выздоровеет и вернется в свою страну. Его будут искать люди из Фукуока, может быть, даже из

Токио, он ведь не простой человек.

— Но, «каннуши-сан», если вы прикажете старикам, они сделают вид, что ничего не знают, что этот Тодороки уплыл на Кюсю, и с тех пор о нем и слуху не было. И тем людям придется уйти. Я хочу, чтобы он оставался со мной как можно дольше. Если придет день, и он захочет уехать, я не буду мешать ему, наоборот, помогу. Ему так нравилось здесь со мной и Дейвидом, он сам говорил. Я все сделаю, чтобы он был счастлив. Неужели Куро не может позаботиться о герое, которого сами боги перенесли на наш остров? Неужели Хранители не хотят, чтобы он немного пожил здесь? И неужели я не заслуживаю маленькой награды за помощь и спасение Тодороки-сан?

Священник молчал, закрыв глаза. Посмотрел на умоляющее лицо у своих ног. Улыбнулся:

— Все, что можно, я сделаю, Кисси-сан. Позови ко мне доктора, а потом проводи его в пещеру. Я поговорю со стариками. Но будь осторожна, а «гайджин» не должен показываться на людях несколько недель. Когда все утихнет, он может перебраться в дом твоих родителей.

На полу рядом с Бондом доктор разложил огромную схему человеческой головы, разграфленной на испещренные цифрами и иероглифами сег-

менты. Осторожно ощупал рану Бонда. Кисси стояла на коленях рядом, держа Бонда за руку. Доктор нагнулся, приподнял по очереди веки, и через большое увеличительное Стекло глубоко заглянул в тусклые глаза. Потом послал Кисси за кипятком и принялся чистить касательное пулевое ранение на голове. Пуля чиркнула прямо по огромной опухоли, вскочившей после падения Бонда в ловушку. Доктор засыпал рану сульфамидом, ловко забинтовал голову, заклеил пластырем порез на боку, встал и поманил Кисси из пещеры.

— Опасности для жизни нет, — сказал он, — но пройдут месяцы, может быть годы, прежде чем вернется память. Повреждена височная доля мозга, там расположен центр памяти. Нужны будут тренировки. Старайтесь все время напоминать ему о прошлом. И, со временем, отдельные эпизоды превратятся в целую цепь ассоциаций. Его наверняка отправили бы на рентген в Фукуока, но я думаю, что переломов нет, и, в любом случае, «каннуши-сан» сказал, что вы о нем позаботитесь и что не следует распространяться о его пребывании на острове. Я буду приходить сюда по ночам. Но вам придется поработать; неделю ему совершенно нельзя двигаться. Слушайте

меня внимательно, — сказал доктор и принялся за объяснения. После этого он ушел.

Так дни превращались в недели, и приезжала полиция из Фукуока, и чиновник из Токио по имени Танака, а еще позже появился огромный человек, который сказал, что он из Австралии, и с ним Кисси пришлось труднее всего. Но остров Куро хранил свою тайну, и у стариков были каменные лица «ширан-као». Бонд потихоньку поправлялся, и по ночам Кисси выводила его подышать свежим воздухом. Иногда они купались в бухточке, играли там с Дейвидом, и Кисси рассказывала Бонду об «ама» и о Куру и хитроумно уводила его от вопросов о большом мире.

Пришла зима, и «ама» уже не выходили в море, чинили сети на берегу, ремонтировали лодки, возились на маленьких участках на горных склонах. Бонд перебрался в дом, плотничал, а Кисси учила его японскому языку. Глаза его прояснились, но взгляд еще оставался отсутствующим и каждую ночь снились странные сны о мире, где в больших городах жили белые люди, и мелькали перед ним полузабытые лица. Но Кисси уверяла, что это всего лишь ночные кошмары, совершенно бессмысленные, и постепенно мир Бонда замкнулся стенами маленького каменного

домика и бесконечной линией горизонта. На южный берег острова Кисси его не пускала, но в мае начнется летний сезон, и она с ужасом думала, как увидит он громадную черную стену и воспоминания нахлынут на него.

Доктора удивляло, почему не возвращается память и он решил, что амнезия его пациента неизлечима, но физически Бонд был уже здоров и вполне доволен своей участью, и визиты доктора прекратились.

Лишь одно глубоко печалило Кисси. Еще с первой ночи в пещере она спала вместе с Бондом и каждую ночь ждала, когда же он займется с нею любовью. Иногда он целовал ее, но тело его оставалось безразличным, как бы она ни прижималась к нему и не помогала себе руками. Неужели он стал еще и импотентом? Она поговорила с доктором и тот объяснил, что с ранами Бонда это никак не связано, но он мог просто забыть, как совершается любовный акт. И в один прекрасный день Кисси объявила, что отправляется на Фукуока за покупками, нашла в городе секс-шоп, называвшийся «Лавкой Счастья» (неизменная деталь всех уважающих себя японских городишек), и объяснила свои проблемы стоящему за прилавком седобородому грешнику. На

прилавке не было ничего порочнее презервативов и соблазнительнее настойки женьшеня. Он спросил, есть ли у нее пять тысяч иен, порядочная сумма, и когда она сказала, что есть, закрыл входную дверь и повел ее в глубь магазина.

Торговец сексом нагнулся и вытащил из-под скамьи нечто, напоминающее маленькую клетку для кроликов. В ней на подстилке из мха сидели пять больших жаб. Потом он извлек какую-то хитроумную металлическую конструкцию, похожую на электроплитку, опять же с клеткой посередине. Одну жабу он осторожно засунул в клетку, подтащил большой автомобильный аккумулятор к «плитке» и подключил провода, что-то ласково сказал жабе и отошел. Жаба задергалась, и темно-красные глаза ее сердито уставились на Кисси. Бородавчатая кожа покрылась крупными каплями какой-то жидкости, и секс-торговец радостно потер ладони. Взял в руки ложку и маленький пузырек, приподнял клетку и осторожно собрал ложкой жидкость в пузырек, всего что-то около половины чайной ложки. Закупорил склянку и отдал ее Кисси, схватившейся за нее, как за драгоценную находку. Секс-чудодей отсоединил провода, запихал невозмутимую жабу назад в клетку и закрыл дверцу.

Он повернулся к Кисси и поклонился:

— Достопочтенная покупательница должна увидеть процесс производства. Иначе она вправе предположить, что это всего лишь вода из крана. Вы убедились, жаба с помощью слабого электрошока добросовестно выполняет свой долг, труды ее будут вознаграждены дополнительной порцией мух и кузнечиков. А вот, — он подошел к стенному шкафу и достал маленькую коробочку, — порошок из высушенной ящерицы, оба ингредиента, добавленные в ужин вашего возлюбленного, совершат чудо. А для возбуждения его чувств я могу предложить за лишнюю тысячу иен великолепный секс-проспект.

— А что это такое?

Энтузиаст сексуального образования залез в шкаф и вытащил простенькую книжку в бумажной обложке. Кисси открыла ее, потом рот, и отчаянно покраснела. Но, будучи девушкой основательной и не желая отдавать деньги неизвестно за что, принялась перелистывать страницы: крупным планом изображены были на них в самых невероятных позах любовные игры самого непристойного свойства.

— Вот это да! — прошептала она и протянула книгу старому сатиру: — Заверните как следует.

Она вытащила кошелек и принялась отсчитывать банкноты. Вернулись в магазин; чертов старикашка, низко поклонившись, протянул ей пакет и отпер дверь. Кисси небрежно сунула чаевые и вылетела из магазина с чувством, как будто бы она заключила договор с самим дьяволом. И вот дьявол овладел ею, и на борту идущего на Куро почтового пароходика она радовалась, и волновалась, и придумывала, чем бы оправдать ей покупку сногсшибательной книжонки.

Бонд ждал ее на причале. В первый раз она оставила его, и он затосковал. Они обрадовались друг другу и, взявшись за руки, пошли вдоль берега, и люди улыбались, но делали вид, что не замечают их: ведь священник сказал, что «гайджина» нет на острове, а его слово было законом.

Дома Кисси весело захлопотала на кухне, готовила она «сукияки», острое тушеное мясо. Одним словом, пир горой, мясо они ели очень редко, но Кисси не хотела рисковать даже малостью и, к тому же, не знала, каков на вкус ее любовный напиток. Когда все было готово, она дрожащей рукой высыпала коричневый порошок и вылила жабий пот в тарелку Бонда тщательно перемешала и вынесла тарелки к сидящему за низким столиком на «татами» семейству.

Исподтишка она наблюдала, как Бонд с удовольствием подобрал все до последней крошки, вытер тарелку щепоткой риса) воздал должное хозяйке, выпил чай и отправился в свою комнату. По вечерам перед сном он обычно чинил сети. Помогая матери мыть посуду, Кисси думала, чем же занимается он сейчас.

Кисси долго причесывалась и приводила себя в порядок и наконец, с бьющимся сердцем вошла к нему в комнату.

Бонд оторвался от сексуально-образовательного трактата и расхохотался:

— Кисси, ради Бога, где ты это раздобыла?

Она хихикнула:

— А, это! Я и забыла. Какой-то скот привязался в магазине, сунул ее мне в руку и назначил свидание вечером. Я и согласилась, чтобы избавиться от него. У нас это называется «книга под подушку». Забавные картинки, правда?

Бонд содрал с себя кимоно. Кивнул на мягкий «футон» на полу. Сказал хрипло:

— Кисси, раздевайся и ложись. Начинаем с первой страницы.

Пришла весна, начался новый сезон, и теперь Кисси ныряла обнаженной, как и другие девушки, и Бонд и Дейвид ныряли вместе с ней, и

случались удачные дни, и случались плохие. Но ярко сияло солнце над голубым морем, и дикие ирисы покрывали склоны гор, и все обрадовались, когда зацвела сакура.

Кисси ждала ребенка и выбирала случай, чтобы сказать об этом Бонду и тогда, быть может, он женится на ней.

Но вот однажды, пока они спускались к бухточке, Бонд выглядел рассеянным и все время думал о чем-то и, наконец, сказал, что им нужно серьезно поговорить, и сердце ее упало, и она опустилась рядом с ним на плоский камень, обняла его, и замерла в ожидании.

Бонд вытащил из кармана смятый клочок бумаги и протянул ей, она поняла, в чем дело и ей стало страшно. Она опустила руки и посмотрела на бумажку: это была газетная четвертушка, снятая с гвоздя в уборной. Она всегда рвала их сама и следила, чтобы на них не оказалось английских слов — так, на всякий случай. Бонд просил:

— Кисси, что это за слово «Владивосток»? Что оно значит? Я его знал когда-то и связано оно с большой страной. По-моему, она называется Россия. Верно?

Кисси вспомнила свою клятву священнику и закрыла лицо руками:

— Да, Таро-сан, верно.

Бонд прижал кулаки к глазам, сильно надавил:

— По-моему, в прошлой жизни у меня там были какие-то дела. Но вот что? Я обязан вспомнить, откуда я появился на Куро. Помоги мне, Кисси!

Кисси подняла лицо и посмотрела на него. Тихо сказала:

— Я помогу тебе, любимый.

— Нужно добраться до Владивостока, и тогда, может быть, я все вспомню.

— Как прикажешь, милый. Завтра в Фукуока идет почтовый пароход. Там я посажу тебя на поезд, дам денег и все объясню. В туристических агентствах предлагают путешествия на Сахалин, это уже Россия. Туда можно добраться с северного острова Хоккайдо. А Владивосток — большой порт к югу от Сахалина. Но будь осторожен, у нас сложные отношения с русскими.

— Разве им опасен простой рыбак с Куро?

Кисси задохнулась. Она встала и медленно пошла вниз к лодке. Она столкнула лодку на воду, села на свое обычное место на корме, поджидая, когда он заберется в лодку, и его колени коснулись ее колен.

Бонд взялся за весла, на носу величественно застыл баклан. Бонд взглянул на рассыпавшиеся

по горизонту лодки и начал грести.

Кисси улыбалась ему в глаза, и над головой сияло солнце, и для Бонда это был замечательный день, как и все прочие — совершенно безоблачный день. Но, конечно, он и не подозревал, что зовут его Джеймс Бонд. И по сравнению с удивительным смыслом одного единственного русского слова, прочитанного на клочке бумажки, и жизнь на Куро, и любовь его к Кисси Сузуки не стоили, по словам Тигра, и воробьиной слезинки.